

ПРОБЛЕМЫ социалистической ЗАКОННОСТИ

22 | 88

<i>Сафронова И. П.</i> О развитии идеи самоуправления народа в программах Коммунистической партии.	3
<i>Горшенев В. М., Петришин А. В.</i> Природа статуса должностного лица. . .	9
<i>Чефранов В. А.</i> Некоторые философские аспекты проблемы обратных связей в правовом сознании.	16
<i>Крулин В. Г.</i> Развитие КПСС ленинских идей кадровой политики в советском государственном аппарате.	23
<i>Орел М. А.</i> К вопросу о реализации методологической функции философских категорий в правовой сфере.	30
<i>Вакуленко С. Ф.</i> Юридическая этика в системе правового регулирования средств правового регулирования.	35
<i>Петрова Л. В.</i> Аксиологическая функция правовой культуры в системе средств правового регулирования.	40
<i>Жеребкин В. Е.</i> К вопросу о специфике юридических понятий.	44
<i>Титов В. Д.</i> О предмете юридической логики.	49
<i>Борисов Г. А.</i> Отправные установления и совершенствование правового регулирования общественных отношений.	54
<i>Рабинович П. М.</i> Реализация норм социалистического права (некоторые ценностные аспекты).	61
<i>Малько А. В.</i> Законные интересы и укрепление социалистической законности.	66
<i>Новиков Е. В.</i> Функции правоприменительных актов.	71
<i>Шахов И. Б.</i> Контроль в системе правовых форм деятельности органов Советского государства.	76
<i>Мельников Ю. И.</i> О понятии и месте процессуальных норм в структуре советского права.	81
<i>Цалин С. Д.</i> К анализу методологических основ теории детерминизма и свободы воли субъекта отклоняющегося поведения.	86
<i>Зеленецкий В. С.</i> Проблемы инициации юридического процесса.	91
<i>Яшин П. П.</i> Конституционный принцип свободы совести — основа правового регулирования деятельности религиозных организаций в СССР. . . .	95
<i>Богачева Л. Л.</i> Разновидности нормативных актов органов Госарбитража в СССР.	100
<i>Грабыльников А. В.</i> Взаимосвязь функций местных Советов в обеспечении соблюдения законов, охраны государственного и общественного порядка, прав граждан	103
<i>Боздан В. В.</i> Некоторые вопросы совершенствования законодательства о государственном страховании	107
<i>Приступа С. Н.</i> Субъекты ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности	112
<i>Шульба М. В.</i> Вопросы правового регулирования земельных отношений в населенных пунктах УССР	114
<i>Письменный Д. П., Лукьянчиков В. Д.</i> Исполнение постановления решения об отказе в возбуждении уголовного дела	118
<i>Гульба К. К.</i> Личные права автора произведения и редактора	121
<i>Сунцов В. В., Сурженко О. А.</i> Некоторые особенности признания граждан утратившими право пользования жилыми помещениями в домах ЖСК. .	127
<i>Тищенко Н. М.</i> Эксперт в производстве по делам об административных правонарушениях	130
<i>Усаченко В. В.</i> Некоторые вопросы квалификации идеальной совокупности преступлений, совершенных специальным субъектом.	134

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Республиканский
межведомственный
научный
сборник
В Ы П У С К 22
Основан в 1976 г.

код экземпляра

302504

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВЫЩА ШКОЛА»

1988

В свете решений XXVII съезда КПСС рассматриваются проблемы марксистско-ленинской методологии правоповедения. На основе анализа советского законодательства и практики его реализации выявляются пути совершенствования механизма государственного правового регулирования, повышения его эффективности, укрепления социалистической законности.

Для преподавателей, научных работников, специалистов.

Редакционная коллегия: д-р юрид. наук проф. *В. Я. Тацкий* (отв. ред.), д-р юрид. наук проф. *М. И. Бару* (зам. отв. ред.), д-р юрид. наук проф. *Ю. М. Грошевой* (отв. секр.), д-р юрид. наук проф. *М. И. Бажанов*, д-р юрид. наук проф. *В. М. Горшенев*, канд. юрид. наук доц. *Л. Я. Носко*, д-р юрид. наук проф. *Р. С. Павловский*, д-р юрид. наук проф. *И. Е. Середа*, д-р юрид. наук проф. *Н. Н. Страхов*, *В. В. Штерн*

Ответственные за выпуск: д-р филос. наук проф. *В. А. Чефранов* и канд. юрид. наук доц. *Г. А. Борисов*

Адрес редакционной коллегии: 310024 Харьков, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 40-41-01

Редакция общественно-политической литературы
Зав. редакцией Л. Н. Авраменко

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Выпуск 22

Редактор *И. И. Коновалова*
Художественный редактор *Т. П. Короленко*
Технический редактор *Г. П. Александрова*
Корректор *А. Г. Долгова*

ИБ № 12187

Сдано в набор 30.11.87. Подписано в печать 08.02.88. БЦ 09515. Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 8, Кр.-отт. 8,75. Уч.-изд. л. 10. Тираж 1000 экз. Изд. № 1602. Зак. 7-311
Цена 1р. 40 к.

Издательство при Харьковском государственном университете
издательского объединения «Выща школа»,
310003 Харьков, ул. Университетская, 16

Отпечатано с матриц типографии изд-ва «Соціалістична Харківщина»
в Харьковской городской типографии № 16. 310003 Харьков,
ул. Университетская, 16. Зак. 735.

П $\frac{1203000000-017}{M226(04)-88}$ КУ-1-501-88

© Издательское объединение
«Выща школа», 1988

О РАЗВИТИИ ИДЕИ САМОУПРАВЛЕНИЯ НАРОДА В ПРОГРАММАХ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Понятие «социалистическое самоуправление» является предметом изучения различных общественных наук и отраслей советского права. Однако до недавнего времени исследованию проблемы самоуправления народа, социалистического самоуправления не уделялось должного внимания. И только в 1985—1986 гг. опубликован ряд работ [5; 6; 7; 9], посвященных этим вопросам. В настоящее время ученые выдвигают предложения рассматривать теорию самоуправления как новое междисциплинарное направление [9, с. 139].

В некоторых выступлениях и публикациях по проблеме указывается на необходимость исследования идеи социалистического самоуправления и ее практического воплощения [5; 9]. В данной связи следует прежде всего обратиться к истории развития идеи самоуправления народа в Программах партии. На это ориентирует нас новая редакция Программы КПСС, в которой сформулирована стройная научная концепция социалистического самоуправления народа, основанная на преемственной связи с идеями и положениями предшествующих Программ. Изучение необходимо проводить с учетом конкретных условий, в которых разрабатывались и действовали Программы Коммунистической партии.

С идеей самоуправления народа мы встречаемся уже в первой Программе партии. Ставя ближайшей политической задачей свержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, она провозглашала самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату. На местах должны были действовать аналоги верховного органа — двухгодичные парламенты [3, т. 1, с. 62].

Таким образом, согласно Программе, самодержавие народа и самоуправление народа — понятия идентичные. Органы самоуправления должны были формироваться на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Избирательное право предусматривалось предоставить каждому мужчине, каждой женщине, достигшим 20 лет. Различий в пользовании

активным и пассивным избирательным правом не было. Избранный назывался народным представителем.

Не вызывает сомнений, что данная система представляет собой самоуправление народа. Налицо принципы организации и деятельности этой системы: управление через народ и для народа. Народ — это избиратели, т. е. большинство населения страны. При капитализме, даже в демократической республике, избиратели состоят из представителей антагонистических классов: эксплуатируемых и эксплуататоров. При условии, что положение о всеобщем и равном избирательном праве осуществляется на деле, избирателей из трудящихся всегда намного больше. И если эксплуатируемые массы под руководством марксистской партии продолжают борьбу за победу социалистической революции, они могут и должны оказывать определяющее влияние на органы власти — органы самоуправления. Это и есть самоуправление народа в демократической республике.

Органы крестьянского, земского и городского самоуправления, созданные в России в пореформенный период, были отделены от государственной власти и управления, хотя действовали с разрешения государства и под его жестким контролем. Сфера их действий была узка, полномочия ограничены, и тем не менее власти использовали любой случай, чтобы и дальше ограничивать и без того малые возможности этих органов, подчинить их своему влиянию. Очевидно, что самоуправление народа, предусмотренное Программой, должно было стать первым в России самоуправлением внутри государственной организации. В Программе при этом учитывался не только опыт России и Парижской Коммуны, но и Маркс его анализ.

Существенное условие такого самоуправления — право гражданина избирать и быть избранным — самое важное политическое право.

Идея организации самоуправления народа воплотилась в Программе РСДРП. Это красноречиво свидетельствует о том, что партия берет на себя ответственность за создание самоуправления, направленность его деятельности. Следовательно, партия становится гарантом самоуправления народа.

Идея самоуправления народа, развитая в Программе РСДРП, не была реализована, так как первая Российская буржуазно-демократическая революция потерпела поражение. Но в ходе революции в 1905 г. в России родились первые Советы рабочих депутатов. Прямая связь между Программой РСДРП и Советами очевидна. Большевики и рабочий класс в революционной борьбе руководствовались Программой РСДРП. Именно ее идеи и положения направляли революционное творчество народных масс.

В революции 1905 г. Советы появились как органы революционного самоуправления пролетариата. Они руководили стачечной борьбой рабочих, заботились об устройстве быта стачечников и их семей, добывали оружие, формировали рабочие дружины, готовясь к вооруженной борьбе с царизмом. Советы не имели ни-

чего общего с тем беспомощным «классическим» самоуправлением типа земств и городских дум, к которому меньшевики пытались их свести.

В ряде случаев Советы выступали как зачатки органов революционной власти. Они организовывали революционное движение широких рабочих масс, руководили их вооруженными выступлениями, разрушали эксплуататорские законы и органы угнетения народа, творили революционное право, выражавшее волю трудящихся масс. Советы как органы революционной власти, исходящей непосредственно от масс, впервые в мире избираемые трудящимися на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, вырастали из Советов — органов революционного самоуправления — и оставались органами революционного самоуправления.

Положения Программы партии о самоуправлении народа, прежде всего о его классовом содержании и формах, уточнялись с учетом опыта революции. Большевики предложили IV (Объединительному) съезду РСДРП ряд резолюций. Съезд их не принял, но от этого значение их не уменьшилось. Так, в резолюции «Временное революционное правительство и местные органы революционной власти» объявлялось, что условием успешного развития революции является создание революционным правительством органов местного самоуправления во всех городах и общинах на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования [3, т. 1, с. 184]. Конечно же, органами революционной местной власти, хотя они и не назывались, были Советы. В этом нас убеждает резолюция «Советы рабочих депутатов», характеризующая Советы как органы революционной борьбы, развившиеся из чисто стачечных органов [3, т. 1, с. 185]. Они — зачатки революционной власти, их нужно превратить во временные революционные правительства на местах. Как видно, здесь указывается и на властный характер Советов, и на их самоуправленческое начало.

Перед партией ставилась задача руководить Советами изнутри. Тем самым утверждалась ее роль как гаранта развития Советов, органов и революционного самоуправления, и революционной власти. Резолюция подчеркивала также необходимость привлечения к участию в Советах возможно большего числа рабочих, представителей революционной демократии, особенно из крестьян, солдат и матросов.

В резолюции «Об отношении к крестьянскому движению» указывалось на необходимость организации Советов крестьянских депутатов как органов революционного крестьянского самоуправления [3, т. 1, с. 196]. Думается, в данном положении заложены понимание Советов как органов революционного самоуправления, представление о том, что революционная власть развивается из революционного самоуправления.

Все идеи были осуществлены с победой Февральской буржуазно-демократической революции. В период двоевла-

ствия органы революционного, точнее, революционно-демократического самоуправления — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — выступали и как органы власти, органы революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) констатировала, что на местах революция идет «вперед путем самочинной организации пролетариата и крестьянства в Советах <...> Этот рост революции в провинции вширь и вглубь... является ростом движения к переходу всей власти Советам...» Именно в этом явлении В. И. Ленин и большевики видели залог успешной подготовки во всероссийском масштабе сил для второго этапа революции, на котором вся государственная власть должна перейти Советам. Задача партии заключалась во всемерной поддержке развития революции на местах, в проведении всесторонней работы внутри Советов, в укреплении их сил, обеспечении пролетарской линии в Советах [3, т. 1, с. 510—511]. Ленинское предвидение о том, что Советы — прообраз пролетарской, социалистической государственности, сбывалось. В напряженной борьбе трудящихся и партии за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую на практике реализовались основы учения В. И. Ленина о социалистическом самоуправлении [2, т. 31, с. 243; т. 33, с. 155; т. 34, с. 316].

С победой Великой Октябрьской социалистической революции Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стали органами власти первого в мире государства трудящихся. Это поистине историческое событие положило начало социалистическому самоуправлению.

Принципы социалистического самоуправления были зафиксированы и во второй Программе партии, где на основе ленинских идей о социалистическом самоуправлении был учтен, хотя и краткий, но поучительный опыт существования Советской власти [3, т. 2, с. 76—79].

В области общеполитической, отмечалось в Программе, советская демократия превратила массовые организации именно угнетенных классов, пролетариев и беднейших крестьян-полупролетариев, т. е. громадного большинства населения, в настоящую и единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу и доверху, и тем самым Советское государство осуществило самоуправление без каких бы то ни было значимых сверху властей.

Самоуправление в молодом социалистическом государстве осуществляли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — органы власти Советского государства. Источник этого принципиально нового явления — принадлежность власти большинству населения, трудящимся. В Программе разъяснялась невозможность подобного в буржуазном государстве; раскрывались исходные принципы социалистического самоуправления — власть, осуществляемая трудящимися, в интересах трудящихся; подчеркивалась объективная связь между советской демократией и са-

моуправлением народа, а также рассматривалось самоуправление как тип демократии.

В тех конкретных условиях, особенно по сравнению с фальшивой буржуазной демократией, считалось правильным называть самоуправление высшим типом демократии. Программа РКП(б) ставила перед партией задачу неустанно работать над проведением в жизнь этого типа демократии и называла гарантии его правильного функционирования: его открытый классовый характер (социалистическое самоуправление — это самоуправление только трудящихся масс); все более широкое вовлечение трудящегося населения в пользование демократическими правами и свободами, расширение материальной возможности этого; постоянное повышение культурного уровня, организованности и самодеятельности масс; демократизм на практике, особенно повышение ответственности и усиление подотчетности должностных лиц.

В Программе говорилось также о перспективах социалистического самоуправления. С устранением временных преимуществ трудящихся перед нетрудящимися, рабочего класса перед крестьянством и с постепенным вовлечением всего населения в работу по управлению государством социалистическое самоуправление трудящихся должно было перерасти в социалистическое самоуправление всего народа, стать подлинно народным самоуправлением.

Предусматривалось также самоуправление в сфере производства. Роль основного звена самоуправления отводилась профсоюзам, которые наделялись большими правами, особенно в создании новой социалистической дисциплины. В самоуправлении в сфере производства участвовали также трудовые коллективы и их члены [3, т. 2, с. 84—86].

Под руководством Коммунистической партии социализм в нашей стране был построен. В результате утвердилось социалистическое самоуправление, развивались его разнообразные формы. Вместе с тем идеи и практика социалистического самоуправления не подкреплялись серьезными научными исследованиями. Исчез сам термин «социалистическое самоуправление». В теории научного социализма образовался существенный пробел [8, с. 10]. Это явление (оно заслуживает специальных исследований) отразилось в третьей Программе партии, где термин «социалистическое самоуправление» не упоминался.

Однако это не означает, что в Программе не затрагиваются вопросы самоуправления. Самоуправление существует объективно, оно имманентно социалистической государственности, и эта жизненная реальность не могла не быть отражена в Программе, где впервые было отмечено преобразование пролетарского государства в общенародное, а пролетарской демократии — во всенародную социалистическую. Такое преобразование обогатило самоуправленческую суть Советов, которые в общенародном государстве, выражающем волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны, составляют политическую основу СССР и являются органами самоуправления всего

народа. Положения Программы КПСС о том, что через Советские профессиональные союзы и другие массовые организации трудящиеся активно участвуют в управлении государственными делами, в решении вопросов социально-экономического и культурного строительства [3, т. 8, с. 205], есть признание существования налаженной системы социалистического самоуправления в духе ленинских идей. Главное направление развития социалистической государственности, подчеркивается в Программе, состоит во всестороннем развертывании и совершенствовании социалистической демократии, активном участии всех граждан в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, усилении народного контроля над деятельностью госаппарата [3, т. 8, с. 273]. Эти требования необходимо рассматривать как указание пути дальнейшего развертывания самоуправления народа. Но следует иметь в виду и то, что данные положения не были связаны с теорией и практикой социалистического самоуправления и потому не могли оказывать должного воздействия на развитие самоуправления народа.

В новой редакции Программы партии было творчески развито учение В. И. Ленина о социалистическом самоуправлении в соответствии с конкретными условиями жизни советского общества, строительства социализма и достижениями науки. В результате образовалась цельная концепция социалистического самоуправления народа как неотъемлемая часть стратегического курса партии на современном этапе, сердцевина процесса углубления демократизации советского общества.

В Программе выдвигается задача поднять социалистическое самоуправление народа на новый уровень, т. е. уровень общенародной демократии, все более полного осуществления социалистического самоуправления народа на основе повседневного, активного и действенного участия трудящихся в решении вопросов государственной жизни; выявляются ленинские принципы социалистического самоуправления народа; характеризуются все его субъекты, которые отражают единство и своеобразие интересов всех слоев населения, всех наций и народностей; рассматриваются многообразные гарантии дальнейшего развития социалистического самоуправления народа.

Для более полного осуществления самоуправления КПСС так направляет и координирует деятельность всех звеньев системы социалистического самоуправления, чтобы каждое из них в специфической для него форме максимально осуществляло присущие ему функции.

Развитие и совершенствование социалистического самоуправления народа — важное условие успеха перестройки.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. 4. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. 5. Бутенко А. П. Марксистско-ленинская идея самоуправления народа и ее историческое развитие // Сов. гос-во и право. 1986. № 3. 6. Гулиев В. Е. Теоретические вопросы социалистического само-

управления // Там же. 1986. № 2. 7. Ильинский И., Рожко И. Социалистическое самоуправление народа // Коммунист. 1986. № 2. 8. Ленинская стратегия партии // Коммунист. 1985. № 17. 9. Теоретические вопросы социалистического самоуправления народа в свете документов XXVII съезда КПСС // Сов. гос-во и право. 1986. № 7.

Поступила в редколлегию 25.11.86.

В. М. ГОРШЕНЕВ, д-р юрид. наук, А. В. ПЕТРИШИН

ХАРЬКОВ

ПРИРОДА СТАТУСА ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА

Концепция углубления социалистического самоуправления народа как стратегической линии в развитии советской политической системы особенно ярко высвечивает проблему должностного лица, требует выяснения и более глубокого постижения его природы, сущности и места в системе институтов социалистической демократии.

Каждый член советского общества может участвовать в самоуправлении народа в качестве ординарного гражданина, депутата соответствующего Совета, должностного лица. Должностное лицо как профессионал по управлению есть исходный, определяющий элемент (звено, клетка) социалистического государственного аппарата, социалистической государственности, непосредственно характеризующий ее именно как *государственность*. Из задачи углубления социалистического самоуправления народа вытекает потребность более четкого установления и осмысления этого феномена государственности, чтобы зримее и глубже представлять, а значит, и осознаннее управлять процессом проникновения самоуправленческих начал во все сферы государственной и общественной жизни, т. е. следует уточнить представление об объекте, во что проникают и должны проникать самоуправленческие начала.

Отправным пунктом исследования данной проблемы должно стать положение классиков марксизма-ленинизма о том, что существенной особенностью государства является специально выделенный из общества особый *разряд* лиц, государственных служащих, которые только тем и занимаются, что управляют другими и в интересах, в целях управления владеют аппаратом принуждения для подчинения чужой воли насилью [2, т. 39, с. 69].

В юридической науке и прежде всего в общей теории государства и права как ее фундаментальном звене до сих пор еще не предпринимались попытки обобщенного исследования природы, сущности и характерных особенностей должностного лица. Исследования проводятся в основном по двум отраслям науки: административному и уголовному праву. Причем эти исследования ведутся без надлежащей попытки сотрудничества и обобщения результатов научного поиска. Существенным недостатком является и то, что в учебных программах по теории государства и права

абсолютно не выделяется в качестве самостоятельного вопроса учение о должностном лице как определяющей клеточке социалистического государственного аппарата и как исходного понятия в теории государства. Парадоксальность такого состояния будет очевиднее, если попытаться представить, например, биологию как науку без специально выделенного учения о клетке, физику — без ядра, химию — без химического элемента и т. д.

Из всего круга проблем, подлежащих рассмотрению, целесообразно в первую очередь сосредоточить внимание на выяснении природы должностного лица и соответственно на определении его понятия. От того, насколько четко и единообразно оно сформулировано, зависит качество правового обеспечения системы государственного управления. Общетеоретическое понятие должностного лица, основываясь на практике закрепления правового положения уполномоченных на выполнение управленческих функций государства, рассматривающих и разрешающих юридически значимые дела субъектов, практически предполагает необходимость дальнейшего оптимального регулирования компетенции и ответственности каждого должностного лица в процессе реализации принадлежащих ему властных юридических полномочий.

Между тем в правовой науке иногда ставится под сомнение сама возможность выработки общего понятия должностного лица [10; 19]. Так, В. М. Манохин определяет должностных лиц как государственных служащих, которые наделены «распорядительными полномочиями или отнесены законом к должностным лицам с целью установления для них повышенной ответственности» [10, с. 124].

Представляется, что имеется достаточно оснований для научного поиска общих, межотраслевых признаков должностного лица и формулировки его общетеоретического понятия. Во-первых, термин «должностное лицо» автономно употребляется в нормативных актах и в первую очередь в Конституции СССР; во-вторых, системность как свойство советского права не дает оснований для неоднозначной интерпретации тех узловых понятий, с которыми имеют дело его различные отрасли. Добавим, что представление о природе и особенностях должностных лиц, складывающееся на основе анализа правового статуса отдельных уполномоченных субъектов, методологически нуждается в выработке общего понятия, которое бы выражало признаки должностного лица в целом с позиции системных закономерностей управления государственными и общественными делами в социалистическом обществе.

Должностные лица занимают особое место в механизме государственного управления, представляют его личностный, человеческий фактор. Именно от них зависит непосредственно качество практической реализации решений Коммунистической партии и Советского государства. Партия и правительство проявляют постоянную заботу о совершенствовании механизма управления в советском обществе, об улучшении кадрового состава государственного аппарата [3, с. 33—48].

Таким образом, при общетеоретической характеристике должностного лица главными должны быть те признаки, которые отражают его глубинные черты — назначение, место и функциональную роль в механизме государственно-правового воздействия на общественные явления и процессы.

Традиционно в юридической науке определение понятия должностного лица связывалось с традицией его легального закрепления в уголовном законе. В примечании к ст. 170 УК РСФСР, ч. 2, ст. 164 УК УССР, в соответствующих статьях УК некоторых союзных республик содержится классическая для уголовно-правовой теории формулировка понятия должностного лица. Однако уже здесь, в рамках отрасли, вследствие неоднозначной трактовки понятия должностного лица в УК других союзных республик, по-разному решается вопрос об отнесении тех или иных лиц к числу должностных.

Различное, а порой и противоречивое, толкование понятия должностного лица связано с тем, что длительное время криминалисты отождествляли должностных лиц со всеми служащими советского государственного и общественного аппарата. В связи с этим необходимо обратиться к истории развития учения о должностных лицах.

В юридической литературе выделяют три этапа развития законодательства о государственных служащих, а следовательно, и различные подходы к определению должностного лица: 1) 1917—1922 гг., включая принятие первых УК, закрепивших предельно широкое понятие должностного лица; 2) 1922 — начало 60-х гг.— период противоборства расширительной и ограничительной тенденций в развитии данного понятия, который завершился принятием действующих УК; 3) с начала 60-х гг. по настоящее время — этап, характеризующийся поиском оптимального определения понятия должностного лица [15, с. 40—49].

Для первого этапа характерна индивидуализация должностных лиц не по объему и характеру полномочий, а по признакам тех организаций, в которых они занимали должность в отличие от других, не работающих в этих организациях лиц. Так, ст. 1 Декрета СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» включала в круг лиц, могущих быть субъектами взятки, тех, которые состояли на «государственной или общественной службе» [6, 1918, № 35, ст. 467]. Эти выводы были положены в основу общего определения понятия должностного лица [26, с. 992].

На втором этапе развития законодательства ученые рассматривают должностных лиц прежде всего как субъектов, наделенных властными распорядительными полномочиями и выполняющих соответствующие функции. Характерным здесь является уточнение понятия должностного лица не посредством отнесения к должности, а через раскрытие особенностей его служебного статуса [8, с. 49—50]. Таким образом были сформулированы основы ограничительного толкования его понятия.

В ходе третьего этапа УК восприняли в качестве критерия определения понятия должностного лица специфику выполняемых им функций, перечень же этих функций и их наименование неодинаковы в соответствующих статьях УК союзных республик, что вызывает критические замечания в правовой литературе [13, с. 126; 15, с. 46—47]. Под должностными лицами в уголовном праве понимаются лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителя власти, а также занимающие постоянно или временно на государственных или общественных предприятиях, в организациях или учреждениях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности по специальному полномочию (Примеч. к ст. 170 УК РСФСР, ч. 2 ст. 164 УК УССР).

Обращает на себя внимание неоднозначность подхода к различным категориям лиц, которые признаются уголовным законом должностными. Так, при характеристике первой категории речи идет о функциональном признаке, второй — о специфике обязанностей. Кроме того, неоправданным является отсутствие в данном определении указания на властность полномочий должностных лиц при осуществлении ими соответствующих функций, что, в частности, и обуславливает их повышенную уголовную ответственность.

В административном праве уточнение понятия должностного лица связывается с отграничением государственных служащих как особой категории работников, их классификацией, обособлением должностных лиц как особой категории служащих. Под государственными служащими здесь понимаются «кадры, которые в интересах и от имени государства выполняют его функции» [23, с. 74]; граждане, работающие в государственных организациях, занимающие в них должность по назначению, выборам или в ином установленном законодательством порядке, наделенные соответствующими должностными полномочиями, действующие от имени и по поручению государства в целях практического осуществления его задач, с определенной оплатой труда [10, с. 83; 22, с. 117]; лица, занимающие в соответствии с ЕНДС и штатным расписанием конкретного органа должность, выполняющие от имени и по поручению государства в пределах своей компетенции управленческие функции, связанные с подготовкой и принятием решения и организацией его исполнения в целях практического осуществления государственных задач и получающие от государства вознаграждение за труд [20, с. 27].

Такой подход приводит к объединению по признаку занятия должности в государственном аппарате или исполнения работ непроизводственного характера [21, с. 125] субъектов, выполняющих различные по характеру функции. Конкретизации последних призвана способствовать классификация служащих на должностных лиц в широком и «тесном» смысле слова [8, с. 49—50], вспомогательный персонал; должностных лиц и представителей

власти [23, с. 110—111] (некоторые авторы выделяют в данной классификации четвертую группу — так называемый оперативный состав [21, с. 128]); служащих, наделенных распорядительными полномочиями и таковых не имеющих [10, с. 122—123]. Различают также государственную службу в широком понимании и государственную службу в узком смысле слова [22, с. 117].

Под должностными лицами в узком смысле (государственными служащими в собственном смысле слова) понимаются работники, выполняющие функции административно-управленческого характера, осуществление которых связано с изданием актов управления, влекущих юридические последствия. Ц. А. Ямпольская, например, подчеркивает, что «должностными лицами являются те государственные служащие, которые при осуществлении своей служебной компетенции имеют право на совершение юридически значимых действий и, в частности, административных актов» [28, с. 141]. Некоторые авторы предлагают относить к должностным лицам государственных и общественных служащих, осуществляющих от имени государственных и общественных организаций, учреждений, предприятий управление людьми, а также служащих, деятельность которых связана с движением материальных и денежных ценностей, т. е. «осуществляющих как управление людьми, так и управление вещами», [14, с. 36], а иные определяют должностных лиц как служащих, являющихся носителями государственно-властных полномочий [12, с. 38].

В юридической литературе справедливо критикуется специфичность такого признака должностного лица, как «совершение юридически значимых действий», поскольку подобные действия могут совершать практически все субъекты советского права [10, с. 124]. Вряд ли можно согласиться с отнесением к должностным лицам, связанных с движением материальных и денежных ценностей или управляющих вещами, так как в данном случае под категорию управленческих субъектов подпадают кассиры, продавцы и другие работники, не принимающие участия в управленческом процессе. Эти лица наделяются не властными полномочиями, а конкретными правами, обязанностями по приему, хранению, выдаче имущества, тех или иных материалов и ценностей. Важным представляется указание на наличие у должностных лиц властных полномочий, но в таком случае не раскрываются природа последних, их происхождение и назначение, вследствие чего определение И. Н. Пахомова выглядит чрезмерно формальным и «юридизированным», а значит, неполным.

Следует, однако, подчеркнуть, что приведенные выше определения понятия должностного лица правильно отражают отдельные существенные его признаки, взаимодополняют и взаимообогащают друг друга, стимулируя тем самым поиск единого общего критерия, который мог бы объединить их на общетеоретической основе.

Для поиска такого критерия целесообразно возвратиться к анализу законодательного материала, закрепляющего правовое поло-

жение конкретных должностных лиц по осуществлению ими своих полномочий, принимая во внимание те аспекты сущности его понятия, которые оттеняются различными авторами. Так, с первых лет Советской власти должностными в законодательстве именуются лица, пользующиеся правом найма и увольнения [6, 1919, № 18, ст. 204]; на основании распоряжения которых произведено причинившее ущерб действие [6, 1919, № 23, ст. 271]; стоящие во главе ведомств [6, 1922, № 62, ст. 800] и т. д. Данная тенденция нашла свое продолжение и в современной законодательной практике: к должностным относят лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях [4, 1980, № 44, ст. 910]; обладающих правом увольнения или перевода работника на другую работу [4, 1970, № 29, ст. 93]; возглавляющих предприятия и объединения [5, 1965, № 19—20, ст. 155]; имеющих право налагать дисциплинарные взыскания [27, 1972, № 12] и т. д.

При всех различиях в конкретном содержании деятельности должностных лиц они осуществляют *управленческие функции*, оказывают управленческое по своему характеру воздействие на других лиц, что находит свое выражение в терминах: руководит, разрешает, рассматривает, применяет, контролирует и т. п. Управление как внешнее проявление власти невозможно без соответствующих организационных средств и методов его осуществления. Одним из организационно-правовых средств государственного управления выступает система государственных органов с соответствующим составом должностных лиц [7, с. 8]. Государственное управление здесь понимается в широком смысле как функционирование государственной власти, процесс реализации ее творчески-созидательного потенциала [16, с. 165], и соответственно под органами государственного управления (государственной власти) понимаются все органы государства, весь государственный аппарат [24, с. 46].

Так, некоторые авторы именуют должностных лиц управленческими кадрами, подразумевая под ними «служащих, занимающих должности в отраслях государственного управления и участвующих согласно правовому статусу должности в управленческом процессе, направленном на реализацию управленческих функций» [17, с. 25], на основании чего различают управленческие, исполнительские, вспомогательно-технические и обслуживающие должности [18, с. 77—78].

К таким выводам, как указывалось выше, подводят положения классиков марксизма-ленинизма об объективной необходимости общественного разделения труда и специфичности социального назначения того разряда лиц, которые специально выделяются из общества и только тем и занимаются, что управляют. «Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда *внутри общества*» [1, т. 37, с. 416]. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Люди делятся на управ-

ляемых и на специалистов по управлению, на тех, которые поднимаются над обществом и которых называют правителями, представителями государства» [2, т. 39, с. 72].

Социалистическое право, являясь органическим элементом государственного управления, пронизывает все основные проявления управленческой деятельности. Правовой аспект — ядро теории и практики государственного управления, поскольку концентрирует важнейшие интересы политико-управляющей системы, и в «его рамках решается проблема гарантированного возможностью государственного принуждения правового обеспечения государственного управления» [25, с. 25]. В пределах правового обеспечения государственного управления происходит закрепление целей, задач, функций и компетенции органов государства и должностных лиц, установление принципов, средств и способов достижения результата, определение ответственности всех субъектов управленческого процесса. Реализуя юридические властные полномочия, должностные лица совершают определенные юридические действия и поэтому несут повышенную политическую и юридическую ответственность как лидирующие субъекты управленческой деятельности.

С учетом изложенного можно определить должностное лицо как гражданина, выполняющего служебную функцию государственного управления, наделенного в целях ее осуществления минимумом властных полномочий и способностью привести в действие аппарат принуждения, официальными статусом и атрибутами должности.

Следует поддержать позицию авторов, предлагающих устранить конкуренцию в законодательстве терминов «должностное лицо», «руководитель», «ответственный работник», поскольку по существу они означают одно и то же, а именно: наличие у управляющего субъекта властных полномочий, и заменить их единым конституционным понятием — «должностное лицо» как представитель государства и его органов с полномочиями публичного характера. Что же касается термина «представитель власти», применяемого в уголовном законодательстве для обозначения одной из категорий должностных лиц, то мы считаем его употребление неправомерным, поскольку в соответствии с Конституцией СССР представителями власти являются только депутаты Советов. Кроме того, есть основания для отграничения от должностного лица, с одной стороны, специалиста как лица, обладающего специальными познаниями, а с другой — лица, обслуживающего те или иные потребности общества как выполняющего определенные функции в сфере услуг.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Ведомости Верховного Совета СССР. 5. СП СССР. 6. СУ РСФСР. 7. Бачило И. Л. Организация советского государственного управления. М., 1984. 8. Евтихийев И. И., Власов А. Административное право в СССР. М., 1946. 9. Маврин С. П., Плиев И. П. Понятие должностного лица в советском трудовом праве // Правоведение. 1983. № 4. 10. Манохин В. М. Советская государственная служба. М., 1966, 11. Ле-

Бин Б. Д., Перфильев М. Н. Кадры аппарата управления в СССР. Л., 1971. 12. Пахомов И. Н. Виды советских государственных служащих, их права и обязанности. Л., 1965. 13. Петров Г. И. Гражданин и должностное лицо в Советском государстве // Вести. Ленингр. ун-та, 1971. № 23. 14. Петров Ю. А. К понятию должностного лица // Правоведение. 1974. № 6. 15. Петухов Г. Е., Васильев А. С. Понятие должностного лица в советском законодательстве // Правовой науке // Там же. 1980. № 3. 16. Проблемы теории государства и права. М., 1979. 17. Розенбаум Ю. А. К понятию управленческих кадров // Правоведение. 1976. № 6. 18. Розенбаум Ю. А. Формирование управленческих кадров. Социально-правовые проблемы. М., 1982. 19. Светлов А. Я. Борьба с должностными злоупотреблениями. К., 1970. 20. Служащий советского государственного аппарата. М., 1970. 21. Советское административное право: Учебник. М., 1985. 22. Советское административное право / Под ред. Р. С. Павловского. К., 1986. 23. Студеникин С. С. Советская государственная служба // Вопросы сов. административного права. М.; Л., 1949. 24. Теория государства и права: Учебник. Л., 1982. 25. Туманов Г. А. Об основаниях, содержании и перспективах теории государственного управления // Сов. гос-во и право. 1984. № 1. 26. Энциклопедия государства и права. М., 1925. Вып. 2. 27. Бюллетень Госкомтруда. 1972. № 12. 28. Ямпольская Ц. А. О должностном лице в советском государственном аппарате // Вопросы сов. административного права.

Поступила в редколлегию 06.06.87

В. А. ЧЕФРАНОВ, д-р филос. наук

ХАРЬКОВ

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ОБРАТНЫХ СВЯЗЕЙ В ПРАВОВОМ СОЗНАНИИ

Совокупность научных представлений об обратных связях в правовом сознании может рассматриваться как определенная философская (методологическая) предпосылка исследования проблем, связанных с совершенствованием системы правового регулирования общественных отношений. Эти проблемы вытекают из поставленной XXVII съездом КПСС задачи воспитания у советских людей высокой политической сознательности, уважения к законам и правилам социалистического общежития [3, с. 165].

Обратная связь в целом не сводится к простому воздействию общественного сознания на общественное бытие, а представляет собой специфическую разновидность социального отношения, в процессе которого осуществляются контакты и взаимовлияние объекта и субъекта отражения. В связи с тем, что право и правовое сознание в целом относятся к средствам социального саморегулирования (самоуправления), к ним вполне применимы идеи кибернетики, выработавшей наиболее полные представления о принципах саморегулирования и самоуправления. Такие идеи позволяют глубже раскрыть сущность категории обратной связи, которая не исчерпывается ни понятием причинно-следственной связи, ни понятием обратного воздействия, а проявляется как контролирующее (регулирующее) обратное воздействие, обусловленное передачей информации и имеющее своей конечной целью со-

ранение или повышение организованности системы [9, с. 139].

В этом смысле в понятие обратной связи правового сознания ключается не только обычное воздействие последнего на объект волевого отражения, но и определенные внутренние изменения в правовом сознании, в процессе которых происходит совершенствование его как системы управления с целью повышения уровня ее внутренней организованности и целесообразности действий. Однако какие бы аспекты обратной связи ни подвергались анализу, мы с неизбежностью приходим к проблеме обратного воздействия как сущностного выражения данной связи. Именно здесь в наибольшей степени обнаруживается активный характер любой разновидности общественного сознания как социально-деятельностно-го (практического) отношения субъекта к предмету отражения.

Важное методологическое значение для характеристики обратных связей правового сознания имеет историко-материалистическая концепция диалектики материальных и духовных факторов общественного развития. Ф. Энгельс, подвергая острой критике тех идеологов, которые пытались обвинить материалистическую теорию К. Маркса в отрицании возможности воздействия «идеологических областей» на историю, писал: «В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие <...> Историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины» [1, т. 39, с. 84].

Положительно решая вопрос о возможности познания разнообразных связей и отношений материального мира, марксистская философия подчеркивает активное воздействие людей на окружающую их действительность в целях ее преобразования и удовлетворения исторически изменяющихся потребностей человека. «Дело обстоит совсем не так,— писал Ф. Энгельс,— что только экономическое положение является *причиной*, что только оно является *активным*, а все остальное — лишь пассивное следствие» [1, т. 39, с. 175] и, что, хотя материальные условия существования являются первопричиной, это не исключает того, что идеологические области оказывают в свою очередь обратное, но вторичное воздействие на эти материальные условия [1, т. 37, с. 370].

В таком своеобразном превращении идеального в реальное происходит процесс обратного отражения (субъекта в объекте). И это закономерно: человеческие отражения мира не остаются в сфере «чистых» идей, а действуют как цели, которые осуществляются и изменяют действительность, сообразуя ее с человеческими понятиями, а понятия — с действительностью. «В практической идее (в области практики),— подчеркивает В. И. Ленин,— это понятие как действительное (действующее?) противостоит дейст-

вительному <...> мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его» [2, т. 29, с. 194—195].

Правовое сознание — одна из наиболее активно функционирующих разновидностей социального отражения, ибо в нем предметно-деятельностная (социально-практическая) сторона если и не преобладает над познавательной и оценочной функциями, то, по крайней мере, имеет исключительно важное значение. Это в конечном счете связано с его высокой регулятивной ролью, опирающейся на возможность реализации с помощью устанавливаемых государством общеобязательных правил поведения (юридических норм).

Уровень и направление обратного воздействия правового сознания связаны не только с социально-классовой ситуацией, с точностью (адекватностью) воспроизведения в правовом сознании закономерностей функционирования правового объекта, но и с внутренней структурированностью данной разновидности социального отражения.

Если иметь в виду первое обстоятельство (от которого в той или иной степени зависят и все остальные), то следует подчеркнуть более высокую степень воздействия на общественную жизнь идей, взглядов и соответствующих им психологических форм, связанных с деятельностью прогрессивных классов общества, обладающих исторической перспективой и могущих поэтому исходить из объективных тенденций исторического процесса. Применительно к государству Ф. Энгельс подобный случай назвал действием в том же направлении, в каком идет экономическое развитие. В результате развитие общественных отношений «идет быстрее» [1, т. 37, с. 417]. Такая характеристика может быть отнесена прежде всего к правосознанию трудящихся масс, а также, в известной мере, и эксплуататорским классам, когда они в силу своей первоначальной прогрессивности еще могут вести борьбу за уничтожение старых, изживших себя общественных форм.

Однако с утратой классом своей прогрессивности уровень и особенно направление обратного воздействия его правового сознания существенно изменяются, примером чему может служить отказ современной империалистической буржуазии от прогрессивных традиций классического правового сознания. При такой ситуации правовое сознание (подобно государственной власти) может действовать против экономического развития, и так же, как и государственная власть, оно «терпит крах через известный промежуток времени» [1, т. 37, с. 417; 1, т. 6, с. 259—260].

Говоря о зависимости обратного воздействия правового сознания от адекватности отражения общественного бытия в правовых идеях, взглядах, нормах и т. п. [9, с. 49], следует подчеркнуть, что правовое сознание никогда не может быть абсолютно точным и исчерпывающим отражением. Рамки его релятивности могут расширяться или же суживаться, что связано не только с классовыми причинами, но и со степенью зрелости познавательных возможностей общества в целом. Как информационная, так и

ориентировочная, функции правового сознания базируются на знании. Отмечая роль объективно-истинного отражения, П. В. Копнин пишет: «Чем знание объективнее по своему содержанию, тем оно ближе к практической реализации» [6, с. 89].

Если информация, заложенная в правовом сознании, перестает соответствовать потребностям развития общественного бытия, оно утрачивает свою истинность, дальнейшее сохранение такого правового сознания приобретает искусственный характер, а попытки претворить его в действительность оказывают негативное воздействие на ход общественного развития.

В связи с тем, что механизм действия правового сознания связан со второй сигнальной системой, характерным признаком которой является реакция на слово, на смысл последнего, важнейшее значение приобретают четкость и ясность формулировок правовых категорий, в которых заключены те или иные правовые идеи. Четко обозначенная языковая форма существования правового сознания выступает как условие его усвоения людьми и относительно свободного обмена правовой информацией.

Рассмотрение обратного воздействия правового сознания в аспекте его внутренней структуры выявляет существенные различия между его отдельными элементами в смысле интенсивности и форм обратного воздействия.

Каждый из элементов правового сознания выполняет определенную регулятивную функцию. В этом смысле все они в совокупности выступают как звенья единой управляющей системы, регулирующей поведение людей и, таким образом, оказывающих обратное воздействие на развитие общественного бытия.

Однако в наибольшей мере социально-регулятивная функция проявляется в нормах права. Правовое сознание в его нормативном выражении, воплощаясь в строго регламентированных нормах поведения, «которые должны иметь абсолютную силу» [1, т. 1, с. 628], придает деятельности людей определенное направление, способствуя тем самым достижению поставленных целей.

Обратное воздействие права необходимо отличать от правового воздействия. Если последнее представляет собой такую форму обратной связи, в которой участвуют все элементы правового сознания, специфика воздействия правом заключается в общеобязательности исполнения правовых норм. Поэтому можно сказать, что воздействие правом — это высшее проявление правового воздействия [7, с. 177].

Нормы права, будучи практической («объективированной») стороной правового сознания, выступают как его своеобразный активный центр. При этом они обладают особой социально-регулятивной силой. В советской социологической и правовой литературе проблема обратного воздействия правового сознания нередко рассматривается, прежде всего, под углом зрения эффективности правовой нормы. Как верно замечает А. М. Яковлев, для «социологии права важна прежде всего «реальность» права,

т. е. интересна не столько норма «в законе», сколько ее реальное бытие «в жизни» [11].

В процессе практической реализации положений правового сознания, достигаемой с помощью норм права, происходит проверка истинности правовых идей, взглядов, принципов, их адекватности потребностям развития общественного бытия. В. И. Ленин отмечал, что деятельность человека дает возможность разрешить все коллизии процесса познания, ответить на извечный вопрос, стоящий перед человечеством: что такое истина? «Замечательно к «идее» как совпадению понятия с объектом, к идее как *истине*, Гегель подходит *через* практическую, целесообразную деятельность человека» [2, т. 29, с. 173].

Нормы права определяют наиболее вероятное направление реализации всех свойств и сторон правового сознания в целом, обеспечивают реализацию регулятивных потенций каждого из элементов структуры правового сознания в той или иной конкретной ситуации.

Интенсивность регулятивного функционирования правовых норм связана также с высоким уровнем их внутренней организации, что находит свое выражение в строгой упорядоченности правовой нормы, содержащей такие четко обозначенные элементы, как гипотеза, диспозиция, санкция. Правовые нормы, особенно в той части, где они содержат санкцию, представляют собой своеобразные знаковые системы, которые действуют даже в тот момент, когда они не применяются. Они как бы постоянно сигнализируют (предупреждают) о последствиях, наступающих в результате соблюдения либо нарушения требований закона.

Но если нормы права с точки зрения обратного воздействия занимают в системе правового сознания как бы центральное место, то не оформленные в юридическую норму элементы данного сознания имеют в этом отношении более скромные возможности. Сказанное, однако, не означает, что их обратное воздействие на общественное бытие сводится к нулю. Все «ненормативные» элементы правового сознания оказывают свое воздействие на общественное бытие прежде всего опосредованным путем: и правовая идеология, и психология, и теоретические, и обыденные правовые взгляды, и все иные элементы правового сознания оказывают свое воздействие на общественное бытие прежде всего через систему государства и права, в деятельности которых происходит процесс их «опредмечивания» и превращения в непосредственное бытие. Кроме того, каждый из элементов правового сознания опосредуется всеми иными формами этого сознания. В процессе обратного воздействия наиболее проявляются функциональная связь и взаимодействие различных сторон правового сознания, что, однако, не исключает рассмотрения некоторых особенностей, которыми характеризуется каждый из элементов правового сознания с точки зрения его обратного воздействия.

Если в рассматриваемом плане иметь в виду правовую идеологию, то необходимо заметить, что в сравнении с иными видами

«ненормативного» правового отражения ее воздействие на правовую систему, а значит и на общественное бытие, отражаемое в правовом сознании, оказывается наиболее ощутимым. Находясь в отношениях субординации с правовой идеологией, государственно-правовая система выступает как практический проводник не только политических, но и правовых идей.

Правовая идеология задает государственно-правовой системе необходимый тон и «рекомендует» ей наиболее оптимальную линию «поведения» с точки зрения воздействия на объект правового отражения. «Идея показывает субъекту несовершенство объекта и тем самым обосновывает теоретически необходимость его изменения» [6, с. 98], и в этом отношении правовая идеология есть не просто составная часть знания, а звено перехода от знания к практике [12, с. 142].

Значительными возможностями обратного воздействия обладает теоретическая форма правового сознания. Ф. Энгельс в письме к И. Блоху от 21—22 сентября 1890 г., перечисляя факторы, оказывающие влияние на ход исторической борьбы, наряду с государственным строем и правовыми формами, упоминает также о юридических теориях, имея в виду дальнейшее их развитие «в систему догм» [1, т. 37, с. 395].

Влияние правовой науки на общественную жизнь зависит в конечном счете от того, в какой мере ее достижения учитываются в законодательной и законоприменительной практике. Учет научных достижений в правовой практике позволяет достигнуть наибольшего эффекта в воздействии правового сознания на общественное бытие или, иначе, в переходе субъективности в объективность, который осуществляется в процессе реализации правового сознания. «В науке, которая посредует практику и помогает ей, и в практике, которая осуществляет науку, совершается этот переход субъективности в объективность на высшем уровне» [5, с. 53].

Научно-практическое отражение, исходя из тенденции к объективно-истинному отражению, способно привносить в правовое сознание новые моменты, т. е. те, которые не учитываются в правовой идеологии, нормах и иных элементах правосознания. Благодаря этому правовое сознание может претерпевать своеобразные поправки в понимании значения, места и роли социальных явлений, относящихся к правовой действительности.

Обратное воздействие правового сознания осуществляется также и на психологическом уровне отражения. Данная проблема должна рассматриваться прежде всего под углом зрения поведения людей, связанного с функционированием правовой сферы. Чувственное отношение людей к объекту правового отражения может выступать как обстоятельство, стимулирующее ту или иную форму поведения. В зависимости от потребностей, целей, установок социальной группы или отдельной личности такое поведение может характеризоваться как правомерное или противоправное. Формализация требований правового характера не исключает, однако,

конформизма в поведении людей, когда, например, правомерное поведение выступает как средство избежания неудобной, травмирующей ситуации.

Императивный характер правовых норм как четких государственных предписаний выполняет определенную психологическую функцию внушения [8, с. 146], благодаря которой может формироваться социально-правовой рефлекс — известный психологический импульс, ориентирующий и контролирующий поведение человека в рамках требований закона.

Таким образом, социально-правовая психология выполняет определенную служебную роль по отношению к практике. Она подготавливает решения человека о том, как надо практически действовать, способствует формированию регулятивно-управленческой функции его сознания. Через правовую психологию, так же, как и через обыденное правосознание, право как бы самореализовывается.

Реализация права непосредственным образом связана также с проблемой индивидуального правового сознания. Его осуществление зависит прежде всего от деятельности (поведения) человека в правовой сфере. Как правомерное, так и противоправное поведение личности есть проявление вовне ее индивидуального правового сознания.

Отражение правового объекта в сознании индивида порождает в нем «идеальные стремления» или силы, которые служат побуждениями к действию и определяют его направление. «Исполнительская регуляция» направляет и согласует все действия человека в соответствии с сознательно поставленной целью. Эти действия могут дать максимальный эффект лишь в том случае, если они соотносятся с интересами общности. Примат во взаимодействии индивидуального и общественного правосознания принадлежит последнему. Оказывая на личность идеологическое, психологическое и превентивно-воспитательное воздействие, общественное правосознание создает условия для успешного решения намеченных партией задач, связанных с повышением роли человеческого фактора.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Губерман И. Чудеса и трагедии черного ящика. М., 1969. 5. Живкович Л. Теория социального отражения. М., 1969. 6. Колнин П. В. Идея как форма мышления. К., 1963. 7. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. 8. Лукашева Е. А. Социалистическое право и законность. М., 1973. 9. Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972. 10. Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи. М., 1967. 11. Проблемы социологии права. Вильнюс, 1970. Вып. 1. 12. Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1972. 13. Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. М., 1972.

Поступила в редколлегию 07.07.86

РАЗВИТИЕ КПСС ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АППАРАТЕ

Находясь на качественно новом этапе строительства коммунистического общества, Советское государство переживает исключительно важный и ответственный период. Несмотря на поступательное движение советского общества вперед, в стране наметились проблемы, замедленное решение которых может повлечь ряд экономических, политических и социальных трудностей. В условиях ускорения социально-экономического развития страны одной из существенных проблем является проведение в жизнь принципиальной, эффективной кадровой политики и осуществление кадровой работы. XXVII съезд КПСС по-ленински рассмотрел и творчески развил вопросы кадровой политики и кадровой работы в советском государственном аппарате. «Кадры, преданные делу партии, идущие в авангарде борьбы за проведение в жизнь ее политической линии,— самое главное, самое драгоценное наше достояние»,— подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии [2, с. 84]. Подбор, подготовка и расстановка кадров в советском государственном аппарате становятся важнейшей политической необходимостью и находятся сейчас под неослабным контролем ЦК КПСС, ЦК союзных и автономных республик, обкомов, крайкомов, горкомов и райкомов партии.

Сердцевину ленинской кадровой политики в советском государственном аппарате составляют три организационных звена: подбор и выдвижение кадров; их подготовка и обучение; расстановка и закрепление на местах. Являясь в известной степени самостоятельными, автономными, эти звенья находятся в тесном единстве, взаимосвязи, представляют единый процесс, сущностную сторону ленинской кадровой политики и направлены на достижение определенного материально-правового результата — формирование кадров государственного аппарата, отвечающих требованиям социалистического и коммунистического строительства. Ленинской кадровой политике в целом и каждому из ее трех звеньев присущи основные (общие) принципы, характеризующие кадровую политику всех без исключения звеньев государственного аппарата, и специальные (частные) принципы, отражающие особенность данной политики применительно к тем или иным органам государственного управления. В то же время ленинские принципы работы с кадрами нашли свое законодательное закрепление при регламентации вопросов процесса государственной службы и выражаются в ряде требований, которые носят общий для всех государственных отношений характер, а также действуют в масштабе отрасли или сферы государственного управления или вида государственной деятельности.

Подбор кадров для советского государственного аппарата — это большое, сложное и ответственное дело, которое, с одной стороны, предполагает строгое соблюдение и совершенствование самого процесса механизма отбора кадров, а с другой — научно обоснованное выявление политических, деловых и личностных качеств кандидатов для работы в государственном управлении. В. И. Ленин самым тщательным образом подходил к решению этой проблемы. «...Первоочередная задача момента, — отмечал он, — не декреты, не реорганизация, а подбор людей...», настаивал на «серьезнейшем отборе наиболее выдающихся и умелых администраторов» [1, т. 44, с. 345, 369].

Ленинские идеи подбора кадров исключительно актуальны и в настоящее время. Вопросы улучшения разработки конкретных рекомендаций по составлению перспективных планов их подбора для различных сфер государственного управления находятся в центре внимания партии. Она повела непримиримую борьбу против любых отступлений от ленинских принципов подбора кадров. Выдвижение руководящих кадров без достаточного изучения их деловых, политических и моральных качеств; поспешный, поверхностный подход и благодушие в деле подбора кадров; стремление оправдать виновных, «сберечь» и «пригреть» скомпрометировавших себя работников, увести их от ответственности и заслуженного наказания, с одной стороны, и вновь назначить их на новые руководящие должности — с другой; выдвижение на руководящие должности лиц по признакам личной преданности, угодничества, протекционизма, родства и землячества — отступления, просчеты в кадровой работе, искривления в кадровой политике, за которые общество расплачивается дорогой ценой. Поэтому совершенно справедливо в выступлениях партийных и государственных деятелей подчеркивается, что сегодня необходима атмосфера, исключая какую бы то ни было возможность кадровых просчетов, позволяющая вскрывать их [4]. Именно такой климат утверждается в партии и в стране после XXVII съезда партии, январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. «Наша первейшая задача — восстановить чистый и честный облик руководителя-коммуниста, облик, на который бросили определенную тень преступления ряда перерожденцев», — отмечалось в материалах Пленума [3, с. 50].

В ленинских положениях подбора кадров красной нитью проходит принцип **классовости**. В. И. Ленин учил формировать советский государственный аппарат снизу доверху исключительно из рабочего класса, трудового крестьянства, зарекомендовавших себя перед Советской властью специалистов и интеллигенции. Идея классового подбора кадров нашла свое отражение в ленинских работах, письмах, выступлениях. В. И. Ленин систематически проводил в жизнь классовый принцип кадровой политики, требуя неукоснительного его соблюдения: «...Надо ставить... побольше рабочих, увеличить в большом количестве число рабочих и крестьян, безусловно тесно связанных с массой беспартийных рабочих и крестьян» [1, т. 37, с. 428; т. 44, с. 336]. В. И. Ленин бо-

ролся и против неправильной организации высших органов государственной власти, например, ВЦИКа, большинство членов которого составляли должностные лица. В письме к И. В. Сталину от 23 мая 1922 г. В. И. Ленин предложил вынести решение Политбюро: «Признать необходимым, чтобы не менее 60% членов ВЦИКа были рабочие и крестьяне, не занимающие никаких должностей на совслужбе» [1, т. 45, с. 203]. Ярким подтверждением осуществления принципа классовости в кадровой политике являются итоги выборов в местные Советы народных депутатов в июне 1987 г. Так, рабочих было избрано 976 552, что составило 42,1% общего числа депутатов, колхозников же — 562 052 чел., или 24,2% общего числа избранных депутатов [6].

Особое внимание В. И. Ленин уделял проблеме подбора национальных кадров для местного и союзно-республиканского государственного аппарата. Он считал ненормальным положение, когда в кадровой политике, особенно на местах, делается уклон в сторону переоценки национальных особенностей, уклон к великорусскому шовинизму. В. И. Ленин указывал на необходимость дифференцированного подхода к подбору кадров: «Отбирать в первую очередь старых партийных работников из местных людей, умело сочетая их с многочисленными кадрами русского происхождения», шире готовить свои молодые национальные кадры [4а, с. 295].

Заботясь об авторитете органов советского государственного аппарата, В. И. Ленин признавал необходимым сосредоточение в них «человеческого материала действительно современного качества» [1, т. 45, с. 389]. Для этого он рекомендовал, чтобы «не менее 67% членов ВЦИКа были коммунисты» [1, т. 45, с. 203]. В работе «Как нам реорганизовать Рабкрин» В. И. Ленин настоятельно призывал в деле совершенствования государственного аппарата руководствоваться опытом гражданской войны: «Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны?»

Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры» [1, т. 45, с. 383]. Поэтому, принцип стабильности партийного руководства в кадровой политике и кадровой работе непреходящ и непререкаем в условиях ускорения социально-экономического развития страны. Итоги выборов в местные Советы народных депутатов показали, что членов КПСС и кандидатов в члены КПСС было избрано 1004757 чел., что составило 43,3% избранных депутатов. Практика кадровой работы свидетельствует, что нетребовательность при подборе и выдвижении кадров, отсутствие должной заботы об их идейно-политическом воспитании, о профессиональном росте, нравственном совершенстве чаще всего проявляются там, где не на высоте оказываются не только отдельные коммунисты, назначенные на ответственные должности, но и сами руководящие партийные работники.

Большое внимание В. И. Ленин уделял вопросам подбора кадров из молодых коммунистов, молодежи в целом: «Надо смелее давать им как можно более разнообразную государственную работу, надо быстрее испытать их практически». Однако смелость нельзя понимать так, чтобы сразу вручать новичкам ответственные посты, требующие знаний, которыми новички не обладают. Смелость нужна в смысле борьбы с бюрократизмом, в смысле установления контроля за служащими, за чиновниками, за специалистами, в смысле немедленного предоставления этим новичкам возможности развернуться и показать себя на широкой работе, в смысле ломки обычных шаблонов, в смысле готовности с революционной быстротой изменять вид работы для новых членов партии, чтобы скорее испытать их и скорее найти им надлежащее место [1, т. 39, с. 235—236].

После октябрьского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС на ключевые посты в советском государственном аппарате, руководстве народным хозяйством выдвинуто немало способных молодых специалистов с учетом мнения партийных организаций и трудовых коллективов. Так, на выборах в местные Советы народных депутатов в 1987 г. было избрано 751 425 депутатов в возрасте до 30 лет, что составило 49,4% общего числа избранных депутатов. Это усиливает исходные позиции кадровой политики и кадровой работы, помогает избегать ошибок, поднимает авторитет общественных организаций и трудовых коллективов, их ответственность за нравственную и деловую закалку кадров. XXVII съезд КПСС подчеркнул, что партия будет и впредь проводить линию на сочетание в руководстве опытных и молодых кадров [2, с. 83]. Это, как правило, более энергичные, инициативные кадры, менее подверженные привычным традициям, лучше понимающие дух и потребности времени.

К важнейшим принципам подбора кадров для советского государственного аппарата В. И. Ленин относил выдвижение женщин на руководящую работу. «Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских талантов, людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и еще большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п.» [1, т. 3, с. 24—25]. Дальнейшее развитие демократических начал кадровой политики и кадровой работы позволяет констатировать, что к руководству важнейшими сферами жизни государства и общества все активнее привлекаются женщины, что их стало больше в составе партийных и советских органов. Так, в местные Советы народных депутатов в июне 1987 г. было избрано 1 146 329 женщин, что составило 49,4% избранных депутатов. На должностях руководителей предприятий и их структурных подразделений в различных отраслях народного хозяйства работает около 25% женщин. Большое внимание уделяется партией избранию в местные Советы народных депутатов беспартийных. Так, на выборах в местные Советы

народных депутатов в июне 1987 г. было избрано 1 317 009 беспартийных, что составило 56,7% общего числа избранных депутатов.

Разрабатывая основы кадровой политики, В. И. Ленин подчеркивал, что главное в этом вопросе — подбор кадров: а) с точки зрения добросовестности, б) с политической позиции, в) знания дела, г) администраторских способностей [1, т. 53, с. 97]. В. И. Ленин исходил из того, что при подборе кадров для советского государственного аппарата следует учитывать индивидуальные особенности каждого человека, направлять его туда, где он справится, оправдает доверие. Вот почему он полагал, что необходимо полнее проводить разделение труда, памятуя, что «иногда человек, совершенно негодный в организаторы, будет незаменимым агитатором, или человек, неспособный к конспиративной строжайшей выдержке, будет превосходным пропагандистом» [1, т. 7, с. 15]. Поэтому совершенно справедливо важнейшим принципом подбора кадров в современных условиях является принцип **деловитости и видения нового**. Отсюда — критерий для всех выдвижений и перемещений один: политические и деловые качества, способности, реальные достижения работника, его отношение к людям [2, с. 83]. Партия настраивает работников государственного аппарата не просто на исполнительность, которой порой также не хватает, а на возрастание таких качеств кадров, как компетентность, инициатива, смелость и готовность брать ответственность на себя, умение поставить задачу и довести ее решение до конца, способность не терять из виду политический смысл хозяйствования, желание учиться работать, чувство нового [3]. Что же касается принципа **видения нового** в кадровой политике и кадровой работе, то он, по нашему мнению, означает: исключительную собранность, деловую социалистическую предприимчивость, поиск новых резервов и возможностей повышения эффективности управленческой деятельности.

Важное звено ленинской кадровой политики — подготовка и обучение кадров для советского государственного аппарата, ибо, чтобы эффективно работать в этом аппарате, необходимы как определенный общеобразовательный уровень, так и твердая идейно-теоретическая подготовка, знание специальности, науки управления. В. И. Ленин неоднократно высказывал мысль о том, что невозможно управлять государством «без компетентности, управлять без полного знания, без знания науки управления» [1, т. 40, с. 222]. В статье «Об едином хозяйственном плане» он писал: «Мы Россию убедили, мы Россию отвоевали от эксплуататоров для трудящихся, мы эксплуататоров подавили — мы должны научиться Россией управлять» [1, т. 42, с. 347]. Таким образом, по В. И. Ленину, настоящий руководитель должен обладать в достаточной степени солидными научными, теоретическими знаниями, быть компетентным, знать технику производства на современной высоте, иметь известное научное образование. Но для этого, отмечал В. И. Ленин, нам «надо во что бы то ни стало

поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой... чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» [1, т. 45, с. 391]. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что нельзя допускать недооценку политической и теоретической подготовки, идейно-нравственной закалки кадров [3]. Добиться перелома в умах и настроениях кадров снизу и доверху, повысить уровень их политической культуры, идейно-нравственного настроения, привить иммунитет против любых отступлений от норм права и морали — вот далеко не все задачи подготовки и обучения кадров для советского государственного аппарата, поставленные XXVII съездом КПСС.

Центральным звеном ленинской кадровой политики с полным основанием можно назвать расстановку и закрепление кадров в советском государственном аппарате. Это звено носит сложный, многоуровневый характер и может проявляться в следующих вариантах: в распределении кадров для советского государственного аппарата вообще и из высших учебных заведений и средне-специальных в частности; в перераспределении кадров внутри государственных органов; в выдвижении отдельных руководителей на более высокие, ответственные должности; в закреплении кадров на местах; в смещении отдельных руководителей на нижестоящие должности; в перемещении кадров на «узкие» места в советском государственном аппарате для улучшения его функционирования, подъема авторитетности.

Особое внимание В. И. Ленин уделял вопросам правильного распределения сил. Так, в «Письме к товарищу о наших организационных задачах» он подчеркивал: «...Необходимо, чтобы было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался и обучается, кто, где и почему фальшивит (когда музыка начинает ухо драть), и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести и т. п.» [1, т. 7, с. 22]. В письме в редакцию «Искры», продолжая эту мысль, он отмечал: «...Нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить... роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку» [1, т. 8, с. 96]. Таким образом, В. И. Ленин обосновал необходимость расстановки кадровых сил исключительно с учетом политических, деловых и моральных качеств.

Вопросы кадровой политики и кадровой работы в советском государственном аппарате занимали исключительно большое место в теоретической и практической деятельности В. И. Ленина. Свое творческое развитие они получили в решениях XXVII съезда партии и январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС.

Историческая заслуга В. И. Ленина состоит не только в том, что он пришел к выводу о необходимости существования в социа-

листическом обществе государственного аппарата, осуществляющего свои функции на профессиональных началах, но и в том, что он подробно и всесторонне обосновал роль и значение профессиональных кадров в решении задач социалистического и коммунистического строительства; показал основной источник, из которого необходимо черпать кадры, и разработал конкретные формы участия граждан в управлении делами государства; разоблачил лживые теории о «неспособности» трудящихся масс осуществлять управленческие функции; разработал основополагающие принципы подбора, подготовки и расстановки кадров в советском государственном аппарате, сформулировал ключевые положения и требования кадровой политики и кадровой работы, не утратившие своего значения и в настоящее время; уделил особое внимание проблемам повседневной заботы о кадрах, создания резервов, воспитания кадров, организации контроля за их деятельностью, планирования и прогнозирования различных сторон кадровой политики и кадровой работы; изложил основополагающие идеи об органическом единстве научной организации труда и состояния законности и правопорядка; сконцентрировал внимание на необходимости тщательного изучения причин правонарушений, допускаемых служащими социалистического государственного аппарата; подчеркнул неотвратимость наказания правонарушителей и необходимость повышения их юридической ответственности за совершенное правонарушение.

Анализ ленинских идей о кадровой политике в советском государственном аппарате, закрепленных в действующем законодательстве и творчески развитых в материалах XXVII съезда партии, январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, позволяет сделать вывод о двухуровневом характере учредительной деятельности, которая, наряду с полномочиями по формированию органов социалистического государства в целом (создание, ликвидация и преобразование органов государства, их структурных подразделений), предполагает и осуществление полномочий по подбору, подготовке и расстановке кадров в советском государственном аппарате, т. е. деятельность по комплектованию личного состава органов социалистического государства.

Осуществление в современных условиях принципиальной кадровой политики и кадровой работы немыслимо без строжайшего соблюдения принципов социалистической законности. Практика показывает, что нарушение принципов подбора и выдвижения, подготовки и обучения, расстановки и закрепления кадров, контроля за их деятельностью неизбежно ведет к злоупотреблениям, совершаемым работниками государственного аппарата, а следовательно, и к их уголовной или административной ответственности.

Таким образом, от своевременной и научно обоснованной кадровой политики и качественной кадровой работы во многом зависят законность и обоснованность деятельности всего социалистического государственного аппарата, социалистический правопорядок в целом.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 г. М., 1987. 4. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 г. М., 1985. 4а. В. И. Ленин, КПСС о работе с кадрами: Сб. М., 1979. 5. Шеварднадзе Э. А. Стратегия ускорения — ленинизм в действии // Известия. 1986. 23 апр. 6. Сообщение об итогах выборов в местные Советы народных депутатов // Там же. 1987. 27 июня.

Поступила в редколлегию 07.06.86

М. А. ОРЕЛ

ХАРЬКОВ

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Постановка вопроса о методологической функции категорий философии в правовой сфере в современных условиях — задача первоочередной важности. Актуальность данного вопроса обусловлена задачами, выдвинутыми XXVII съездом КПСС перед правовой наукой и практикой, а также философией как теоретической, мировоззренческой и методологической основой права.

Природе и содержанию категорий — как философских, так и правовых — в философской и юридической литературе уделялось большое внимание. Отметим, что, выясняя природу категорий, необходимо руководствоваться принципом первичности объективной диалектики по отношению к субъективной. Ф. Энгельс писал: «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга...» [1, т. 20, с. 526]. Исходя из этого положения, можно сказать, что категории существуют только в субъективной диалектике. В объективной же происходят процессы движения, изменения и развития, сущность которых и отражается в мышлении, понятиях и категориях. «Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий, в которой ничто не остается неподвижным и неизменным, а все движется, изменяется, возникает и исчезает» [1, т. 20, с. 20]. В таком универсальном взаимодействии существуют, наряду с бесконечным множеством разнообразных свойств и связей действительности, и всеобщие, наиболее общие свойства, стороны и связи конкретных предметов, явлений и процессов. При этом такие свойства и связи не существуют отдельно от других, а находятся в них, проявляются только через них.

Из всего бесконечного многообразия свойств и связей в пра-

вовых категориях отражаются отношения между людьми, причем не все, а только правовые. Правовые категории мы и рассматриваем как научные понятия, в которых отражается специфика правовой формы общественной жизни, зафиксированы наиболее существенные и важные стороны, свойства и связи правовых отношений в человеческом обществе. «...В теории права понятия выступают как логические формы постижения сущности правовых явлений, как отражение закономерного и особенного в правовой действительности» [3, с. 57]. В философских же категориях отражаются наиболее общие свойства и связи бытия, т. е. присущие всем предметам, явлениям и процессам действительности, которые, естественно, так или иначе проявляются и в правовых отношениях, во всей правовой жизни общества. Именно поэтому категории философии выполняют методологическую роль по отношению ко всем конкретным (в том числе и правовым) наукам, служат способом отыскания новых результатов методом движения от известного к неизвестному. Система же категорий — это структура материалистической диалектики. Поэтому, говоря о методологической роли категорий диалектики, имеем в виду методологическую роль диалектики, ибо свою методологическую функцию диалектический и исторический материализм осуществляют посредством законов и категорий.

Методологическая функция философии в правовой сфере реализуется, во-первых, в том, что она дает возможность правоведению понять общие принципы движения знаний при формировании правовых наук; во-вторых, позволяет установить значение общих законов мышления для правильного отражения и изложения правового эмпирического материала в теории с помощью выработанного понятийного аппарата юридического мышления; в-третьих, подводит к уяснению значения общих понятий права для конкретных правовых наук и оценки их как необходимых инструментов при познании правовых форм общественной жизни; в-четвертых, ориентирует на то, чтобы брать правовые явления и их мысленное отражение во взаимосвязи, в их движении и изменении, не принимать отражаемое за отображенный объект.

Методологическая функция философских категорий конкретно реализуется в процессе их воздействия на развитие познания правовых явлений и категорий, на образование последних. Известно, что образование понятий и логического аппарата вообще в определенной степени ограничивает свободу мышления, которое в своем движении так или иначе должно сообразоваться с ними. Однако такое ограничение идет на пользу мышлению, поскольку ведет к созданию научных понятий. Категории философии выполняют функцию того логического аппарата, который направляет движение мысли в правовой сфере в определенное русло, хотя в известных границах и допускает вариации ее движения.

Для теоретической и практической деятельности юристов необходимым и очень важным является знание и применение диалектики единичного и общего. Общефилософское положение о

том, что единичное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему, а общее существует лишь в отдельном (единичном) и через отдельное, полностью применимо и к правовым явлениям. «Каждое отдельное правовое явление содержит в себе предпосылки, стороны, элементы того, что образует общую сущность всех правовых явлений» [5, с. 234]. Сказанное приводит к мысли, что познать сущность права можно на основе всестороннего предварительного изучения тех основных признаков, характерных черт правовых явлений, которые присущи всей их совокупности. И наоборот, внутренняя сущность, назначение и роль каждого отдельного правового явления, закономерности его возникновения и развития могут быть познаны лишь на основе познания о б щ е й сущности права.

Методологическая функция категорий единичного и общего реализуется и в теоретической, и в практической правовой деятельности. Диалектика единичного и общего (ее правильное понимание) обязывает, в частности, в процессе расследования установить отношение противоправности и общественной опасности как общих признаков, характеризующих сущность преступления, к единичному (конкретному) преступлению; отношение умысла, которым охватываются все действия обвиняемого, к отдельным действиям; отношение всей картины происшедшего к ее частным признакам и т. п. При этом связь общего и единичного в исследовании конкретного правонарушения нельзя рассматривать в отрыве от других видов генетических связей (например, от случайности и необходимости и т. д.).

Положение о том, что каждое правовое явление представляет собой единство общего и единичного, обязывает юристов в судебно-следственной практике, применяя правовую норму к сложному случаю правонарушения, в полном соответствии с принципами социалистического правосудия строго следовать требованиям правового предписания, всесторонне и глубоко изучать совокупность условий совершения правонарушения и личность правонарушителя и на основе этого единства принимать решения, выносить приговор.

Многообразно осуществляется методологическая функция категории «причинность». Данная категория предполагает, что все явления причинно обусловлены. В соответствии с содержанием она направляет мысль на поиски причин правовых явлений, которые фиксируются в правовых категориях. При этом допускается признание бесконечного разнообразия форм причинно-следственной связи в правовых явлениях и отношениях.

Важное методологическое значение имеет философское понятие причины и условия. Как известно, под причиной в системе причинно-следственной связи понимается явление, действие которого вызывает, определяет, изменяет, производит или влечет за собой другое явление. Условие — то, от чего зависит нечто другое, это существенный компонент комплекса объектов (вещей, их состояний, взаимодействий), из наличия которого с необходимостью

стью следует существование данного явления. В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие составляет среду, обстановку, в которой последнее возникает, существует и развивается. Явление-причина порождает явление-следствие только в определенных условиях, которые накладывают специфический отпечаток на характер порождаемых ею явлений.

Это положение обязывает обратить внимание на следующие обстоятельства: при установлении причин противоправного действия необходимо четко определить, какие факторы являются причиной, а какие условием. Следует стремиться вычленить по возможности два соседних звена, одно из которых «причина», другое — «следствие». Ф. Энгельс писал: «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие» [1, т. 20, с. 546—547].

В литературе нередко подчеркивается причинный характер пассивных, негативных событий (условий) [7, с. 94—95], говорится о «непосредственной» и «опосредованной» причине, о причинах «первого», «второго» и даже «третьего» порядка [9, с. 25—26]. В этих утверждениях не учитывается непосредственный характер причинной связи; бинарное (двухзвенное) отношение между причиной и следствием подменяется всей причинно-следственной цепью или даже системой. Фактически происходит соединение разных причин и следствий по мере продвижения по криминогенной цепи, и затем любое из них называется причиной конечного результата — преступности или преступления.

Такое утверждение представляется неверным. Только ближайшее явление, непосредственно порождающее следствие, заслуживает того, чтобы его называть причиной. Ведь причинность, рассматриваемая в двухзвенном масштабе, всегда выражает непосредственную связь. Если *A* причина *B*, а *B* причина *C*, то далеко не всегда *A* оказывается причиной *C*. Причина бывшей причины — не причина следствия, а его условие.

Рассматривая таким образом причинно-следственную связь в правовой сфере, правомерно сделать вывод, что непосредственной причиной правонарушений является субъективный фактор: дефект психологии индивидуумов, социальных общностей и их действия. Они же могут рассматриваться как причины преступности. Если же двигаться по цепи причинно-следственной связи в обратном направлении, то будут раскрываться уже другие связи: причины «бывшей причины», но не причины конечного результата — правонарушения. Становится ясным, что причины формирования противоправной психологии выступают как условие правонарушений, а не их причины.

В судебно-следственной практике важное значение имеет положение диалектического материализма о том, что связь причины и следствия, существующая при определенных условиях, постоян-

на и не знает исключения, т. е. следствие неизбежно вытекает из причины и является только таким, каким оно есть. Это положение используется при расследовании действий, имеющих целью воспроизвести отдельные поступки преступника и обстановку событий. В каждом случае воспроизведения при надлежащем сходстве условий достигается результат, аналогичный тому, который имел место в действительности.

Диалектико-материалистическое (философское) понимание причинности дает возможность правильно классифицировать причины и условия преступности. В правовой литературе применительно к детерминации преступлений иногда допускается смешение причин и условий в двух вариантах: условия нравственного формирования личности или противоправная ситуация рассматриваются как причины; причинами преступлений в равной мере, без дифференциации, называются и собственно причины, и внешняя ситуация совершения преступления [6, с. 61—68, 198—199]. Такая позиция обоснованно подвергалась критике. В частности отмечалось, что «если разделить эту точку зрения, то следует прийти к выводу, что ситуация, поскольку она является причиной преступления, иногда действует помимо воли и сознания субъекта и даже его желания; человек в данном случае не может нести ответственность за наступление вредных последствий [2, с. 20—21; 4, с. 32].

Представляется верным суждение А. Р. Ратинова, который считает, что «непосредственные причины и истоки виновного поведения преступника всегда лежат в личности человека, совершившего преступление <...> Никакие внешние обстоятельства не могут являться определяющими причинами противоправного поведения, если они не стали внутренними детерминантами человеческой деятельности. Иначе человек не может быть привлечен к уголовной ответственности, так как является лишь пассивным в причинной цепочке, игрушкой в роковом сцеплении внешних сил и обстоятельств, приведших к отрицательным последствиям» [8, с. 9]. Данное мнение поддерживает и Н. А. Стручков, правильно отмечая, что непосредственные причины следует искать в сфере сознания правонарушителя, ибо «все побудительные силы, вызывающие действия человека, неизбежно должны пройти через голову, должны превратиться в побуждения его воли» [10, с. 29].

Если мы признаем, что непосредственную причину правонарушения (и преступления) необходимо искать в сознании и поведении правонарушителя (преступника), то, следовательно, неизбежно должны признать и то, что в самом общем виде проблема причин преступности — это проблема социальной и психологической обусловленности данного поведения. Отсюда вытекает необходимость изучения соотношения факторов, формирующих человеческую личность и ее поступки. Тот факт, что сущность человека представляет собой совокупность общественных отношений, еще не означает, что каждый индивид отражает все общественные связи и отношения. Такое невозможно, поскольку каждый кон-

кретный человек включен в некоторое конкретное количество связей и является продуктом именно данной их совокупности. Этим обстоятельством объясняется появление преступности в обществе, где общественные отношения в целом не содержат условий для возникновения антисоциальных форм поведения. Индивид в силу конкретных обстоятельств может в определенный период своей жизни оказываться как бы изолированным от воздействия социально положительных отношений или, точнее, не просто от воздействия, а от участия в связях и отношениях, формирующих у него социально положительные настроения и устремления. К этому необходимо добавить, что невозможны только положительные или отрицательные связи и отношения: каждый человек вступает в обществе в самые разнообразные связи и отношения. Очевидно, что личность конкретного человека определяется содержанием и объемом тех связей и отношений, в которых он участвует.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Антонян Ю. М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступлений. М., 1973. 3. Васильев А. М. Правовые категории. М., 1976. 4. Волженкин Б. В. О понятии причины преступлений // Преступность и ее предупреждение. Л., 1973. 5. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. 6. Криминология/Отв. ред. В. К. Звирбуль. М., 1979. 7. Кудрявцев В. Н. Причинная связь в правовой сфере // Методологические проблемы советской юридической науки. М., 1980. 8. Ратинов А. Р. Психологическое изучение личности преступника. М., 1967. 9. Сахаров А. Б. О концепции причин преступности в социалистическом обществе // Сов. гос-во и право. 1976. № 9. 10. Стручков Н. А. Преступность как социальное явление. М., 1979.

Поступила в редколлегию 16.06.86

С. Ф. ВАКУЛЕНКО

ХАРЬКОВ

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭТИКА В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В условиях совершенствования социалистического общества, когда ускорение социально-экономического развития страны является стратегическим курсом КПСС, к механизмам правового и морального регулирования общественных отношений предъявляются особо высокие требования. Как показывает социальный опыт, оба механизма диалектически взаимосвязаны, взаимодействуют и проникают друг в друга, создавая условия для нравственного и правового обновления советского общества.

Правовое регулирование, как известно, изучается правоведением, а моральное — философией и этикой. На стыке этих отраслей возникла специфическая составная часть этики — юридическая этика как разновидность профессиональной.

Разработка проблем юридической этики началась сравнительно недавно (60-е гг.) небольшой группой ученых-философов и правоведов [4; 10]. Большинство из них профессиональную этику

юридического профиля рассматривают как судебную этику. На наш взгляд, с таким подходом согласиться нельзя, поскольку он ограничивает предмет юридической этики лишь рамками судебной деятельности правоохранительных органов, замыкая в ней многогранный юридический процесс. Деятельность прокурора, следователя именуется этими учеными исключительно как судебная, что противоречит истине, ибо, кроме судебной, существуют иные виды (дознание, предварительное следствие, экспертиза, деятельность ИТУ, прокурорский надзор и др.). Поэтому, с нашей точки зрения, целесообразнее применять более объемное понятие — «юридическая этика», которое может включать судебную этику на правах особенной части.

Предложения, высказанные рядом авторов о необходимости разработки проблем юридической этики, заслуживают всяческой поддержки. Как справедливо утверждает Д. П. Котов, «специалистам в области права и этики следует еще многое сделать для уточнения таких понятий, как «профессиональная мораль юриста», «юридическая этика», «судебная этика» и т. д.» [6, с. 8].

На повышенный интерес со стороны правоведов и философов к предмету и структуре юридической этики указывает и В. В. Леоненко: «Советская юридическая этика формулирует ряд основных положений, предъявляющих повышенные общие, а также сугубо специфические требования к моральным качествам юриста». Деля некоторые констатации о структуре юридической этики, он приходит к выводу, что «судебная этика — особенная часть профессиональной этики юриста» [8, с. 24, 31]. Однако вопрос о роли юридической этики в осуществлении правовых функций (правовой деятельности) еще не получил достаточного освещения в литературе.

Думается, что юридическую этику можно рассматривать как философскую науку, изучающую профессиональную мораль юриста, ее специфику, функции, значение ее проникновения в нормы и принципы материального и процессуального права, процессуальные действия для обеспечения требований демократии, социальной справедливости, социалистической законности. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивается: «Демократия была и остается важнейшим рычагом **упрочения социалистической законности**, а прочная законность — неотъемлемой частью нашей демократии» [1, с. 61].

Рекомендации юридической этики способствуют достижению качественно нового уровня в использовании регулирующего потенциала права и морали, усилению их коммуникативной функции, оценочно-императивной способности, ориентирующему воздействию на субъектов правовых и моральных отношений в познавательных и воспитательных целях.

Юридическая этика оказывает плодотворное влияние на все стороны юридического процесса, на систему правового и морального регулирования, юридическую практику; дает глубокое обоснование сути, функций профессиональной морали юриста; воору-

жает его такими аксиологическими ценностями, как «профессиональная справедливость юриста», «профессиональная совесть юриста», «нравственное содержание норм и принципов права», «профессиональный долг юриста», «профессиональная честь юриста» и др.

В основе взаимодействия систем морального и правового регулирования лежит высокая степень общности моральной и правовой систем, связанная со следующим: они базируются на общности правовых и моральных норм и принципов, причем моральный принцип «преданность делу коммунизма» признается определяющим для всех принципов; им свойственны одни и те же методы регулирования (нормативная регламентация, следование общему принципу, индивидуальное регулирование); в них находит полное отражение координация личных и общественных интересов людей на началах равенства субъектов отношений; функционируют три общих способа регулирования (позволение, обязывание и запрет), порождающие единый стимул деятельности субъектов, состоящий из ряда звеньев, таких, как потребности и интересы, ценностные ориентации и мотивы, ценности и идеалы, цели и установки.

Вместе с тем нельзя не учитывать и существенные различия обеих систем. В частности, в правовом воздействии применяются такие типы регулирования, как централизация и децентрализация, субординация и координация, разрешительные и общедозволенные приемы. Однако это не означает, что к перечисленным типам регулирования моральная система не имеет отношения. Напротив, с помощью своих специфических средств она оказывает определенное влияние на достижение общего результата справедливого, объективного и гуманного подхода к разрешению проблем регулирования. И это вполне закономерно: моральная регуляция пронизывает все социальные процессы, в том числе и механизм правового регулирования.

Моральная регламентация крайне важна также и в правотворческой деятельности, особенно при подготовке проекта правового акта (правовой нормы). На данной стадии существенное значение приобретает правильное понимание диалектического единства различающихся по своему характеру правовых и моральных норм. Единство норм — основа, позволяющая обеспечивать согласованное функционирование механизмов правового и морального регулирования, — вытекает из единства социалистического общественного бытия, т. е. из экономического базиса, специфически отражающегося в правовой и моральной идеологии и психологии. Единство норм права и морали заключается также в том, что они являются правилами поведения общего характера, результатом социально-волевой деятельности субъектов общественных отношений. По своему содержанию и те и другие выступают как общечеловеческие представления о справедливом и несправедливом, добродетельном и злонамеренном, должном и сущем, правоммерном и преступном деяниях и т. д.

Устанавливая взаимодействие моральной и правовой систем, юридическая этика направляет свое внимание на обнаружение относительно точной «меры правового и морального». Нарушение этой меры способно породить противоречия между правом и моралью. Так, необоснованное преувеличение моральной стороны в ущерб правовой или наоборот может стать причиной дисгармонии в функционировании права и морали как элементов управляющей системы. Существуют, однако, обстоятельства, когда законодатель допускает использование норм права для обеспечения выполнения моральных норм, что дает основание говорить в подобных случаях о морально-правовом воздействии. «Право и мораль как составные части этого явления, не растворяясь в нем и не теряя своих индивидуальных свойств, в совокупности образуют социальную целостность, реально существующую и активно влияющую на общественную практику» [3, с. 74]. Иллюстрацией в данном отношении может быть ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: «Гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространяющий такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». На правовую защиту за нарушение моральных норм указывают и статьи 125 (клевета), 126 (оскорбление) УК УССР. С другой стороны, не исключается также моральное регулирование некоторых правовых отношений, закрепленных в законе. В этом плане имеет большое значение использование принципа экономии репрессии, связанное с возрастанием роли морали в борьбе с правонарушениями. Так, законодатель предусмотрел моральную санкцию вместо правовой за малозначительные преступления, не представляющие общественной опасности, что отражено в ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в УК УССР. Важное значение для морального воздействия на личность за нарушение правовых норм имеют, например, ст. 38 Основ (ст. 45 УК УССР — «Условное осуждение»), ст. 43 Основ (ст. 51 УК УССР — «Освобождение от уголовной ответственности и наказания») и многие др.

Вынося постановление об условном осуждении, суд учитывает обстоятельства дела, моральные качества личности виновного, ходатайства общественных организаций, трудового коллектива по месту работы виновного и передает коллективу для перевоспитания и исправления.

Предусмотренное законом освобождение от уголовной ответственности с передачей материалов дела на рассмотрение товарищеского суда, а также с передачей лица на поруки является еще одним средством укрепления авторитета моральных норм в системе правового регулирования, свидетельством гуманизации социалистической законности.

Однако не изжиты еще такие негативные состояния, которые возникают в результате трудностей и противоречий общественно-го развития, преодолеваемых в результате целенаправленной ор-

ганизаторской работы КПСС. Основная причина отдельных негативных явлений — несовершенство узлов хозяйственного механизма. XXVII съезд КПСС указал на жизненную необходимость глубокой перестройки хозяйственного механизма, создания целостной, эффективной и гибкой системы управления, позволяющей полнее реализовать возможности социализма [1, с. 33]. Речь идет о радикальной реформе управления экономикой, о качественных изменениях в системе хозяйственного механизма, которые откроют новые возможности использования преимуществ социалистического строя [2].

Негативные состояния могут порождать прямые противоречия между моральным и правовым регулированием. Следует иметь в виду, что такие противоречия могут иметь и побочный характер. Причина — отставание права от возрастающих потребностей общественного развития, образующее пробелы в правовом регулировании, на место которого приходит моральное регулирование. Так, за последние три десятилетия остро ощущалось отставание правового регулирования в деле борьбы с бесхозяйственностью, спекуляцией, хищениями государственной собственности, взяточничеством, пьянством, тунеядством и прочими негативными явлениями. Нравственное сознание советского общества остро реагировало на эти формы социального зла, что и вело к конфликту морали с правом. Реализация намеченных XXVII съездом КПСС действенных мер, связанных с повышением роли права в искоренении отрицательных явлений, приведет к установлению более тесного взаимодействия правового регулирования с моральным, к конкретному использованию требований правовых и моральных норм и оценок.

Большие возможности в выработке рекомендаций для активизации правоприменительных органов в решении указанных проблем имеются и в особенной части юридической (судебной) этики. Она раскрывает суть и общественные функции профессиональной морали юриста (главным образом прокурора, следователя, судьи, адвоката), выдвигает ее на уровень задач современного переломного периода в жизнедеятельности нашего общества.

Профессиональную мораль юриста можно определить как обусловленную общественным бытием и профессиональным разделением труда совокупность норм и принципов коммунистической морали, трансформированных применительно к специфическим условиям юридической практики, санкционированных общественным мнением, личным убеждением юриста и исполняемых им добровольно в интересах укрепления социалистического строя и правопорядка.

В соответствии с данной дефиницией профессиональная мораль прокурора дает мощный импульс для повышения роли прокурорского надзора за исполнением законов государственными органами, общественными организациями, должностными лицами, правоохранительными органами и всеми гражданами. Профессиональная мораль следователя, судьи, адвоката и других работников

юридической службы обязывает их исполнять свой служебный долг с чувством высокой ответственности за порученное дело.

По мере дальнейшего развития социалистических общественных отношений роль правового и морального регулирования возрастает, а само социалистическое право все полнее выражает нравственность советского общества.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *Горбачев М. С.* О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 25 июня 1987 г. // *Правда*, 1987. 26 июня. 3. *Агешин Ю. А.* Политика, право, мораль. М., 1982. 4. *Ароцкер Л. Е.* Судебная этика // *Соцзаконность*. 1969. № 9. 5. *Бойков А. Д.* Что такое судебная этика? // *Сов. юстиция*. 1971, № 1. 6. *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика Воронеж, 1973. 7. *Котов Д. П.* Вопросы судебной этики. М., 1976. 8. *Леоненко В. В.* Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. К., 1981. 9. *Строгович М. С.* Судебная этика, ее предмет и сущность // *Пробл. судебной этики*. М., 1974. 10. *Федоренко Е. Г.* Судебная этика, К., 1983.

Поступила в редколлегию 29.06.87

Л. В. ПЕТРОВА

ХАРЬКОВ

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Одним из аспектов аксиологического анализа правовой культуры является выяснение той роли, которую она играет в общем процессе правового регулирования. В литературе отсутствуют работы, в которых бы специально рассматривалась данная проблема. Поэтому содержащиеся в статье положения выдвигаются в порядке постановки вопроса для последующего обсуждения. При этом мы исходим из того, что в силу социального назначения права быть эффективным регулятором общественных отношений в разнообразных сферах — экономической, социально-политической, идеологической — правовая культура является объективно обусловленным элементом единого механизма функционирования и взаимодействия всех компонентов общественной системы, обладающим высокой социальной значимостью. Она тесно связана со всеми основными сферами жизнедеятельности человека, оказывает существенное влияние на трудовую деятельность и социальное творчество, быт и досуг, формы удовлетворения людьми своих материальных и духовных потребностей.

От уровня правовой культуры в огромной мере зависят нормальное функционирование политической системы, эффективность демократических институтов, культура человеческого общения, социально-психологический климат общества в целом.

Наиболее важный момент социальной ценности социалистической правовой культуры заключается в том, что она является выражением и олицетворением классово определенной социальной свободы, активности, ответственности. Она дает простор для активности участников общественных отношений в силу реализации подлинно демократического и гуманистического потенциала права.

Развитию и совершенствованию активности, инициативы советских людей в социалистическом обществе уделяется неослабное внимание: «...мы знаем, что социалистический строй успешно развивается лишь тогда, когда сам народ реально управляет своими делами, когда миллионы людей участвуют в политической жизни. Это и есть самоуправление трудящихся в ленинском его понимании, оно составляет суть Советской власти...» [1, с. 55].

Социалистическая правовая культура общества* как социально-юридическое явление включает гуманные и прогрессивные правовые нормы, принципы и ценности правосознания, распространяется на правоотношения и правопорядок.

В отличие от правовой культуры общества, правовая культура личности непосредственно отражает модели должного и возможного поведения, установленные государственной властью. В ходе совершения юридически значимых действий осуществляется перевод соответствующих правовых ценностей из потенциального состояния нормы права в процессуальное, поведенческое, в процессе которого юридически задается направленность действий и осуществляется контроль над ними. На стадии правоотношений, непосредственным содержанием которых является волевое поведение их участников, действие механизма правового регулирования завершается: происходит перевод общих предписаний юридических норм в то фактическое реальное поведение, на которое направлена воля законодателя. Правопорядок, таким образом, являясь результатом осуществления принципа законности, одновременно выступает в качестве итога и процесса правового регулирования общественных отношений в целом. Правомерное поведение — реальное содержание существующего в стране правопорядка — характеризуется соответствием поведения адресатов правовых норм требуемому поведению. Для социалистической правовой культуры характерно не всякое юридически значимое поведение, а только *правомерное*, социальной сущностью которого являются его полезность и необходимость для общества. Через правомерное поведение осуществляется упорядочение общественных отношений, необходимое для нормального функционирования и развития общества, для господства данного способа производства.

* Во избежание терминологических неясностей и затруднений необходимо проводить различие между социалистической правовой культурой и правовой культурой социалистического общества. Объемное тождество между этими двумя явлениями отсутствует. Правовая культура социалистического общества, включая социалистическую правовую культуру, не сводится к ней. Ей присущи и негативные элементы. Следовательно, задача — в оптимизации ее положительных элементов и минимизации присущих ей негативных тенденций.

Таким образом, проследив характер функциональной взаимосвязи между правовыми явлениями, конечное звено которой — правомерное поведение участников общественных отношений, а также исходя из того, что в качестве непосредственного предмета правового регулирования выступает волевое поведение субъектов общественных отношений, мы вправе констатировать очевидность социальной значимости правовой культуры в общем процессе правового регулирования и одновременно универсальность характера последней.

В основе характеристики правовой культуры как универсального средства единого механизма правового регулирования лежит философская интерпретация общего понятия «культура» — родового по отношению к культуре правовой*. В силу этого последняя выступает в качестве социально-юридического явления, обладающего сложной внутренней структурой и богатством функциональных связей. Действительно, в советской юридической литературе общепризнано, что содержание правовой культуры образуют такие ее элементы, как нормы права, правосознание, законность и правопорядок, правоотношения. При ближайшем рассмотрении названные компоненты правовой культуры являются средствами, способами единого механизма правового регулирования. Логично предположить, что правовая культура, охватывающая по своему объему названные средства и способы, есть универсальное средство процесса правового регулирования. Данный вывод не расходится по содержанию с существующим в литературе мнением о том, что правовая культура выступает в роли важнейшего регулятора поведения человека [2, с. 114], а следовательно, в широком социологическом плане она может быть охарактеризована как универсальное средство единого процесса правового регулирования. Подобного рода универсальность не свойственна какому-либо элементу механизма правового воздействия. Она определяется, во-первых, ее интегративным, синтезирующим характером: социалистическая правовая культура пронизывает весь механизм правового регулирования, все его элементы, соединяя тем самым в неразрывное целое комплекс средств правового воздействия и следовательно, способствует повышению эффективности правового регулирования на каждом его этапе; во-вторых, ее аксиологической «силой» в механизме правового воздействия: наличие прочного правопорядка как результата правового регулирования в целом — в то же время выражение правовой культуры общества.

Однако в настоящее время социалистическая правовая культура свойственна далеко не всем элементам механизма правового регулирования. В ряде случаев она снижена, в силу чего присущая ей аксиологическая функция не находит своей полной реализации. Приходится, к сожалению, наблюдать деструктурированные явления и процессы в механизме социально-экономической орга-

* В широком социально-философском плане культура — это средство, способ организации и развития человеческой жизнедеятельности [3, с. 46—47; 5, с. 268].

низации, что связано с различными причинами. Это выразилось, в частности, в имевших место неблагоприятных тенденциях в развитии экономики, несовершенстве хозяйственного механизма, в устаревании форм социалистических производственных отношений, в недостатках в осуществлении социальной политики и дальнейшей демократизации общества [1, с. 22—23; 4, с. 2—3; 6, с. 59—60]. Такое положение не могло не привести к некоторому снижению активности трудовых коллективов, определенной девальвации важных социальных ценностей рабочего класса, установки на честный, с полной самоотдачей труд, на коллективизм [4, с. 3]. Первоочередной задачей является решительное преодоление неблагоприятных тенденций в развитии экономики, придание ей большего динамизма, повышение темпов производства, кардинальная перестройка хозяйственного механизма, осуществление больших социальных программ.

Социалистическая правовая культура в силу своей аксиологической природы — надежное средство в решении этих сложных задач. В Программе КПСС сказано: «Предметом постоянной заботы партии были и остаются **укрепление правовой основы государственной и общественной жизни**, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка...» [1, с. 160].

В последнее время проведена большая работа по укреплению правопорядка во всех сферах жизни общества. Но усилия в этой области ни в коей мере не могут быть ослаблены. Система законодательства — основа механизма правового регулирования — во многом определяет реальное состояние правовой культуры. Поэтому выявление характера связи между законодательством и правовой культурой как явлениями единого процесса правового воздействия представляет собой и теоретическую, и практическую ценность. Предстоит и дальше улучшать качество советских законов. Наше законодательство — гражданское и трудовое, финансовое и административное, хозяйственное и уголовное — должно еще активнее помогать внедрению экономических методов управления, действенному контролю за мерой труда и потребления, проведению в жизнь принципов социальной справедливости [1, с. 61].

Улучшение качества советских законов — неотложная задача сегодняшнего дня. Потенциальные возможности правовой культуры во многом определяются состоянием законодательства, правильным учетом требований познанных объективных закономерностей, динамики и тенденций развития закрепленных в нем социальных потребностей и интересов.

Проводимая в стране перестройка управления народным хозяйством требует существенного обновления в первую очередь норм, относящихся к праву собственности, оперативному управлению, договорному праву, правовому обеспечению научно-технического прогресса. Признано необходимым уже в ближайшее время осуществить дополнительные меры, направленные против расхитителей социалистической собственности, взяточников, туеядцев —

тех, кто встал на путь, чуждый трудовой природе нашего строя. Важное значение имеет дальнейшее совершенствование норм советского государственного права, обеспечивающих защиту прав граждан.

Всемерное повышение уровня правовой культуры — объективная закономерность развития социалистического общества. Однако это не означает признания автоматизма в ее развитии, а отсюда и ориентация на пассивное отношение к реализации ее требований. Напротив, в интересах социалистического государства и общества, всемерной охраны прав и свобод граждан необходима постоянная активная борьба за дальнейшее совершенствование правового воспитания населения, повышение уровня его правовой культуры.

Как вид культуры, на которую «наложены» ценностные ограничения, социалистическая правовая культура имеет место там, где проявляется постоянная забота об укреплении социалистического правопорядка, о всемерной охране прав и законных интересов граждан, где налицо по-настоящему деловой, ответственный подход каждого гражданина к своим обязанностям, в соответствии с интересами общества. Только такой подход создаст прочные условия для успешного решения сложных задач ускорения социально-экономического развития страны, для радикальной перестройки всех сфер общественной жизни.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *Коммунистическое воспитание*. М., 1984. 3. *Марксистско-ленинская теория культуры*. М., 1984. 4. *Клопов Э., Гордон Л.* Главная социальная сила ускорения // *Правда*. 1986. 24 окт. 5. *Проблемы философии культуры*. М., 1984. 6. *Шаталин С.* Социальное развитие и экономический рост // *Коммунист*. 1986. № 14.

Поступила в редколлегию 25.09.86

В. Е. ЖЕРЕБКИН, д-р юрид. наук

ХАРЬКОВ

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Понятие — одна из основных логических форм, форм мышления человека. Именно этим обусловлено то, что понятие находится в центре внимания научной мысли на протяжении всей истории философии и логики. По оценке В. И. Ленина, «понятие — высший продукт мозга, высшего продукта материи» [2, т. 29, с. 149]. «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще» [2, т. 29, с. 298]. Подобная характеристика понятия как формы мышления дана Ф. Энгельсом: результаты, в которых обобщаются данные его (естествознания.— В. Ж.) опыта —

суть понятия [1, т. 20, с. 14]. Высокую оценку понятиям давал Гегель. В «Науке логики» он писал, что «если мы хотим говорить о вещах, то мы равным образом называем их природу или сущность их понятиями» [5, т. 6, с. 11]. Понятие, по Гегелю, есть «ставшее вполне свободным проявление сущности» [7, с. 22]. И хотя Гегель в целом дает идеалистическую оценку понятия как основы и истины бытия и сущности, его идея о генезисе понятия, где предпосылкой выступает субстанция, является верной [4].

Исходя из основных положений марксистско-ленинской теории познания, исследователи высоко ставят понятие в ряду других логических форм. «Понятие — это основной строительный материал процесса познания, мышления, основная логическая «клетка» познания. В этом смысле мы считаем ее, эту «клетку», исходной при анализе других форм мышления» [8, с. 205]. Научное понятие является центральным логическим элементом в построении научных систем [7, с. 213]. Поэтому «проблема понятия оказывается сейчас ключевой, определяющей и в плане развития самой логики <...>. Физики ждут от логики углубления в проблему понятия, но отнюдь не устранения этой проблемы» [4, с. 48].

В разработке проблемы понятия заинтересована, естественно, не только физика, но и другие науки, в том числе и правовая. Особая значимость для судебного познания правовых понятий требует и соответствующей логико-правовой теории этих понятий. Поэтому не случайно, что вопрос о природе юридических понятий оказался в последнее время одним из важнейших в методологической проблематике правоведения.

Буржуазная правовая наука, как известно, не смогла дать ответ на вопрос о том, что представляют собой юридические понятия. Они рассматривались ею как чисто субъективные логические конструкции, содержание которых зависит исключительно от законодателя, его отношения к тем или иным правовым явлениям. Тем самым действительная логико-правовая природа юридических понятий искажалась.

Подлинно научный анализ правовых понятий был дан лишь марксистско-ленинской правовой теорией. Опираясь на диалектико-логическую теорию понятий, исходя из ленинской теории отражения, юридическая наука сделала два главных вывода.

I. Юридические понятия, как и любые понятия, представляют собой логические формы отражения объективной реальности. Их содержание *объективно* и не зависит от воли законодателя как субъекта познания.

II. По своей социальной природе юридические понятия являются *классовыми*. Они выражают интересы господствующего класса (в социалистическом обществе — интересы всего народа), выступают логическими формами защиты этих интересов. Особо отчетливо классовая сущность выражена в понятиях гражданского, трудового, административного, уголовного и других отраслей права.

Марксистско-ленинской правовой теорией был сделан также вывод о том, что юридические понятия как логические формы в своем возникновении и развитии подчиняются общим диалектико-логическим закономерностям. На них распространяются все те характеристики, которые выработаны логической наукой. Признавая приложимость к юридическим понятиям положений логики, правовая наука в то же время ставит вопрос о том, что юридические понятия, помимо общего, обладают и некоторой спецификой отличающей их от понятий других наук. Но проблема специфики юридических понятий оказалась одной из трудных по следующим причинам. 1. Специфическое, как известно, это своеобразное, неповторимое, такое, которое принадлежит отдельному, единичному предмету или явлению. Познание специфического (специфики философского, экономического и т. д. знания) позволяет полнее составить представление о той или иной области знания. Познание специфического — закономерный этап развития науки. Но обладают ли спецификой понятия той или иной науки?

В логике отсутствуют какие-либо определенные утверждения на этот счет. Вопрос о специфике логических форм (понятий, суждений) в логической науке не ставится вообще.

Предполагается, почти как очевидное, то, что ни одна частная наука не может выделить у своих понятий нечто *такое*, которое бы не охватывалось логикой. Обусловлено это тем, что понятия всякой науки как логические формы имеют одну и ту же структуру. В любом понятии различают содержание и объем. Содержание всякого понятия составляют признаки необходимо общие, существенные, отличительные, т. е. необходимые и достаточные для выделения и обобщения предметов в определенный класс (множество). Какие-либо иные признаки предмета не входят и не могут входить в содержание научных понятий. Поэтому вполне естественным, с точки зрения логики, является вопрос: правомерна ли сама проблема специфики понятий той или иной науки? Может ли конкретная наука чем-то дополнить учение логики о понятии? Таким образом, ставя вопрос о специфике своих понятий, юридическая наука оказывается в довольно сложном положении, вступает в определенной мере в противоречие с выводами логики. 2. Исследование специфического юридических понятий выявило у различных авторов существенные, методологического характера расхождения в разработке этой проблемы. Разногласия обнаружались по таким вопросам.

1. Какого характера спецификой наделены юридические понятия: особенностями (своеобразием) в аспекте формальной логики или спецификой лишь с точки зрения логики диалектической. Одни авторы считают, что правовым понятиям присуща специфика той и другой логики [7, с. 21], т. е. специфическое можно выделить, по их мнению, как в структуре содержания юридических понятий, так и в диалектике их формирования, выработки, развития. Другие, напротив, исходят из того, что юридические понятия никакими особенностями формально-логического характера не наделены,

что им присуще специфическое только в аспекте логики диалектической. Так, Г. Т. Чернобель пишет, что «...если с точки зрения формальной логики юридические понятия тождественны любым иным понятиям, то с точки зрения диалектической это не так» [9, с. 106]. Но в чем конкретно обнаруживается диалектический характер специфики юридических понятий, эти авторы не показывают, что, естественно, ставит под сомнение саму проблему.

Некоторые исследователи вообще не проводят четкого разграничения названных логических аспектов, говоря о специфике, рассматривают ее как юридическую [3, с. 110]. Однако с таким подходом к проблеме специфики юридических понятий, думается, согласиться нельзя. Понятие — логическая форма, оно является предметом исследования как диалектической, так и формальной логики. И если ставится вопрос о своеобразии, то необходимо четко определить его характер, то, что затрагивает оно в юридических понятиях: формально-логическую или диалектико-логическую природу.

2. Наиболее сложным оказался вопрос о том, чем обусловлена специфика юридических понятий и в чем конкретно она проявляется. Если юридические понятия действительно наделены некоторыми особенностями, то чем порождены эти особенности. Данный вопрос является основным, и ответ на него раскрывает истинную логико-правовую природу правовых понятий.

Большинство авторов исходит из того, что юридические понятия являются *нормативными*. Нормативность — это именно то, что отличает юридические понятия от понятий любой науки. Но что представляет собой сама нормативность, чем обусловлено такое свойство юридических понятий, трактуется по-разному.

Нормативный характер юридических понятий В. К. Бабаев объясняет тем, что «они в той или иной мере связаны с нормами права, с законодательством» [3, с. 110]. Правовые понятия действительно связаны с нормами права, однако констатация этого факта сама по себе еще не разъясняет нормативную природу юридических понятий. Возьмем статью 154 УК УССР, предусматривающую ответственность за спекуляцию. В ней сказано: «Спекуляция, то есть скупка и перепродажа с целью наживы товаров или иных предметов, — наказывается...» Здесь, как видим, встречается понятие «товар». Если следовать приведенному определению нормативности, необходимо отметить, что понятие «товар» — понятие юридическое, нормативное, ибо в определенной мере связано с нормой права, с законодательством.

Таких примеров можно привести немало. Следовательно, то, что какое-либо понятие (термин) встречается в норме права, в тексте статьи нормативного акта не превращает его в понятие юридическое и тем более в нормативное.

Нормативный характер юридических понятий определяется, полагаем, чем-то другим. Г. Т. Чернобель видит это другое не в норме права, не в связи понятия с законодательством, а в правовом мышлении. «Нормативное понятие есть не что иное, как ло-

тическая форма нормативного мышления. Именно таким понятием и является юридическое понятие как результат правового мышления» [9, с. 106]. Но что представляет собой нормативное мышление, что следует понимать под «правовым мышлением», автор не разъясняет. Поэтому его трактовка нормативности остается неясной.

Мышление человека, мышление вообще осуществляется не хаотично, не бессвязно, а подчинено определенным законам диалектической и формальной логики. Если законы эти истолковывать как нормы, то можно сказать, что мышление нормативно. Но в таком случае нормативным следует признать всякое мышление, мышление в любой области знания.

Законодатель, исследуя общественное явление, подлежащее урегулированию, вырабатывая норму права, а следовательно, и понятие об этом явлении, мыслит как ученый, его мышление не подчинено никаким правовым нормам, не выступает нормативным. Нормой становится лишь продукт его познавательной деятельности. Однако норма права как форма отражения не может быть сведена к мышлению. Норма — это разновидность (форма) социального, а не логического отражения, существенно отличающаяся от таких форм отражения, как понятие и суждение.

Неоднозначно решается в специальной литературе и вопрос о предмете отражения юридических понятий. В. К. Бабаев, например, считает, что юридические понятия имеют свой предмет отражения и им являются государственно-правовые явления. Специфика таких явлений, утверждает он, определяет и специфику правовых понятий. «Юридические понятия имеют особый предмет отражения — государственно-правовые явления. Специфика государства и права как особых социальных образований обуславливает и особенности юридических понятий» [3, с. 110]. Г. Т. Чернобель, напротив, делает вывод о том, что юридические понятия не имеют своего особого предмета отражения и, что, следовательно, специфическое юридических понятий обусловлено не предметом отражения, а спецификой правового мышления. «Суть вопроса в том, что объектом отражения юридических понятий выступает не какой-то особый мир явлений, а особое (нормативное) отношение ко всяким явлениям социальной действительности в процессе ее интеракционизации». В результате ученый делает вывод: специфика юридических понятий как форм мышления обусловлена спецификой самого же мышления. «Юридические понятия представляют собой не что иное, как разновидность социальных понятий, специфика которых определяется спецификой самого правового мышления» [9, с. 105, 109].

Как видим, различия в трактовке нормативной природы юридических понятий у авторов довольно существенны. К тому же остается нерешенным главный вопрос: в чем суть нормативности юридических понятий. Логика, как известно, не делит понятия на нормативные и ненормативные. И если правовая теория вводит термин «нормативные понятия», то он должен быть определен. Трактовка же этого термина ни одним автором не дается. Не выяс-

няется также вопрос о том, как сказывается нормативность на юридических понятиях, на их логической природе, приобретают ли они какие-то свойства (черты) логического характера, которые отличают их от понятий других наук.

Таким образом, проблема специфики юридических понятий лишь поставлена, сформулирована в правовой теории и она требует глубокого и всестороннего исследования.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Бабаев В. К. Советское право как логическая система. М., 1973. 4. Библер В. С. Понятие как процесс // *Вопр. философии*. 1965. № 9. 5. Гегель Г. Наука логики. Соч. М., 1937. 6. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. К., 1976. 7. Курсанов Г. А. Диалектический материализм о понятии. М., 1960. 8. Розенталь М. М. Принципы диалектической логики. М., 1960. 9. Чернобель Г. Т. Проблема истинности и научной достоверности в правоведении // *Методологические проблемы советской юридической науки*. М., 1980.

Поступила в редколлегию 17.07.86

В. Д. ТИТОВ, канд. филос. наук

ХАРЬКОВ

О ПРЕДМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

XXVII съезд КПСС указал на необходимость решительного поворота теоретического знания к нуждам практики. Применительно к логическим исследованиям требуется их сближение с потребностями частных наук, использующих логико-семантические методы анализа. Одним из направлений перспективного взаимодействия логики и конкретной отрасли науки является синтез современных логических теорий и техники рассуждения в юридическом познании. Такой синтез может быть назван юридической логикой, по аналогии с юридической социологией, юридической психологией, юридической этикой [5, с. 191].

Буржуазные теоретики юридической логики трактуют ее как систему риторических приемов обвинения и оправдания [16], как логику интерпретации юридических норм [13], как деонтическую ветвь модальной логики [15], абсолютизируя одно из действительно важных направлений ее развития в ущерб другим. Тем самым существенно обедняются спектр объективных отношений, образующих предмет юридической логики, и система методов, пригодных для логического анализа юридических конструктов. И здесь, как учил В. И. Ленин, нельзя полагаться на выводы буржуазной науки, признавая отдельные полученные ею промежуточные результаты. Правомерность такого понимания подтверждается обращением к истории взаимодействия логики и права.

Не претендуя на полноту исторического обзора, отметим, что указанное взаимодействие на самых ранних этапах становления права приводит к логической рефлексии над содержанием и не-

противоречивым оформлением юридических норм. В контексте имущественных споров и уголовного судопроизводства, формирования политических учений оттачивалась логическая техника, которую с полным основанием можно назвать неявной фазой существования не только юридической логики, но и логики вообще, задолго до ее оформления как философской дисциплины в Древней Греции и Древней Индии.

Юридическая детерминанта отчетливо выражена в римский период развития логики, от которого в ее концептуальном аппарате сохранились, например, такие важнейшие термины, как *judicatio* (суждение) и *demonstratio* (доказательство). Семантическая близость юридических и логических концептов позволяет сделать предположение о преимущественной ориентации римских авторов (Цицерон, Квинтиллиан, Бозций) на исследование логической структуры и форм суждений и доказательств. Это допущение подтверждается историографией логики [10, с. 94—102].

— Вместе с тем было бы ошибочно считать правовую рефлексию единственной детерминантой развития юридической логики. Как отмечает В. А. Чефранов, «...истинность понятий, суждений, вырабатываемых правовым сознанием, не только вытекает из фактов действительности, но и логически следует из других понятий и суждений, вырабатываемых как «внутри» правового сознания, так и внутри иных видов социального отражения» [11, с. 188]. Юридическая детерминанта дополняется философским, естественнонаучным и даже эстетическим факторами развития логических идей. Именно многообразие детерминирующих влияний на общую логику определяет ее универсальную значимость для любой сферы деятельности, в том числе и ее обратное влияние на структуру и методы юридических рассуждений. Эта диалектическая детерминационная связь отчетливо просматривалась уже в римском праве.

После длительного отхода схоластической логики от практических нужд на рубеже XVI—XVII вв. в связи с формированием капиталистических общественных отношений, бурным развитием естествознания и техники произошла переориентация логических интересов на обеспечение методологических потребностей естественных и общественных наук. Такая тенденция затронула и область правоведения. В 1615 г. тюбингемский профессор В. Шикхард издал книгу «*Logica juridica*», предмет которой сводился к классификации правил истолкования юридических норм [15, с. 3]. Под влиянием работы Шикхарда формируется интерес к этой лограничной области логики и права у Г.-В. Лейбница, по образованию и основному роду занятий юриста, дипломата и государственного деятеля [7, с. 14]. В юридической логике Лейбниц усматривал теорию логического следования из правовых норм, которая должна была стать частью его проекта математизированной «Всеобщей науки». Как отмечает Ж. Калиновский, юридическая логика в соответствии с замыслом «Всеобщей науки» должна была развиваться на основе формального исчисления, предвосхищая

этого современные деонтико-логические подходы [15, с. 4]. Проект Лейбница слишком опережал время, потребности тогдашней теории права и возможности развития логики. Не последнее место среди возникших трудностей занимали скептическое восприятие и оценка его идей как среди логических, так и юридических авторитетов того времени. Это привело к забвению лейбницаева подхода, но не идеи юридической логики, которая нашла продолжение в гегелевской философии права, организованной как развивающаяся логическая система.

Гегелевская философия права привела к ценному логико-методологическому результату: обнаружению диалектики юридических понятий, отображающих взаимодействие индивидуальной и общественной воли, содержания и формы права; к необходимой смене правовых конструкций под давлением исторического развития, которое Гегель связывал с поступательным развитием абсолютного духа. Идеализм и мистика гегелевской философии права воспрепятствовали распространению самого ценного в ней на сферу юридической логики. Причина этого была вскрыта в 40-х гг. прошлого века К. Марксом: «Но если идея превращается в самостоятельный субъект, то действительные субъекты... становятся здесь *недействительными*, означающими нечто отличное от них самих, объективными моментами идеи» [1, т. 1, с. 224—225].

Гегелевский подход мог дать лишь общие ориентиры апологетики буржуазной политической системы. Спекулятивный же ультралогицизм данного подхода противоречил целям технико-логического анализа правовых норм. Это стало одной из причин обращения буржуазных теоретиков права к неокантианским и позитивистским, психологически ориентированным вариантам логики. Формальная расплывчатость подобных построений ставила под сомнение возможность достижения в них должной строгости, на которую, впрочем, и не претендовали авторы. Так, сторонник психологического направления, харьковский юрист Н. А. Гредескул в 1900 г. утверждал: «Само право есть величина психологическая и... механизм его осуществления ... также чисто психологический». Притязая на исследование «интеллектуального процесса осуществления права», Гредескул отводил весьма скромную роль логике, якобы сводящейся в сфере права к «отысканию норм в их подлинном тексте, установлению правоположения, направленного как раз на данный случай, и, наконец, конкретизации правоположений» [3, с. 232]. Налицо искусственное, субъективно-идеалистическое обеднение предмета юридической логики, характерное для современных буржуазных теоретиков.

Социальные и гносеологические причины такого обеднения станут ясны, если мы обратимся к концепции немецкого правоведа О. Эрлиха (1918 г.). Юридическая логика трактовалась им как побочный результат адаптации римского права в новоевропейских доктринах. Ее специфику по сравнению с логикой любой другой науки Эрлих усматривал лишь в том, что принятое за парадигму логической техники дедуктивное следование из большей посылки

к заключению, сопрягающее норму права с частным случаем, осуществляется не на основе непреложного закона природы, а на базе юридической фикции, примиряющей социальные противоречия [12, с. 2, 157, 299]. Аргументация Эрлиха верна в отношении норм буржуазного права, действительно основанного в большей своей части на фикциях. Такому праву и в самом деле не нужна «правильная логика», и оно нуждается в фальшивой паралогике, обеспечивающей видимость дедуктивного следования из сколь угодно ложных посылок. Вот почему предмет юридической логики и у Эрлиха существенно ограничен функциями обеспечения связности правовых норм, адекватной передаче воли законодателя, единообразия правовых конструкций [12, с. 147]. За пределами концепции Эрлиха остались проблемы интерпретации норм, техники их построения, специфические модальности (запреты и разрешения), представляющие существенный интерес для логики и юриста. Отвлекаясь от этих содержательных аспектов, Эрлих примыкал к сторонникам юридического формализма, о котором один из первых советских теоретиков права Е. Б. Пашуканис писал в 20-е гг.: «Крайний формализм... выражает общее упадочное направление буржуазной научной мысли последнего времени, стремящееся исчерпать себя в бесплодных методических и формально-логических ухищрениях, кокетничая своим полным разрывом с реальной действительностью» [6, с. 63].

Свидетельством глубокого кризиса буржуазной науки в понимании юридической логики стал не только формализм, но и его методологический антипод, а по социальной сути двойник, представленный прагматизмом. В 1935 г. американский юрист Ф.-В. Харпер утверждал: «То, что решает судья, и есть закон... Он меньше всего руководствуется логикой достоверности, а больше... логикой вероятности» [14, с. 247—248]. Под предлогом необходимости следовать логике естествознания как якобы единственно научной форме логики юридической теории и практике навязывался вероятностный стандарт, игнорирующий специфику такой сложнейшей отрасли гуманитарного знания и человеческой практики, как правотворчество и правоприменение. Принятие вероятностного стандарта юридической логики априори оправдывало ошибки судопроизводства и буржуазного законодательства в целом. Субъективный идеализм, свойственный буржуазной философии права, был доведен сторонниками прагматизма до логического завершения в форме легализации субъективного произвола классового буржуазного правосудия.

Известно, что в 30—40-е гг. вероятностная тенденция в логике принятия судебных решений получила поддержку и у некоторых авторитетных в то время советских юристов. Сложнейшая диалектика юридического познания и доказательства истинности познанного была метафизически сведена к одной лишь черте диалектики — относительности. Преодолению этой глубоко чуждой марксистско-ленинской методологии тенденции были посвящены работы основоположников советской юриди-

ческой логики М. С. Строговича, И. С. Вильнянского, А. А. Старченко. Так, М. С. Строгович в первом советском учебнике логики для юристов подверг критике расширительное вероятностное толкование разделительных силлогизмов как достаточного логического основания для выдвижения обвинения [9, с. 264]. И. С. Вильнянский [2] не только показал значение логики для правоприменительной деятельности, но и проследил существенные взаимосвязи между содержательными и формальными аспектами логического анализа. А. А. Старченко [8] исследовал специфику применения логических методов в судебном познании, настаивая на необходимости строгих и однозначных выводов как логических условий соблюдения социалистической законности.

Для ранних работ, посвященных вопросам применения логики в правовой сфере, была характерна ориентация на традиционные средства (аристотелевская силлогистика и миллевская теория индуктивных умозаключений). За пределами этих работ оставалось исследование возможностей обширной и бурно развивающейся современной символической логики. Преодоление этой односторонности наметилось уже в 60—70-е гг. с появлением известных учебников логики для студентов юридических специальностей, написанных В. И. Кирилловым и А. А. Старченко, В. Е. Жеребкиным. Значительное место в названных учебниках отводилось проблемам формализации юридических выводов, интерпретации понятий права, ознакомления будущих юристов с элементами пропозиционального исчисления, логики предикатов, модальной логики, с содержательным анализом вопросительных высказываний и т. п. В монографии В. Е. Жеребкина [4] была предпринята плодотворная попытка расширения предметной области логического анализа за счет включения «оценочных» понятий права. Интерес к проблемам современной логико-семантической техники отчетливо выражен в работах теоретиков права С. С. Алексева, А. М. Васильева, А. Ф. Черданцева, в ряде публикаций представителей отдельных отраслей права.

Работы указанных авторов позволяют очертить круг проблем юридической логики, развиваемой на основе диалектического и исторического материализма.

Во-первых, это проблемы осмысления процесса формирования и особенностей концептуального аппарата юридических дисциплин. Во-вторых, выяснение логических условий полноты и согласованности юридических теорий, логической валидности интерполяций («пробелы» в праве) и экстраполяций (аналогии права, аналогии законов). В-третьих, наличие не элиминируемого ценностного компонента в юридическом знании требует применения деонтической логики, что позволит уточнить содержание юридических норм и конструкций, обеспечить единообразное толкование права. В-четвертых, предмет юридической логики должен включать важные в практическом отношении теорию аргументации, методы систематического развития и анализа гипотез (следственных версий), логическую структуру качественной оценки не квантифици-

руемых, но имеющих существенное значение для правоприменения субъективных параметров.

Исчерпывающее определение предмета юридической логики вряд ли может быть дано в рамках краткой статьи. Сам этот предмет, относясь к метаюридической области исследования (термин Л. С. Явича), безусловно, требует для своего уточнения объединенных усилий философов и логиков, представителей общей теории права, отдельных юридических наук и специалистов-практиков. Однако необходимость его разработки ввиду теоретической и практической значимости представляется несомненной.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Вильнянский С. И. Значение логики в применении юридических норм // Уч. зап. Харьк. юрид. ин-та, 1948. Вып. III. 3. Гредескул Н. А. К учению об осуществлении права. Х., 1900. 4. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. К., 1976. 5. Нащиз А. Правотворчество. М., 1974. 6. Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. 7. Соколов В. В. Философский синтез Г. Лейбница // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. М., 1982. Т. 1. 8. Старченко А. А. Логика в судебном исследовании. М., 1958. 9. Строгович М. С. Логика. М., 1948. 10. Стяжкин Н. И. Формирование математической логики. М., 1967. 11. Чефранов В. А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. К., 1976. 12. Ehrlich E. Juristische Logik. Tübingen, 1918. 13. Gardies J.-L. La logique de l'interprétation du droit et la logique du droit lui-même // Archives de la Philosophie de Droit, 1982, t. 27. 14. Harper F.-V. The Forces behind and beyond Juristic Pragmatism in America // Les sources du droit, 1935, t. 2. 15. Kalinowski G. Logique juridique // Rechtslehre, 1983. Bd. 14. N 1. 16. Perelman Ch. Juridische Logik als Argumentationslehre. Freiburg, München, 1979.

Поступила в редколлегию 16.06.86

Г. А. БОРИСОВ, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

ОТПРАВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сложившиеся в юридической литературе представления о правовом регулировании как осуществляемом при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.), результативном, нормативно-организационном воздействии на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного строя [4, с. 289] открывают возможности поэтапного научного анализа этих средств во взаимодействии с другими для изучения путей всестороннего их совершенствования. Важно обратиться к исследованию исходного звена правового регулирования — юридическим нормам — для более полной характеристики его состава и адекватным данному составу роли и назначения в правовом регулировании. Применительно к условиям совершенствования со-

диалистических общественных отношений, обновления форм и методов функционирования политических институтов, в том числе советского права как системы норм, такой анализ содержит немало возможностей по отысканию более рациональных форм и методов регулирования.

Особое значение это приобретает в связи с реализацией установок XXVII съезда КПСС на кардинальное улучшение механизма превращения заложенных в законах демократических принципов в практику повседневной работы; обеспечение простора для использования новых форм хозяйствования, внедрения экономических методов управления; осуществление эффективных мер по совершенствованию распределительных отношений; улучшение работы органов государства, партийных, советских органов, общественных организаций по укреплению законности и правопорядка [1].

При исследовании состава юридических норм привлекает внимание углубление тенденции, в соответствии с которой Советское государство в первую очередь стремится обеспечить нормативное опосредование предельно широкого круга общественных отношений, сочетая его с детальным регламентированием отдельных их видов. Это обуславливает процесс дифференциации предписаний законодательства по степени (уровню) общности и конкретности сформулированных в них требований. Последние заметно отличаются способами внешнего оформления правил поведения и соответствующими особенностями проявления свойств общеобязательной нормативности, системности и др. Сегодня можно отметить наличие и в целом оптимальное сочетание в советском праве нормативных установлений наиболее общего, отправного значения для правового регулирования*, плановых заданий, норм-масштабов поведения, иных видов специализированных норм. Сбалансированность и оптимальное взаимодействие перечисленных групп норм — важный показатель организованности системы права, а уровни проявления нормативности и соответствующие уровни общности правового регулирования — один из критериев их классификации.

Особого внимания заслуживает значение в нормативной основе правового регулирования отправных нормативных установлений, которые формулируются в предписаниях преимущественно вводных разделов нормативно-правовых актов. В этом усматривается важное свидетельство немалого удельного веса таких предписаний в законодательстве и соответствующей категории норм в системе права, объединяющих в своем составе нормативные (исторические) справки; цели, задачи, иные программные положения, принципы, дефиниции, конструкции и другие нормативные обобщения. В своей совокупности отправные нормативные установления

* В юридической литературе уже предпринимались попытки терминологически обозначить совокупность предписаний, формулирующих правовые требования на высоком уровне общности, абстрактности [2, с. 11—12; 8, с. 31].

составляют основу, фундамент правового регулирования общественных отношений.

Учитывая, что нормативные установления данной категории содержат исходный импульс для правового регулирования, вопрос об их природе и назначении становится крайне важным. Однако в юридической литературе он получает неоднозначное, зачастую прямо противоположное, разрешение. В отдельных юридических исследованиях, например, высказывается мысль о том, что эту категорию установлений в праве нельзя считать нормами права, поскольку они не содержат конкретного правила поведения, т. е. указания на права и обязанности субъектов права, не порождают конкретных правоотношений [5, с. 155, 182]. Предпочтительна, на наш взгляд, другая позиция, состоящая в представлениях о норме права как категории более широкой, чем правило поведения, имеющее предоставительно-обязывающий характер [3, с. 215; 10, с. 55].

Обоснованность последнего вывода обуславливается формой и содержанием программ, принципов, обобщений, проявлением в них всех признаков и свойств советского права. Во-первых, соответствующие предписания формулируются государством в виде *нормативных установлений*, обладающих юридической энергией и способностью прямого действия при регулировании ими общественных отношений в сочетании с нормами-масштабами поведения, а в случае отсутствия последних — непосредственно (ст. 12 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Во-вторых, государство ставит эти нормативные установления в положение *отправных* для правового регулирования, располагая в преамбулах и первых (общих) разделах нормативно-правовых актов. Законодатель тем самым определяет сферу распространения их регулирующего воздействия на всю систему социалистических общественных отношений (общие установления Конституции СССР, например) или на отдельную ее область (общие установления других кодифицированных актов). В-третьих, отправные нормативные установления служат средством перевода объективных потребностей в плоскость правовых требований, исходными формами проявления и сознательного использования закономерностей экономического и социального развития и имеют поэтому *непосредственную социально-политическую природу*. Соответствующие правовые предписания в связи с этим имеют принципиальное значение для государственно-правовой жизни, и любые систематические отступления от них чреваты наступлением последствий не только материальных, моральных, физических и др., которые несут участники общественных отношений в случае нарушения норм-масштабов поведения, но и социально-политического значения, которые могут быть выражены в «ущербе» для самой сущности государственности и правового регулирования. Общеобязательная нормативность данной категории установлений характеризуется поэтому самым высоким уровнем проявления. Нормы-цели, нормы-принципы рассматриваются в юридической ли-

температуре как обладающие наиболее высокой стабильностью, исключительной императивностью и т. д. [6, с. 189; 11, с. 32].

Отправные нормативные установления — наиболее мощное средство нормативно-идеологического воздействия права на сознание и поведение людей. Это обусловливается самим содержанием предписаний данной категории, нормативная информация в которых выражена в наиболее концентрированном виде при высокой степени ее идеологического «наполнения». Более предпочтительна поэтому такая организация правового обучения в средней и высшей (по неюридической специальности) школе и правовой пропаганды среди населения, когда обеспечивается первоочередное усвоение соответствующей нормативной информации индивидуальным и групповым правосознанием. Даже при минимальных возможностях и затратах (в средней школе, например) создаются условия для достижения максимального результата, поскольку доступность и убедительность юридических установлений самого первого порядка, их быстрая усвояемость в состоянии в короткие сроки обеспечить получение основного уровня правовой информированности.

Нормативно-информационное воздействие права, конечно, не исчерпывается сказанным. Усвоение обязываний, дозволений, запретов — также важнейшая задача правового обучения и воспитания. Однако возможности отправных нормативных установлений в интенсификации процесса формирования правовой культуры советских граждан неизмеримо больше в связи с высокой эффективностью данного уровня нормативно-идеологического воздействия на их сознание и поведение.

Отправные нормативные установления непосредственно воплощают в себе экономические, политические, социальные, нравственные и другие ценности. В этом проявляется их значение в правовом регулировании как средства формирования соответствующих ценностных представлений по отношению к экономическому строю, советской политической системе, институтам социалистического самоуправления народа, что создает основу ценностного восприятия нормативов в процессе удовлетворения гражданами потребностей, соблюдения запретов и т. д.

Приведенные характеристики свидетельствуют о том, что в правовой жизни обнаруживаются определенные основания для изучения правового регулирования и правового воздействия как понятий, хотя и взаимодействующих, но различающихся. Однако исходить, на наш взгляд, следует из единства и взаимопроникновения первого и второго, поскольку единым является источник воздействия и регулирования — нормативные предписания, охватывающие юридические формулы самого общего характера (программные положения, принципы, конструкции и др.) и конкретные масштабы поведения в их взаимодействии. Установление различий здесь если и возможно, то только в связи с анализом особенностей той или другой плоскости реализации энергетических потенциалов советского права.

Едва ли исчерпывающим поэтому представляется рассмотрение нормативной основы правового регулирования только в связи с обращенностью предписаний адресатам в трех измерениях — обязывания, дозволения, запреты. Вопрос здесь сводится к взаимодействию не всего многообразия проявления права в предписаниях различной степени общности и субъектов общественных отношений, а только к действию норм-масштабов поведения, имеющих предоставительно-обязывающий характер, заключающих вид и меру возможного и должного поведения, обладающих более или менее четко выраженным структурным построением. Занимая центральное место в нормативной основе правового регулирования и его механизма, отправные нормативные установления содержат исходные социально-политические требования, обеспечивающие включение, с одной стороны, обязываний, дозволений, запретов, а с другой — индивида в объективно сложившуюся систему экономических, политических, социальных и других отношений. Они «организуют» правовое регулирование в соответствии с объективными закономерностями развития и функционирования социализма, обеспечивают единство, непротиворечивость, целостность права как системы норм. Практика реализации норм права в этих условиях должна быть сориентирована на организованное взаимодействие предписаний различной степени общности. Особенно это относится к правотворческой и правоприменительной практике, в рамках осуществления которой на базе преодоления еще имеющей место декларативности необходимо проводить последовательную конкретизацию общих положений законодательства набором норм-масштабов поведения, а по конкретным юридическим делам создавать мотивированную аргументацию ссылкой не только на норму-масштаб поведения, но и на отправные нормативные установления, добиваясь на данной основе полного соответствия выводов требованиям законности.

Более обстоятельно в этой связи может быть рассмотрен вопрос о функциях советского права. В юридической литературе обращается внимание лишь на формально-юридические аспекты организующего воздействия права на общественные отношения. В такой плоскости правильно формулируются регулятивная (статическая, динамическая) и охранительная функции [4, с. 192; 9, с. 14]. Вместе с тем назначение советского права не ограничивается рамками рассматриваемых направлений. Поскольку в качестве исходного берется лишь один критерий классификации норм права на регулятивные и охранительные, то рассматриваются здесь соответственно только функции норм-масштабов поведения. Однако предложенная классификация норм открывает новые возможности в освоении закономерностей функционирования советского права. Установление единства и согласованного взаимодействия отправных нормативных установлений, плановых заданий, норм-масштабов поведения, иных специализированных норм обуславливает необходимость новых научных поисков в на-

правлении всестороннего раскрытия роли права в жизни общества.

Так, познание сущности и назначения советского права как важного элемента общественной структуры связано с анализом назначения советской политической системы. Следует поэтому ставить вопрос о советском праве как инструменте осуществления функций политического целеполагания, регулирования режима социально-политической деятельности, обеспечения целостного управленческого воздействия на общественные процессы и др. [7, с. 45], присущих политической системе советского общества в целом. Единая социально-политическая природа КПСС — ядра советской политической системы, — Советского государства, общественных организаций и самодеятельности граждан и советского права не может не выразиться в единстве их назначения и совпадения присущих им функций. Последние проявляются в обширной практике совместного правотворчества и реализации норм права.

Функции собственно советского права как основные направления его воздействия на сознание и поведение людей в данной постановке проблемы необходимо рассматривать дифференцированно, с учетом особенностей назначения отдельных групп норм в изучаемой классификации.

Так, наиболее сложному нормативному образованию отправного значения в правовом регулировании, социалистическая сущность права в котором проявляется непосредственно, присущи функции внешнего порядка и внутриправовые. К первой группе относятся функции управления, перевода объективных общественных закономерностей в плоскость правовых требований, идеологическая.

Характеристика внешних сторон функции управления, например, может состоять в том, что отправные нормативные установления организуют последовательную реализацию объективных закономерностей в государственно-правовой жизни, являются средством взаимодействия элементов политической системы советского общества в направлении решения общих задач и достижения общих целей, содержат общие ориентиры развития и углубления советской демократии, социалистического самоуправления народа и т. д. Конечно, функция управления присуща не только отдельным частям, но и всему советскому праву как фактору управленческому, имеет внутриправовые аспекты. Однако для программ, принципов, обобщений внешние проявления функции управления наиболее выпукло иллюстрируют существо соответствующей категории предписаний законодательства, в отличие от других, специфику их назначения в правовом регулировании.

Внутриправовые функции отправных нормативных установлений характеризуют назначение последних собственно в правовом регулировании. Уместно здесь рассматривать функции обеспечения преемственности в праве и основ стабильности правовой системы; определения пределов правового регулирования; обеспечения единства и непротиворечивости системы советского права. В сфе-

ре реализации права рассматриваемым установлениям присущи функции непосредственно действующего права; критерия оценки фактических обстоятельств дела; обеспечения всесторонней обоснованности правоприменительных актов.

Особенности назначения отправных нормативных установлений свидетельствуют о возможном разнообразии путей разрешения вопроса о функциях советского права вообще. Совершенно очевидно то, что его всестороннее исследование должно быть связано с учетом особенностей воздействия на общественные отношения всех подразделений права в данной классификации. Представляется, что общая концепция функций советского права при таком подходе не может оставаться неизменной.

Подробный анализ вопросов, связанных с уточнением природы и назначения в правовом регулировании отправных нормативных установлений, выходит за рамки настоящей статьи. Однако сформулированные положения обнажают ряд теоретико-прикладных аспектов проблемы. Реальный выход последних в практику работы становится возможным по ряду направлений, в том числе в связи с проведением неотложных мер на первых шагах перестройки правового регулирования. Имеются в виду следующие из них: определение общих и частных направлений совершенствования юридической формы выражения требований объективных закономерностей развития общества и прежде всего — постоянного преодоления отрыва правовой формы от жизненных отношений; обнаружение и преодоление половинчатости действия законов, декларативности ряда общих правовых предписаний; отыскание гибких и оптимальных средств конкретизации общих установлений в правотворческой и правоприменительной деятельности в направлении обеспечения полного соответствия правовых актов заложенным в законодательстве демократическим принципам; обеспечение на этой основе условий для полного удовлетворения требований социалистической законности.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС.* М., 1986. 2. *Актуальные проблемы юридической науки на этапе развитого социализма.* Х., 1985. 3. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. В 2-х т. Свердловск, 1972. Т. 1. 4. *Алексеев С. С.* Общая теория права: В 2 т. М., 1981. Т. 1. 5. *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система. М., 1978. 6. *Козюбра Н. И.* Социалистическое право и общественное сознание. К., 1979. 7. *Основы теории политической системы* / Под ред. Ю. А. Тихомирова, В. Е. Чиркина. М., 1985. 8. *Рабинович П. М., Шмелева Г. Г.* Конкретизация правовых норм // *Правоведение.* 1985. № 6. 9. *Радько Т. Н.* Теоретические и методологические проблемы функций советского права. М., 1978. 10. *Шмайлова Л. П.* Правовая природа программных положений социалистических конституций // *Правоведение.* 1975. № 3. 11. *Явич Л. С.* Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М., 1978.

Поступила в редколлегию 19.07.86

РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА (некоторые ценностные аспекты)

В принятой XXVII съездом КПСС новой редакции Программы партии подчеркивается актуальность задачи воспитания уважения к советским законам [1, с. 165]. Идеологические последствия решения этой задачи в процессе правореализующей деятельности не могут не учитываться при характеристике ее качества и качества правового регулирования в целом.

Изучение механизма воспитательного воздействия как на «окружающих» (воспитания в широком смысле слова), так и на самого правореализатора (самовоспитание) представляется перспективным на путях ценностного анализа реализации юридических норм. Применительно к личностной ценности [10, с. 25—28; 7, с. 25—34] он может опираться на следующие положения.

Реализация юридических норм осуществляется в целях и в процессе удовлетворения определенных потребностей тех или иных субъектов. Значимость права в их удовлетворении — факт объективный по отношению ко всем субъектам, в том числе и к тем, чьи потребности удовлетворяются. Правильное познание этого факта — необходимая гносеологическая предпосылка адекватного оценивания права, т. е. установления, фиксирования его ценности (полезности, позитивности, значимости). Критерием истинности такой оценки выступают обращаемость граждан (и их организаций) к праву как средству удовлетворения потребностей, полнота удовлетворения последних с привлечением юридических средств.

В рассматриваемой оценочно-познавательной деятельности выделим условно два этапа: установление наличия (или отсутствия) положительной значимости осуществления права; установление ее меры (степени, уровня). Второй из них сопряжен с градацией правовых ценностей.

Аксиологическое ранжирование правовых явлений осуществляется субъектом в зависимости от осознанной им значимости тех его потребностей, удовлетворению которых служат эти явления. Иерархия потребностей предопределяет иерархию правовых ценностей (норм), регламентирующих пути их удовлетворения и иерархию ценностных представлений о праве. В результате такого ранжирования одни правовые предписания (те, которые опосредствуют удовлетворение потребностей) воспринимаются субъектом как ценные, к другим он относится безразлично, «нейтрально», третьи расцениваются в качестве принудительного образца поведения либо игнорируются как препятствие в осуществлении жизненных планов [8, с. 30].

Сравнительная оценка субъектом совершаемых им актов реализации юридических норм «высвечивает» значимость, т. е. ценность последних для него.

Следует учитывать, что поскольку изменение потребностей — их актуализация или, наоборот, дезактуализация — почти не зависит от самого права и, следовательно, перестановки в иерархии правовых ценностей (правовых предпочтений) порождаются причинами, лежащими за его пределами, задача правовой аксиологии состоит главным образом в том, чтобы «улавливать» изменения указанных потребностей, устанавливая (и прогнозировать) возможности права в их удовлетворении, стремиться расширять эти возможности.

Рассмотрим кратко ценность каждой из форм реализации права: использование, исполнение и соблюдение*.

Использование права служит формой реализации управомочивающих юридических норм. Оно ценно прежде всего для самого правореализатора, ибо представляет собой его деятельность по удовлетворению потребностей (своих и тех субъектов, чьи интересы он представляет и права которых реализует). Чем полнее осуществляется эта форма правореализации, тем нагляднее обнаруживается ценность права для соответствующего субъекта.

Объем и интенсивность использования права обуславливаются уровнем правовой активности субъекта, глубинную предпосылку которой составляют его потребности: чем они разнообразнее, тем чаще субъект использует управомочивающие нормы.

Поскольку применение юридических норм происходит обычно не «ради права», то такое «активное поведение лишь в весьма условном смысле можно рассматривать в качестве «реализации» того, что заложено в праве» [2, с. 305]. Однако для формирования уважительного отношения к закону существенно, чтобы субъект осознал, что формальным источником средств, необходимых для удовлетворения его потребностей, выступают юридические нормы, что с помощью закона он получает все необходимые ему основные блага.

Такое осознание и происходит в процессе использования нормы права, когда субъект вынужден при необходимости, во-первых, обращаться для выяснения средств удовлетворения своих потребностей к закону, отыскивать его; во-вторых, обосновывать допустимость своих действий, ссылаясь на закон как на их формальное основание; в-третьих, устанавливать, что недостаточность (или невозможность) удовлетворения потребностей вызывается отсутствием закона или его дефектом, что также формирует (или усиливает) представление о надобности закона, его изменении, совершенствовании.

Таким путем осознаются преимущества, предоставляемые правом, постигается его ценность. Поэтому отношение субъекта к закону, формируемое в процессе реализации им юридических норм,

* Данная классификация форм правореализации была введена в 50—60-х гг. в работах М. Ф. Орзиха, Ю. Г. Ткаченко, Л. С. Явича, С. С. Алексева.

в решающей мере обуславливается степенью удовлетворения его потребностей.

По мере совершенствования социалистического общества ценностные свойства использования права будут «разворачиваться» и осознаваться советскими людьми все более полно. В Программе КПСС сказано: «Партия будет и дальше способствовать тому, чтобы расширялись и обогащались социально-экономические, политические и личные права и свободы граждан, создавались все более благоприятные условия и гарантии их полной реализации» [1, с. 158].

Разумеется, индивидуальная шкала ценности субъективных прав довольно динамична, так как зависит от актуальности, настоятельности потребностей, их иерархии и т. п.

В процессе правореализационной практики уровень оценки права может и понижаться (в силу неудовлетворенности субъекта определенными юридическими актами, его «претензий» к ним и т. п.). Однако причины этого, а также выводимые из них рекомендации, следствия — неоднозначны, и их необходимо четко различать.

Такие причины могут заключаться и в упущениях правоприменительных органов, и в технико-юридических дефектах закона, и в несовершенстве процедурно-процессуальной регламентации, но чаще всего — в недостаточности общего объема этих благ, находящегося в распоряжении государства, общества (за последнее обстоятельство закон, очевидно, «не отвечает»). Может быть и так, что потребности правореализатора выходят за пределы разумного.

Ценность использования юридических норм, однако, не сводится к его полезности для самого правореализатора. Оно ценно и для всего общества, для государства, других субъектов. Советское государство создает все условия для расширения реальных возможностей для применения гражданином своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности (ст. 20 Конституции СССР), заинтересовано в том, чтобы члены общества максимально использовали нормы права, которыми данные возможности закреплены. Использование гражданином норм права для развития таких его личностных качеств, которые полезны всем, представляет собой ценность и для государства, и для других людей. Например, государство и общество заинтересованы в том, чтобы граждане как можно полнее реализовывали конституционное право на внесение предложений по улучшению деятельности государственных органов и общественных организаций. Использование соответствующей конституционной нормы (ст. 49) ценно не только непосредственно для реализатора, но в меньшей степени и для иных субъектов.

Имеются и такие нормы, ценность использования которых для государства относительна или вообще отсутствует (например, нормы, позволяющие расторгнуть брак или трудовой договор). Существующие различия в определенных потребностях, интересах

государства (общества) и личности порождают и различную для них ценность реализации даже одних и тех же юридических норм.

Поэтому отношение государства к правомерному использованию уполномочивающих норм неоднозначно. Кроме личностной, оно учитывает и общесоциальную значимость (полезность, «нейтральность», а в определенных случаях и нежелательность) использования прав. Отсюда и различные юридические последствия. В этой связи различают такие разновидности правомерного поведения, как поощряемое, стимулируемое, находящееся под повышенной защитой, поддерживаемое, допустимое, терпимое, влекущее отрицательные последствия [6, с. 161].

Исполнение выступает формой реализации обязывающих норм права. Значительная часть социальных потребностей личности удовлетворяется действиями других лиц — «чужими» действиями. К ним и побуждают обязывающие нормы права. Поэтому ценность их для субъекта, по отношению к которому эта обязанность реализуется, обуславливается опять же значением для него потребностей, удовлетворяемых действиями обязанного лица. Конкретнее, ценность обязывающих юридических норм состоит для личности в том, что они обеспечивают создание материальных и иных благ для нее; их предоставление в ее обладание; нормальные условия использования и охрану.

Общесоциальные (и групповые) потребности, как правило, удовлетворяются действиями, составляющими юридическую обязанность тех или иных субъектов. Этим определяется ценность для общества и государства тех обязывающих норм, из которых вытекают определенные правомочия органов государства, а также различных общественных организаций, коллективов. Будучи заинтересованным в удовлетворении потребностей личности, государство заинтересовано, естественно, и в реализации норм, обязывающих данные потребности удовлетворить.

В случаях, когда юридически обязательные действия осуществляются субъектом прежде всего по его внутреннему побуждению — в силу собственной нравственной потребности делать добро другому, исполнение обязывающих норм представляет своеобразную, этическую ценность и для самого обязанного субъекта. Например, соблюдение такой юридической обязанности, как материальное обеспечение и надлежащее воспитание детей (ст. 61, 80 КоБС УССР), для абсолютного большинства граждан не является результатом внешнего принуждения, а осуществляется в силу собственной, не зависимой от закона потребности, удовлетворение которой доставляет громадную, ни с чем не сравнимую радость.

Соблюдение — это форма реализации запрещающих юридических норм. Ценность их реализации производна от ценности осуществления первых двух видов норм. Соблюдение права в известном смысле носит вспомогательный характер: удовлетворяет прежде всего потребности управомоченных лиц в безопасности, нерушимости, «неприкосновенности» условий (возможностей) для

их собственной деятельности. Поэтому, чем важнее потребности упомянутых лиц, осуществляемые в таких условиях, тем ценнее и запреты, служащие охране последних.

Соблюдение запрета может иметь вполне определенную ценность для самого исполнителя запрета, коль скоро обеспечивает и его безопасность (например, соблюдение запрещающих правил техники безопасности), бесконфликтность его контактов, предохраняет от неоправданных издержек и т. д. [3, с. 8]. Понимание гражданами того, что соблюдение права — самый эффективный способ организации ими своей жизни и ведения своих дел, — один из важнейших путей осознания ценности права, формирования уважения к нему.

Таким образом, надлежащая реализация права — это шкала его оценивания, формирования уважения к нему, обладающая действенным убеждающим эффектом. Непременная предпосылка такого эффекта — высокое качество советских законов, повышать которое предстоит и дальше [1, с. 77].

С другой стороны, представление о ценности реализации права всегда так или иначе «присутствует», фиксируется в субъективной стороне правомерного поведения. Такое поведение обычно включает «механизм оценки норм и выбора между правовыми и неправовыми ценностями, согласование тех и других» [5, с. 33]. И чем больший вес в общей мотивации поведения принадлежит рационально обоснованным соображениям о полезности, ценности реализуемого закона, тем выше юридическая зрелость подобного поведения, его стабильность и результативность [11, с. 6—9].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о ценности правоприменительной деятельности и юридических актов, в которых выражаются ее результаты. Решение этого вопроса в значительной мере обуславливается интерпретацией соотношения правоприменения и правореализации. Ряд авторов считает, что ценность правоприменения выражается в том, что оно участвует в создании условий для удовлетворения потребностей, осуществляемых в процессе реализации права [9, с. 6—9]. Более определенно ценность правоприменения предопределяется той конкретной ролью, функцией, которую оно выполняет в данной жизненной ситуации [4].

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *Алексеев С. С.* Общая теория права. М., 1981. Т. 1. 3. *Братко А. Г.* Запреты в советском праве. Саратов, 1979. 4. *Витрук Н. В.* Акты применения права в механизме реализации прав и свобод личности // *Правоведение*. 1983. № 2. 5. *Лазарев В. В.* Правомерное поведение как объект юридического исследования // *Сов. гос-во и право*. 1976. № 10. 6. *Лейст О. Э.* Методология исследования правомерных и неправомерных действий в развитом социалистическом обществе // *Методологические и теоретические проблемы государства и права развитого социализма*. М., 1983. 7. *Оксамытный В. В.* Правомерное поведение личности. К., 1985. 8. *Орзих М. Ф.* Право и личность. Киев; Одесса, 1978. 9. *Рабинович П. М.* Общетеоретические вопросы реализации советского права // *XXVI съезд КПСС и проблемы реализации советского права*. Львов, 1983.

10. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983.
11. Русинов Р. К. Сознание и правомерное поведение личности // Сов. гос-во и право. 1983. № 3.

Поступила в редколлегию 30.06.86

А. В. МАЛЬКО, канд. юрид. наук

САРАТОВ

ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Дальнейшее упрочение социалистической демократии, проведение в жизнь принципов социальной справедливости, гуманизма требуют усиления внимания к вопросам реализации субъективных прав граждан и удовлетворения тех их интересов, которые, не будучи прямо закреплены в праве, являются юридически дозволенными, т. е. законными. Требование уважения к правам и законным интересам граждан закреплено Конституцией СССР (ст. 65), а их охрана является важнейшим требованием законности [2, с. 61]. В процессе соблюдения, использования, охраны и защиты законных интересов граждан можно выделить несколько направлений укрепления социалистической законности.

Необходимость совершенствования законодательства применительно к категории «законный интерес». Поскольку термины «законный интерес» и «охраняемый законом интерес» тождественны, возможна их взаимозаменяемость в том или ином нормативном акте без ущерба для законности. На наш взгляд, во всех нормативных актах, в которых подразумевается именно законный интерес, необходимо употреблять его полное название. Разнобой в изложении приводит к смешению понятий «интерес» и «законный интерес», которые не являются синонимическими. Иногда бывает действительно неясно, почему в одних случаях (причем в одном и том же нормативном акте, а подчас в одной и той же статье) законодатель употребляет термин «интерес» (ст. 4, 33, 41—42, 44, 80, 166 ГК РСФСР), а в других — «охраняемый законом интерес» («законный интерес») (ст. 2—4, 13, 32, 34, 41—42, 48, 94, 195).

Занимая самостоятельное место в правоведении и обладая единой смысловой нагрузкой в законодательстве, категория «законный интерес» нуждается в едином терминологическом обозначении. Кроме того, было бы целесообразно закрепить категорию «законный интерес» в таких, например, актах, как Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, УК союзных республик, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, УПК союзных республик, Закон о гражданстве СССР, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, КЗоТ союзных республик.

В условиях ускорения социально-экономического развития страны происходит расширение сферы действия законных интересов в связи с созданием новых возможностей для удовлетворения всевозрастающих потребностей и запросов, в частности, в сфере охраны здоровья граждан, благоустройства, охраны атмосферной среды, животного и растительного мира и др.

Важно поддерживать постоянную тесную связь правотворческой деятельности и практики, «ибо систематическое признание судебной практикой данного интереса субъектов права подлежащим охране, т. е. законным интересом, свидетельствует о процессе формирования соответствующего субъективного права в силу того, что этот интерес приобретает достаточно высокий уровень общезначимости...» [7, с. 189—190]. Практика в данном случае играет роль ценного «указателя» для правотворческого процесса, процесса преобразования тех или иных интересов из «законных» в субъективные права.

Необходимость совершенствования деятельности по охране и защите законных интересов всех управомоченных на то органов. Для обеспечения наиболее полной реализации законных интересов (а значит, и для укрепления законности) необходима их надлежащая охрана, осуществляемая различными государственными органами и общественными организациями.

В процессе осуществления ведущей формы защиты законных интересов — судебной — важно четко разграничивать понятия законного интереса и субъективного права, с тем чтобы иметь ясное представление о том, что именно защищается. В этой связи целесообразно было бы специальное издание Верховным Судом СССР руководящего разъяснения, где на основе судебной практики и научных данных рассматривался бы вопрос об отграничении субъективных прав советских граждан от их законных интересов.

Необходимо также иметь в виду разнообразие законных интересов, учитывать особенности каждого из видов, способы их проявления и характер, осторожно и гибко подходить к их защите.

Основная особенность законных интересов состоит в том, что в большинстве своем они вытекают из духа советского законодательства, а не из его буквы. Такое положение порождает определенные трудности при их охране и защите. С одной стороны, отсюда вовсе не следует, что по отношению к ним можно допускать факты невнимательности, равнодушия, безучастия и т. п. Подобное отношение к законным интересам не способствует укреплению законности. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что необходимо «считаться не только с буквой, но и с *духом* нашего, коммунистического законодательства, не допускать *ни тени* отступления от наших законов» [1, т. 44, с. 399—400]. С другой стороны — не следует впадать в другую крайность, ибо «с позиции режима законности важно, чтобы судьи не использовали излишне широко предоставленную им возможность (и обязанность) охра-

ны всякого рода интересов, чтобы признание интереса законным не приводило к нарушению прямо предусмотренных в объективном праве «юридических интересов», т. е. социальных интересов, находящихся под непосредственной защитой правовых норм» [7, с. 189]. Необходимо поэтому проводить осмотрительную политику в судебной деятельности относительно охраны и защиты законных интересов, тщательно выверять те явления, с которыми имеешь дело. В противном случае останутся по-прежнему, хотя и не сразу видимые, «переходы» из одной крайности (непринятие всех и всяческих законных интересов и т. д.) в другую (гипертрофирование «общей массы» законных интересов, а отсюда и «излишне широкая» их охрана и т. д.).

Сказанное применимо и к деятельности других (несудебных) организаций, осуществляющих охрану и защиту законных интересов.

Необходимость повышения социально-правовой активности у советских граждан в отстаивании своих законных интересов, а также законных интересов других субъектов права. Проявляя общественно-политическую, правовую активность, граждане нередко сообщают соответствующим органам в своих письмах о фактах бесхозяйственности, нетрудовых доходах, нарушениях социальной справедливости, препятствующих осуществлению их прав и законных интересов. Реальный социализм требует активнее бороться с этими негативными явлениями. В современных условиях как никогда важно, чтобы «каждый гражданин хорошо понимал и осознавал свои права и законные интересы, предоставленные возможности, умел пользоваться ими, мог бы, когда это нужно, постоять за них, за интересы государства, общества» [4, с. 21].

Полезную роль здесь может сыграть информированность граждан об их законных интересах. Необходимо вести широкую пропаганду правовых знаний, используя материалы официальных и авторитетных источников (нормативных актов, актов толкования норм права, применения норм права, различных справочников, научной литературы).

Необходимость строгого соблюдения и уважения законных интересов советских граждан всеми субъектами права. Речь идет о неуклонном исполнении конституционной обязанности, возложенной на граждан СССР — «уважать права и законные интересы других лиц» (ст. 65). Немалая роль в этом принадлежит воспитанию всех советских граждан в духе глубокого демократизма, созданию в стране атмосферы нетерпимости ко всяким нарушениям законности, к бюрократизму, к зажиму критики, неизбежно приводящим к ущемлению прав и законных интересов граждан [5, с. 235].

Важно, чтобы каждый гражданин твердо знал, что его законные интересы будут учтены, реально соблюдены и надежно защищены государством. И это будет ценным шагом на пути дальнейшего укрепления социалистической законности.

Законные интересы и социалистическая законность взаимодействуют. Выделим несколько направлений такого взаимодействия.

1. Укрепление законности влечет за собой более надежную охрану и защиту законных интересов, ибо режим законности предполагает усиление гарантий, обеспечивающих реализацию данных законных стремлений. В последнее время особенно усиливаются общественные и идеологические гарантии реализации законных интересов советских граждан. Средства массовой информации неустанно ведут борьбу с различного рода их ущемлениями. Сообщая о формальном, неуважительном отношении к их законным интересам со стороны должностных лиц различных учреждений, организаций, предприятий, граждане обращаются в редакции газет с просьбой помочь. Пишут об ущемлении таких законных интересов, как, например, интерес в благоустройстве своей деревни, села, другого населенного пункта [8, 1985, 7 янв.]; в надлежащем отоплении жилых домов, школ, магазинов [9, 1984, 23 марта]; в соблюдении тишины [8, 1985, 21 янв.]; в надежной телефонной сети [10, 1985, 8 янв.] и многих других.

По всем этим сигналам проводятся проверки, принимаются меры по удовлетворению законных интересов граждан. Партия учит, что «всякое невнимание к нуждам людей, любые ущемления их законных интересов недопустимы в деятельности должностных лиц» [2, с. 105]. В настоящий период в процессе укрепления социалистической законности и правопорядка усиливаются также и другие гарантии реализации законных нужд трудящихся.

2. Укрепление законности расширяет «поле деятельности» законных интересов, создает для их возникновения и функционирования благоприятную почву. По мере развития общества объем законных интересов и одновременно их роль в сфере правового регулирования будут возрастать, ибо государство не может обеспечить всевозрастающие запросы и потребности граждан только через субъективные права. Здесь немаловажное место отведено законным интересам, с помощью которых государство предоставляет гражданам различного рода дозволения для удовлетворения их законных требований.

3. Интересы укрепления законности и правопорядка обуславливают оценку законных интересов как самостоятельного правового явления, отличного как от «незаконных» интересов, так и от субъективных прав. Это поднимает авторитет законных интересов, позволяет более дифференцированно подходить к их охране и защите, четче отграничивать их от других вышеуказанных явлений. Данное направление «заставляет» правоохранительные органы уделять большее внимание защите законных интересов граждан, последовательнее и строже спрашивать за их нарушения. На XXVII съезде КПСС указывалось на необходимость «настойчиво поднимать ответственность кадров правоохранительных и других органов, связанных с практическим применением законов, охраной правопорядка, социалистической собственности, законных интересов советских граждан...» [2, с. 109].

4. Укрепление законности повышает у советских людей уверенность в том, что их законные интересы будут должным образом соблюдены и реализованы, а в случае необходимости — защищены. В атмосфере все большего развертывания социалистической демократии существует и меньше возможностей для нарушения законных интересов советских граждан, для их ущемления, а это означает, что они более полно и уверенно реализуются.

Законные интересы советских граждан, взаимодействуя с законностью, могут быть тесно связаны с принципом целесообразности в правоприменительной деятельности. Так, исходя из соображения целесообразности, решается вопрос об определении долей в общей совместной собственности супругов при разделе имущества (ст. 21 КоБС РСФСР); о назначении судом повторной экспертизы (ст. 181 ГПК РСФСР); о предоставлении рабочему или служащему администрацией по семейным обстоятельствам и другим уважительным причинам кратковременного отпуска без сохранения заработной платы (ст. 76 КЗоТ РСФСР); об учете конкретных обстоятельств при возложении материальной ответственности на рабочего или служащего (ст. 123 КЗоТ РСФСР).

Реализация принципа целесообразности здесь связана с удовлетворением, а также защитой различных законных интересов. Данный принцип позволяет более гибко подойти к разрешению жизненных ситуаций, удовлетворить интересы граждан, так как он предоставляет достаточно широкие возможности в выборе наиболее оптимальных вариантов применения закона, учитывая при этом его общий смысл, принципы, цели, политику партии и государства.

Нельзя не отметить такую закономерность: осуществляя требование целесообразности, правоприменитель совершает прежде всего акт удовлетворения либо защиты тех или иных законных интересов, т. е. когда норма права устанавливает «целесообразное правоприменение», речь должна идти в первую очередь об удовлетворении и защите таких правовых дозволенностей, как законные интересы. Целесообразное удовлетворение последних гарантируется обычно в тех случаях, когда невозможно те или иные отношения урегулировать общим правилом поведения и определенный вопрос требует решения в каждом конкретном случае, т. е. когда в данной сфере законодатель бессилён что-либо раз и навсегда установить. Верно отмечается в литературе, что «на потребности, интересы и возможности лица конкретная правовая норма подчас повлиять не в состоянии...» [3, с. 70], «невозможно осуществление интересов с помощью правовых норм и в тех случаях, когда последние затрагивают процессы, в которых сильно выражен момент» [6, с. 53].

Но некоторые из указанных интересов входят в сферу правового регулирования, достойны охраны и должны защищаться. Они защищаются лишь как законные интересы, а не в качестве субъективных прав. Здесь законодатель и устанавливает момент целесообразности для правоприменительного органа, предоставляя ему

(ограниченную законом) свободу в решении того или иного вопроса с точки зрения конкретных обстоятельств и применяемой нормы права, содержащей момент усмотрения.

Однако при этом важно не противопоставлять целесообразность социалистической законности, ибо подлинная целесообразность, очерченная рамками закона, является по сути своей законной.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 3. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. 4. Матузов Н. И. Активная жизненная позиция // Сов. гос-во и право. 1984. № 3. 5. Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. М., 1974. 6. Экимов А. И. Интерес и право в социалистическом обществе. Л., 1984. 7. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. 8. Правда. 9. Известия. 10. Труд.

Поступила в редколлегию 17.07.86

Е. В. НОВИКОВ, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

ФУНКЦИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ

Анализ всей системы правоприменительных актов с точки зрения структуры и назначения каждого звена в правоприменительном процессе дает основания для характеристики данного процесса как системного образования. Последнее объединяет в себе «совокупность функциональных компонентов», взаимодействующих между собой во имя достижения поставленной цели» [10, с. 11].

Представляется, что всем существующим видам правоприменительных актов с учетом их специализации присущи следующие функции: фиксационная, динамическая, информационная, управления, воспитательная, а также правонаделительная, правообеспечительная, правоохранительная, стабилизации и правообразовательная. Перечисленные функции можно условно разделить на *определяющие* и *специально-юридические*. Определяющие функции правоприменительных актов, отражая основные направления воздействия последних и характеризуя степень различия этих направлений, их специфику, не позволяющую в дальнейшем объединять их в более общие группы, включают в себя такие функции, как фиксационная, динамическая, информационная, управления и воспитательная.

Одна из важнейших определяющих функций правоприменительных актов-документов — *фиксационная* — находит свое проявление в закреплении совершенных правоприменительных действий, полученных результатов, а также в фактическом удостоверении определенных юридических фактов, содержащихся в соответствующих правоприменительных актах и объективируемых с помощью закрепления в последних. При этом сам момент «условной стати-

ки», проявляемый в данном случае в стабильно-качественной достоверности определенной информации (материала), содержащейся в правоприменительном акте, разумеется, ни в коей мере не означает застоя или инертности данной функции вообще, поскольку само воздействие правоприменительных актов на общественные отношения всегда активно, всегда в динамике. Наиболее значимое проявление фиксационной функции — закрепление итогов, результатов правоприменения, ибо сами правоприменительные акты прежде всего предназначены для закрепления и объективизации полученных в процессе совершения правоприменительных действий, результатов на любом отрезке правоприменительного производства. В указанном аспекте правоприменительные акты — это не только следствие логического окончания правоприменительных операций, но подчас и завершение только одной из стадий логической последовательности (например, мотивированное постановление следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого — ст. 131 УПК УССР).

С помощью правоприменительных актов реально осуществляется и *динамическая* функция правоприменительных актов как своеобразных юридических фактов [7, с. 199; 1, с. 165, 170, 189; 6, с. 124—125; 5, с. 195; 9, с. 282; 11, с. 112; 12, с. 102], обеспечивающих и определяющих динамику юридических действий, всего правоприменительного процесса, а также обуславливающих возникновение, изменение и прекращение у конкретных субъектов правоотношений, соответствующих субъективных прав и юридической обязанности. При этом само осуществление динамической функции правоприменительных актов, ее наиболее зримое проявление присходят, на наш взгляд, по трем направлениям: в механизме осуществления самой динамики правоприменительного процесса, в обеспечении оперативного движения юридического дела и поднормативном регулировании.

Так, в зависимости от функционального назначения правоприменительных актов, определяющих возникновение, нормальное течение и окончание правоприменительного процесса, акты применения выполняют следующие подфункции: начальную (исходную) вспомогательную, промежуточную и итоговую (завершающую). Например, постановление о возбуждении уголовного дела (ст. 98 УПК УССР), выполняя начальную функцию, одновременно является и тем побудительным обстоятельством (импульсом), которое способствует возникновению исходного движения юридического дела. Несколько иные в указанном смысле функции — вспомогательную и промежуточную — выполняют такие правоприменительные акты, как постановления и определения правоприменяющих органов, субъектов о проведении различных правоприменительных действий. Например, выносимое следователем постановление о проведении обыска, изъятия, равно как и определение судьи об обеспечении иска и т. п., будут выполнять вспомогательную функцию. В свою очередь, промежуточную функцию выполняют следующие акты применения норм права: определение судьи об окончании

подготовки дела и принятии его к рассмотрению (ст. 147 ГПК УССР), постановление судьи о предании обвиняемого суду (ст. 221 УПК РСФСР) и т. д. Причем основное назначение вспомогательной и промежуточной функций проявляется, прежде всего, в поддержании стабильной упорядоченности самой динамики юридического дела. Итоговую же, заключительную функцию выполняют правоприменительные акты, содержащие в себе предписание итогового и окончательного суждения относительно рассматриваемого юридического дела. Здесь можно назвать обвинительное заключение следователя, приговоры и решения суда, протесты прокурора, определения суда второй инстанции, рассмотревшего дело в кассационном порядке, и т. д. Необходимо отметить, что отдельные правоприменительные акты, например, обвинительное заключение, могут одновременно осуществлять две функции: промежуточную и итоговую (завершающую).

Большой интерес представляет и другое направление динамической функции правоприменительных актов — обеспечение поднормативного регулирования, одной из главных задач которого является не только конкретизация правового положения участников отношений, но и персонификация и индивидуализация конкретного юридического дела по содержанию и по субъектам, поскольку четко определяются круг субъектов, компетенция, правовой статус, конкретизируются последствия негативного и позитивного характера.

Одновременно в зависимости от характера регулируемых отношений поднормативное регулирование может быть как относительно неперсонифицированным (например, Указ Министра обороны об очередном увольнении военнослужащих в запас; Указ о назначении выборов и т. д.), так и конкретно-индивидуальным поднормативным регулированием (приказ о зачислении в институт, в аспирантуру и т. д.).

Являясь формой поднормативного правового регулирования, правоприменительные акты, наряду с вышеперечисленными функциями, осуществляют также и функцию *управления*, основное назначение которой заключается в осуществлении хозяйственного и социально-культурного строительства, охватывая конкретные общественные отношения. Правоприменительные акты, являясь юридической формой реализации права, проявляют свою управленческую сущность [12, с. 101—102]. При этом, если управленческая функция норм права, повторяем, носит более обширный характер как по объектам управления (а таковыми являются все нетипичные отношения определенного вида), так и по времени управления, т. е. осуществляется в течение всего времени действия правовых лиц, то управленческая функция правоприменительных актов, в отличие от указанных актов, более специфична в данном отношении. Объект ее управления — персонально определенные субъекты-адресаты (лица, граждане, организации и т. д.). Правоприменительные акты, содержащие указанную функцию, имеют однократное, разовое значение, т. е. рассчитаны на однократность

их использования в течение определенного конкретной ситуацией времени. Порождая последствия для данного рассмотренного дела (случая), они не имеют юридического значения в отношении подобных случаев, т. е. их управленческое воздействие ограничивается только тем кругом общественных отношений, на которые направлена вышеуказанная функция правоприменительных актов. Выступая в качестве средства организации, осуществления правовых норм, правоприменительные акты одновременно являются средством осуществления самого управленческого процесса, обнаруживая тем самым свою социальную ценность [8, с. 59; 12, с. 101].

Помимо осуществления правоприменительными актами ранее рассмотренных функций, они выполняют также и *информационную* функцию, не только аккумулируя всю гамму совершенных юридически значимых действий, но и обобщая данные, причастные к делу.

Основное же назначение информационной функции правоприменительных актов, как правило, всегда направлено на собиранье и обобщение материалов, данных, причастных к рассматриваемому делу (протоколы очной ставки, описи имущества и т. д.). Причем правоприменительные акты не только обобщают материал (информацию), но и информируют правоприменителя-«технолога» правоприменительного процесса и других лиц, причастных к делу, о содержании самой информации.

В свете всевозрастающих требований, предъявляемых к правоприменительным органам (субъектам-правоприменителям), одной из задач которых является воспитание нравственных и правовых убеждений и взглядов, несомненную теоретическую и практическую значимость представляет вопрос о *воспитательной* функции правоприменительного акта.

Являясь актом регулирования, защиты правоотношений и т. п., правоприменительный акт имеет большое политическое и воспитательное значение. Заключая в себе правовую оценку общественных отношений, содержания принадлежности прав и обязанностей конкретным субъектам, он оказывает влияние на самые различные стороны жизни общества: идеологию, экономику, мораль, культуру, семью, быт и т. п. Таким образом, анализируя воспитательную функцию правоприменительных актов, следует говорить и о расширении сферы влияния актов применения на общественные отношения, что объясняется увеличением объема их регулирования в различных сферах правового регулирования. Воспитательная функция — одно из важнейших средств коммунистического воспитания трудящихся и правовой пропаганды, ибо именно в актах применения норм права чаще всего дается оценка поведения граждан, должностных лиц, коллективов.

Партией намечены конкретные меры по усилению борьбы с преступными и другими антиобщественными проявлениями и дальнейшему совершенствованию профилактики правонарушений и воспитательной работы, неукоснительному соблюдению советских

законов всеми гражданами и должностными лицами. Большую роль здесь должны сыграть и правоприменительные акты — одна из форм правоприменительной практики [4, с. 66], обладающие воспитательно-предупредительным потенциалом, что, в свою очередь, предопределяет место воспитательной функции среди определяющих, главных функций указанных актов. В усилении их воспитательного воздействия заложена и предпосылка повышения такого показателя, как добровольное осуществление (реализация) юрисдикционных правоприменительных актов субъектами-адресатами, ибо воспитательное воздействие вышеуказанной функции зависит не только от реального осуществления правоприменительных актов, но и от реальной защиты прав, обязанностей, охраняемых законом интересов, подтвержденных правоприменяющим органом [3, с. 20].

Наряду с указанными определяющими функциями, правоприменительным актам свойственны (присущи) и специально-юридические функции, выражающие степень назначения тех или иных правоприменительных актов и носящих частный характер по отношению к основным функциям актов применения (правонаделительная, правообеспечительная, правоохранительная, функция стабилизации и преобразовательная).

Так, в процессе перевода общего правового статуса в индивидуальный правоприменительные акты выполняют следующие функции: *правонаделительную* (связанную с наделением участников правоотношений соответствующими субъективными правами и обязанностями); *правообеспечительную* (закрывающуюся в фактическом поведении участников правоотношений) и *правоохранительную* (направленную на определение результатов спора о праве или установление юридической ответственности виновных лиц). Последнюю функцию выполняют в основном юрисдикционные правоприменительные акты.

Отдельные правоприменительные акты осуществляют и такие (специфические) свойственные им функции, как, например, функция *стабилизации*, которая проявляет свое назначение в придании стабильной упорядоченности правоприменительным актам на одной из определенных стадий правоприменительного процесса, а также *преобразовательная функция* правоприменительных актов, выступающая, как правило, в качестве преобразующего факта. В свою очередь, сами преобразующие факты могут выступать в форме событий, действий и состояний (например, лишение свободы и т. п.).

Вышеизложенная функциональная характеристика правоприменительных актов дает лишь общее представление об их содержании, поскольку внутри каждого классификационного подразделения возможна и более конкретная группировка функций, применительно к соответствующим актам применения норм права.

Список литературы: 1. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. 1982. Т. 2.
2. Васильев Р. Ф. Правовые акты органов управления. М., 1970. 3. Завадская Л. Н. Реализация судебных решений. М., 1982. 4. Карташов В. Н. При-

менение права. Ярославль, 1980. 5. Коваль А. Б. Административно-деликтное отношение. К., 1979. 6. Козлов Ю. М. Административные правоотношения. М., 1976. 7. Курс советского гражданского процессуального права; В 2 т. 1982. Т. 2. 8. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов (Вопросы теории). Казань, 1975. 9. Лебедев М. П. Государственные решения в системе управления социалистическим обществом. М., 1974. 10. Программно-целевой подход в управлении. Теория и практика. М., 1975. 11. Шергин А. П. Административная юрисдикция. М., 1970. 12. Юсупов В. П. Правоприменительная деятельность органов управления. М., 1979.

Поступила в редколлегию 09.07.86

И. Б. ШАХОВ, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ФОРМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркивается, что «ускорение развития общества немыслимо и невозможно без дальнейшего развития социалистической демократии, всех ее сторон и проявлений» [1, с. 55]. К числу мер, направленных на углубление демократизма советского социалистического строя, относятся и меры по активизации народного контроля, по усилению гласности [1, с. 57, 60].

В свете партийных установок важное значение приобретает теоретическое осмысление комплекса проблем контроля и особенно тех, которые касаются организационно-правового обеспечения социального управления в современных условиях. Такое положение объясняется тем, что процесс социального управления органически включает в себя контролирующий фактор, без которого не может осуществляться нормальная жизнедеятельность любого общественного организма. Практика социалистического строительства подтверждает всевозрастающую значимость не только законодательной и исполнительно-распорядительной деятельности органов власти, но и их контроля за работой всего механизма государственного руководства обществом. В Программе КПСС указывается на необходимость строгого соблюдения ленинских указаний о Советах как органах, которые не только принимают решения, но и организуют проведение их в жизнь и проверку исполнения [1, с. 159].

Назрела необходимость критически переосмыслить такое сложившееся состояние в теории социалистического права, когда неоправданно обходится вниманием проблема фундаментального теоретико-юридического исследования контрольной деятельности как *правовой формы*. Необходимо устранить такую ситуацию, когда она ставится как бы в худшее положение по сравнению с правотворчеством и правоприменением. Известно, что в области правотворческой и правоприменительной деятельности проявлена до-

статочно высокая исследовательская активность теоретиков права, нашедшая воплощение в большой и плодотворной литературе [10; 14; 16; 20]. Причем основополагающие выводы теории правотворчества и правоприменения вошли составными разделами во все учебники по теории государства и права. Иную картину представляет собой фундаментальная разработка теории контрольной деятельности как разновидности правовой формы. До настоящего времени юридическая наука и особенно теория права не ставила специально задачи исследовать природу контрольной деятельности, ее структуру, функции и выяснить общее и особенное в сравнении с правотворчеством и правоприменением. Данный пробел, несомненно, снижает науковедческий потенциал науки теории права и не способствует достижению реальной сущности подлинного народовластия как «работающей корпорации», основывающейся на органическом единении законодательства, исполнения и контроля.

Понятие контроля и контрольной деятельности в науке трактуется неоднозначно [17, с. 5—11]. В философской, социологической и юридической литературе одни авторы под социальным контролем понимают совокупность процессов в социальной системе (обществе, социальной группе, организации и т. п.), посредством которых обеспечивается следование определенным «образцам» деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении, нарушение которых отрицательно сказывается на функционировании системы [19, с. 639]. Другие — механизм, с помощью которого общество и его подразделения (группы, организации) обеспечивают соблюдение определенных ограничений, условий, нарушение которых наносит ущерб функционированию социальной системы [6, с. 248]. Ряд ученых полагает, что социальный контроль — это целостная система всех социальных регуляторов (государственных и общественных институтов, права, морали, обычаев, традиций, установок) [7, с. 3]. Наконец, специалисты в области социального управления исходят из того, что контроль представляет собой систему наблюдения и проверки процесса функционирования соответствующего объекта с целью устранения его отклонения от западных параметров [4, с. 240].

Контроль как специфический вид деятельности имеет сложную структуру и проявляется в различных аспектах, что обуславливает неодинаковые характеристики его понятия, а подчас и не совсем точные представления о нем. Так, в литературе контроль и проверку исполнения неоправданно, на наш взгляд, квалифицируют как один из ординарных принципов деятельности органов государства [8, с. 89—168]. В других источниках контроль относят к методам социалистического управления [12, с. 100].

Такое различное представление о структурной характеристике содержания деятельности органов государства в определенной степени обусловлено тем, что иногда не учитывается необходимость четкого понимания смысла каждого элемента деятельности, т. е. не раскрывается его онтология. В связи с этим в юридической

литературе была предпринята попытка дать индивидуализированные понятия принципа, метода и формы деятельности органов государства и соответственно разграничить их по заложенному в них смыслу [9, с. 119—120].

Следует отметить, что в юридической науке особо подчеркивалась необходимость интерпретации контроля как обособленной, автономной формы управленческой деятельности. Например, отдельные авторы утверждали, что любая управленческая функция в том числе и функция контроля, осуществляется на практике в особой организационно-правовой форме, которая имеет в своей основе специфические методы ее реализации, способы осуществления и показывает, какими путями осуществляется воздействие [11, с. 113—115].

Думается, наиболее плодотворны соображения той группы советских ученых, которые, обособив представления о *формах* деятельности как особом ее структурном элементе (наряду с принципами и методами), одновременно считают целесообразным разграничивать *фактические и правовые* формы деятельности органов государства. Так, И. С. Самощенко под правовой формой деятельности понимает однородную по своим внешним признакам деятельность органов социалистического государства по осуществлению его функций. Она служит выяснению того, как механизм социалистического государства осуществляет свои функции, каким образом социалистическое государство использует для выполнения своих задач право. К правовым формам осуществления функций социалистического государства, по его мнению, относятся: правотворческая; оперативно-исполнительная; правоохранительная деятельность [15, с. 50—52]. Н. Г. Александров в своей последней работе выделяет: нормотворческую; управленческо-исполнительную и правоохранительную [18, с. 109]. С. С. Алексеев считает возможным различать в качестве основных правовых форм: правотворческую; правоисполнительную; правообеспечительную (организационную, контрольно-надзорную и правоохранительную) [13, с. 58—59]. По-иному рассматривает проблему А. В. Мицкевич, предлагающий вначале выделять правотворческую и правоприменительную деятельность. К правоприменительной же форме он относит правоисполнительную, контрольно-надзорную и юрисдикционную правоохранительную в узком смысле слова [13, с. 10—11]. Некоторые авторы, основываясь на указанных концепциях, лишь уточняют отдельные моменты. Так, И. Я. Дюрягин считает возможным выделить следующие способы правоприменительной деятельности: юрисдикционный, исполнительно-распорядительный и контрольно-надзорный [10, с. 12]. В. А. Юсупов выделяет две основные формы применения права: оперативно-исполнительную и юрисдикционную, причем контроль относит к первой [20, с. 12].

По нашему мнению, справедлива точка зрения авторов, считающих целесообразным решать вопрос о квалификации правовых форм, исходя из того, каким образом они непосредственно взаимодействуют с правом как социальной реальностью. В этой

связи следует различать правотворческую и правоприменительную деятельность. Последняя в свою очередь подразделяется на правонаделительную и правоохранительную. Причем правоохрану, в свою очередь, можно подразделить на относительно самостоятельные разновидности: деятельность по обеспечению исполнения норм права (правообеспечение); деятельность по разбирательству правовых споров и дел о правонарушениях; деятельность по исполнению (реализации) государственного принуждения [9, с. 177—188]. Своеобразно положение контрольно-надзорной деятельности в системе правовых форм. Имея общее охранительное назначение, она, в отличие от правоохраны, несет, главным образом, нагрузку превентивного характера, т. е. недопущения всякого рода отступлений от правил, исключения возможности правонарушения. В данном плане очевидна ее позитивная сущность, а негативная — как это характерно для собственно правоохранительной деятельности. Общее охранительное назначение контрольно-надзорной деятельности в какой-то мере обусловлено тем, что законодатель, определяя правовой статус правоохранительных органов, счел возможным принять одновременно законы не только о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР, Государственном арбитраже в СССР, адвокатуры в СССР, но и прежде всего о народном контроле в СССР [2, 1979, № 49, ст. 840, 842, 844, 846].

Приведенные соображения в своей основе плодотворны, поскольку отражают наиболее существенные моменты общей характеристики правовых форм деятельности и могут быть приняты за исходные положения.

От правовой формы деятельности органов социалистического государства отличают его чисто фактическую (организационную) форму деятельности, под которой обычно понимают однородную по своим внешним признакам деятельность органов государства, не влекущую за собой правовых последствий. К такого рода деятельности И. С. Самощенко, например, относит организационно-массовую, культурную и политико-воспитательную работу органов государства, учетно-статистическую работу государственного аппарата, технически-исполнительскую работу, вооруженную защиту страны от агрессивных действий со стороны врагов и т. д. [15, с. 51]. М. И. Байтин различает организационно-регламентирующую; организационно-идеологическую; организационно-экономическую, в которую наряду с иными включается и контрольно-ревизионная деятельность [5, с. 231—234].

Такое различное представление о сущности и месте контрольной деятельности в системе правовых форм объясняется главным образом тем, что в юридической науке и практике долгое время в какой-то мере не учитывались специфичность и однородность контроля как органического составного элемента управления. В качестве методологической основы классификации правовых форм (правотворчества и правоприменения) обычно использовалась характеристика Советов как «работающих корпораций», объединяющих в себе лишь законодательную и исполнительную власть в

единой государственной организации, упоминания же о контроле отсутствовали. Очевидно, что такая классификация не отражала реальной специфики деятельности, стоящей в одном ряду с законодательством и исполнением. «Изъятие» контрольной деятельности из системы государственной власти социализма представляло собой противоестественное состояние.

Выделение в одном ряду с законодательной и исполнительной властью — контрольной как самостоятельной правовой формы деятельности отражает специфику и сущность реального полновластия представительных органов государства социалистического типа. Органическое единство всех этих форм деятельности нашло свое подтверждение в целом ряде законодательных актов и прежде всего в ст. 103 Конституции СССР, которая определила правовую основу полномочий депутатов как представителей народа в Советах народных депутатов, заключающуюся в том, что их деятельность органически соединяет *принятие решений, организацию их исполнения и осуществление контроля*.

Кроме того, определение контрольно-надзорной деятельности как составной части правоохраны не отражает того факта, что сущность и назначение контроля выходят за рамки юрисдикционной деятельности, так как он не всегда связан с правонарушениями, а главное его назначение состоит в обеспечении согласованности запланированного и реально осуществляемого.

Контрольную деятельность не следует сводить и к чисто фактической (организационной), поскольку любая фактическая деятельность органов государства, с точки зрения социалистического демократизма и требований социалистической законности, должна протекать в рамках правовых предписаний и, следовательно, приводить к определенным юридическим последствиям. В этом плане организационная фактическая деятельность, если она связана с осуществлением властных полномочий и обязанностей, не может не принимать юридических форм, а чисто фактическая (организационная) деятельность, являясь содержанием правовой, опосредствуется ею.

Специфика контрольной деятельности проявляется прежде всего в методах, принципах, регулятивном режиме и непосредственно социальном назначении. Она объединяет синтезирующие элементы государственной деятельности наряду с правотворческой и правоприменительной. Следовательно, контрольная форма деятельности имеет свою индивидуализацию и поэтому может и должна стать предметом самостоятельного научного исследования.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *Ведомости Верховного Совета СССР*. 3. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. Курс лекций: В 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. 4. *Афанасьев В. Г.* Научные основы управления обществом. М., 1973. 5. *Байтин М. И.* Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979. 6. *БЭС*. В 30 т. 3-е изд. М., 1976. Т. 24. Ч. 1. 7. *Буйвол Б. А.* Социальный контроль и его воздействие на поведение людей. Автореф. дис. ...канд. филос. наук. К., 1973. 8. *Власов В. А.* Советский государственный аппарат. М., 1951. 9. *Горюнов В. М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе.

М., 1972 10. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права: теоретические вопросы. Свердловск, 1973. 11. Еропкин М. И. Административное право. М., 1971. 12. Лунев А. Е. Демократизм советского государственного управления. М., 1967. 13. Мицкевич А. В. Юридическая природа актов правотворчества органов государственной власти и управления СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. 14. Научные основы советского правотворчества / Под ред. Р. О. Халфиной. М., 1981. 15. Общая теория советского права / Под ред. С. Н. Братуся, И. С. Самощенко. М., 1966. 16. Правотворчество в СССР / Под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974. 17. Социальный контроль в СССР / Под ред. В. С. Основина. Воронеж, 1981. 18. Теория государства и права. М., 1974. 19. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 20. Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов управления. М., 1979.

Поступила в редколлегию 16.06.86

Ю. И. МЕЛЬНИКОВ, канд. юрид. наук

ЯРОСЛАВЛЬ

О ПОНЯТИИ И МЕСТЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ В СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОГО ПРАВА

В вопросе уяснения механизма обособления материальных и процессуальных норм, понятия и места последних в структуре советского права в юридической литературе высказаны различные мнения. Так, В. И. Каминская пишет: «Если анализировать нормы права, исходя из специфики регулируемых ими общественных отношений, то... нормы процессуального права регулируют отношения, отстоящие от базиса дальше, чем нормы материального права...» [6, с. 67]. В. О. Лучин замечает, что «удаленность либо близость процессуальных норм к базису... не может быть главным признаком для отграничения их от норм материального права» [8, с. 10]. Другие ученые усматривают специфику норм процессуального права в их направленности на принудительную реализацию норм материального права. Однако предлагаемый критерий отграничения материально-правовых норм от процессуальных не в состоянии объяснить природу и специфические особенности норм процессуального права в общерегулятивном плане, ибо, помимо уголовно-процессуального и гражданского процессуального права, в системе материальных отраслей права имеются многочисленные процессуальные нормы и даже институты, не связанные с принудительной реализацией соответствующих норм материального права, посредством и на основе которых осуществляется правоприменительная деятельность по реализации материально-правовых предписаний.

Деление права на материальное и процессуальное некоторые авторы связывают и с выделением в системе права регулятивных и охранительных норм, относя процесс к способу реализации последних. Однако «регулятивные и охранительные предписания не только в рамках логических норм, но и в отраслях права образуют нерасторжимое единство, и поэтому реально «регулятивного

права» и «охранительного права» в чистом виде не существует» [2, с. 32].

В. Д. Сорокин подчеркивает, что «если норма материального административного права, определяя содержание прав и обязанностей субъектов права, отвечает на вопрос, что надо сделать для реализации этих прав и обязанностей, то норма процессуального административного права отвечает на вопрос *как, каким образом, в каком* порядке названные права и обязанности могут и должны быть реализованы» [12, с. 80]. Такой критерий разграничения материальных и процессуальных норм, по мнению многих авторов, правилен, имеет общее значение для всех отраслей советского права и им следует руководствоваться при оценке любых правовых норм, ибо он отображает не что иное, как различные функции юридических норм в правовом регулировании, которые заключаются в том, чтобы указать субъекту «что делать» или «как делать». Образно говоря, материальные нормы определяют «конструкцию» поведения, а процессуальные — устанавливают ее «технологию» [10, с. 246]. Если же при наличии отдельных материальных и процессуальных актов какие-либо нормы материального права оказываются помещенными в процессуальные законы, а процессуальные — в материальные акты, — это, видимо, следствие несовершенства законодательной техники. Отрицать же теоретическую и практическую значимость классификации правовых норм на материальные и процессуальные, исходя из их функционального назначения, нельзя; в противном случае следует вообще отказаться от деления права на материальное и процессуальное.

В. М. Горшенев предлагает различать материальные и процессуальные нормы путем выделения в предмете правового регулирования двух уровней, комплексов отношений: «организуемых» и организационных. Первые составляют предмет регулирования норм материального права, вторые, имея производный, вспомогательный характер и предназначенные обслуживать процесс реализации «организуемых» (материальных) отношений, — предмет регулирования норм процессуального права [3, с. 219]. Подобного рода представление является определяющим для понимания сущности процессуального права, связи норм материального и процессуального права, их регулятивного единства и взаимодействия.

В понятие «процессуальная норма», согласно сложившимся представлениям о юридическом процессе, вкладывается различный смысл. С точки зрения сторонников традиционного понимания юридического процесса, процессуальная норма определяется как юридическая организационная норма, которая призвана упорядочить применение санкции материально-правовой нормы уполномоченным на то юрисдикционным органом [5, с. 38]. М. С. Строгович утверждал, что «не всякая правовая норма, устанавливающая ту или иную процедуру, может быть определена как процессуальная норма... В своей основе процессуальные нормы в точном и прямом значении данного понятия — это судебно-процессуальные нормы, это нормы судопроизводства» [14, с. 39—42].

Думается, с подобным мнением согласиться нельзя. Само по себе правосудие — одна из форм государственного управления, часть деятельности Советского государства. Правила судопроизводства содержатся в процессуальном законодательстве и сформулированы таким образом, чтобы обеспечить выполнение поставленных перед судом задач. В деятельности же иных государственных органов имеется множество процедур, предназначенных для решения разного рода вопросов (назначение пенсии, выдача ордера на жилье, зачисление в высшее или среднее специальное заведение и т. д.), исходя из задач и функций, стоящих перед ними. Почему же нормы процессуального права и нормы различных процедур нельзя ставить в один ряд, а считать последние рангом ниже? Как те, так и другие выступают нормативным регулятором, определяют порядок правоприменительной деятельности, способствуют достижению результата, предписываемого материальной нормой. Разница лишь в том, что здесь иные природа органов и уровень процессуальной регламентации и т. д. Да и сам М. С. Строгович признавал, например, что нормы, определяющие порядок деятельности органов арбитража, права и обязанности сторон и т. д., в известной мере приближаются к процессуальным [14, с. 41].

Различные виды юридических правил, регламентирующих деятельность субъектов по применению права, устанавливающих порядок осуществления этой деятельности, в своей основе являются процессуальными. Процессуальную норму можно определить как юридическое правило, которое регулирует деятельность по применению материально-правовой нормы, норму, призванную организовать правоприменение, независимо от того, идет ли речь о применении диспозиции или санкции материально-правовой нормы.

С понятием процессуальной нормы тесно связан и другой вопрос: сколько и каких именно отраслей процессуального права существует в системе советского права, что лежит в основе их образования.

Традиционно считается, что только две отрасли советского права называются процессуальными — уголовно-процессуальное и гражданское процессуальное. В таком случае сомнительным становится даже наличие административного процесса, в результате чего приходится различать его в узком и широком смысле.

По мнению многих ученых, положение К. Маркса о том, что «...материальное право... имеет свои *необходимые, присущие ему процессуальные формы*» [1, т. 1, с. 158] относится к любой отрасли материального права. «Каждая отрасль материального права содержит определенное количество норм. Чтобы эти нормы «жили», т. е. чтобы содержащиеся в них права и обязанности субъектов были фактически реализованы, необходимо произвести специальные установленные законом процессуальные действия» [7, с. 15].

Что касается государственного, земельного, трудового, финансового и других отраслей советского права, внутри которых выде-

ляются определенные группы процессуальных норм, то их сфера действия не выходит за рамки соответствующих отраслей права [13, с. 101].

Во-первых, нельзя согласиться с тем, что здесь процессуальные нормы являются составной частью материальной отрасли права. Каждая отрасль советского права представляет собой систему однородных норм, регулирующих какую-то определенную область общественных отношений. Процессуальные нормы любой отрасли материального права никогда не были составными элементами той материальной отрасли права, которую они обслуживают. Это в равной мере относится и к процессуальным нормам, еще не достигшим такой стадии группировки. Поэтому речь должна идти о наличии процессуальных норм в материальных отраслях права, причислении их к группе норм материального права.

Во-вторых, анализ литературы свидетельствует о повышении интереса к уяснению места различных процессуальных норм в структуре советского права, возможности выделения их в качестве явления, структурно обособленного от материального права. Например, Н. И. Краснов полагает, что «земельно-процессуальные нормы имеют не меньшее основание, чем нормы материально-правовые, быть закрепленными в законодательстве» [7, с. 149]. Я. М. Фогель считает, что пенсионные процессуально-правовые нормы «можно вычленил из всего комплекса пенсионного законодательства и рассматривать в качестве отдельной совокупности норм» [15, с. 47]. В. М. Горшенев и П. Е. Недбайло утверждают, что «каждая отрасль материального права имеет соответствующие процессуальные нормы с самой различной степенью дифференцированности: от самостоятельной отрасли до частных обособленных групп» [16, с. 40].

В связи с этим укажем на ряд признаков, определяющих границы процессуального в праве, возникновение в правовой сфере новых процессуальных отраслей права. Прежде всего, «процессуальные нормы, имеющиеся в составе других материальных отраслей, не могут претендовать на статус отрасли права, поскольку отрасль начинается тогда, когда данная группа процессуальных норм, имея свой предмет и определенную степень организации своей системы, выходит за пределы одноименной материальной отрасли и участвует в реализации материальных норм других отраслей» [12, с. 70].

Данный критерий действительно важен для познания специфики гражданского и административного процесса, однако его недостаточно для обоснования самостоятельности процессуальной отрасли. Достаточно сослаться на то, что уголовный процесс обслуживает только одну материальную отрасль — уголовное право. Способность взаимодействовать с другими отраслями права не является монополией существующих процессуальных отраслей.

Признание в системе советского права только трех процессуальных отраслей, обслуживающих все отрасли материального пра-

ва, не учитывает, что формирование отраслей процессуального права объективно обоснованно. Соотношение между нормами материального и процессуального земельного права в своей основе адекватно соотношению между материальными и процессуальными нормами гражданского и уголовного [11, с. 38—44].

Существует и точка зрения, согласно которой критерий истины в вопросе автономии того или иного процесса заключается в том, обеспечивают ли традиционные процессуальные формы (гражданский, уголовный процесс и др.) потребности данной отрасли материального права. С этих позиций процедура разрешения трудовых споров уже не укладывается в привычные рамки гражданского процесса, что позволяет думать о зачатках нового вида процессуальной деятельности — трудового процесса. Арбитражная деятельность характеризуется настолько специфическими чертами, что может быть названа хозяйственным процессом по аналогии с хозяйственным правом, определяющим материально-правовое содержание этой деятельности. Не вызывает сомнений то, что гражданский процесс не обеспечивает потребности административного права. Самостоятельное процессуальное оформление всей системы материальных норм будет наиболее полно и надлежащим образом обеспечивать их реализацию.

Сам по себе «юридический процесс» не может выступать в качестве условия для формирования процессуальных отраслей права. Им оформляется порядок правоприменительной деятельности, который устанавливается законодателем в зависимости от сферы и характера общественных отношений. Объективную основу формирования процессуальных отраслей права должен составить предмет правового регулирования, т. е. такое основание классификации общественных отношений, которое будет отражать главное в их содержании, а именно деятельность уполномоченных субъектов по применению норм материального права.

Говоря об общей перспективе развития процессуального права, следует, на наш взгляд, разделить мнение авторов, признающих универсальный характер положения К. Маркса о том, что процессуальные формы находятся в прямой зависимости от обслуживаемых ими материальных отраслей права и связывающих реализацию этого положения с укреплением социалистической законности в деятельности субъектов, применяющих право.

Эффективность системы советского социалистического права, его отраслей, институтов и норм зависит не только от содержания установленных государством общеобязательных правил, но и от четкой регламентации процедур применения этих правил. Правомерная правоприменительная деятельность немислима вне процессуальных рамок. Во-первых, недооценка процессуальных норм, ограничение действия их только правоохраной сужают возможности права как регулятора социалистических общественных отношений. Во-вторых, отстаивая широкое понимание назначения процессуальных норм, мы не усматриваем механического слияния всех процедурных правил, низведение процессуальных норм до

уровня технических правил процедуры и тем более не отрицаем характера регулируемых правом общественных отношений как критерия разграничения отраслей права, а всегда подчеркиваем, что упрочение социалистической законности связано со всесторонним исследованием особенностей правового регулирования общественных отношений, лежащих в основе предмета регулирования процессуального права, независимо от того, о какой отрасли права идет речь.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 3. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. 4. Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982. 5. Елисейкин П. Ф. Предмет процессуально-правового регулирования и понятие процессуальной нормы // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1977. 6. Каминская В. И. Уголовно-процессуальный закон // Демократические основы советского социалистического правосудия. М., 1965. 7. Краснов Н. И., Иконникова И. А. Процессуальные вопросы советского земельного права. М., 1975. 8. Лучин В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976. 9. Основные направления развития гражданского процессуального права // Проблема защиты объективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1978. 10. Рабинович П. М. Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975. 11. Сахаров П. Д. Еще раз о земельном процессе в СССР // Сов. гос-во и право. 1971. № 9. 12. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. М., 1972. 13. Сорокин В. Д. Проблемы административного процесса. М., 1968. 14. Строгович М. С. Природа уголовно-процессуального закона и его характерные черты // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. 15. Фогель Я. М. Процессуальные отношения в пенсионном обеспечении // Сов. гос-во и право. 1971. № 8. 16. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М., 1976.

Поступила в редколлегию 06.06.86

С. Д. ЦАЛИН, канд. филос. наук

ХАРЬКОВ

К АНАЛИЗУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ТЕОРИИ ДЕТЕРМИНИЗМА И СВОБОДЫ ВОЛИ СУБЪЕКТА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии уделено значительное внимание как теоретическому, так и практическому аспектам деятельности партии и государства, направленным на углубление прав и свобод граждан, поднятие активности трудящихся в преодолении недостатков, злоупотреблений, любых болезненных явлений, отступлений от норм нашего права и морали [1, с. 61]. Выявление специфики отражения проблемы детерминизма и свободы воли личности в праве актуально и существенно для правовой теории уже потому, что презумпция свободы воли и свободы выбора является предпосылкой решения ряда вопросов, таких, как правовая активность и ответственность лично-

сти, вина, наказание, и других, важных не только в теоретическом плане, но и в правоприменительной практике и правовом воспитании трудящихся.

Такая точка зрения ясно выражена и в работах советских криминологов. Н. Ф. Кузнецова указывает, что субъективная детерминация общественного сознания «лежит в основе свободы воли, вины и ответственности человека и социальных групп за их поведение» [6, с. 23]. Представление о преступнике как о человеке, сознательно, по собственной воле совершающем преступление, существенно и для уголовного права, поскольку служит субъективным основанием уголовной ответственности [11, с. 84]. Однако, несмотря на указания классиков марксизма-ленинизма на правомерность постановки вопроса о свободе воли, некоторые современные философы, психологи, юристы отрицают его значимость, отождествляя его с идеалистическими концепциями индетерминизма и волюнтаризма. Так, Н. М. Амосов считает проблему свободы воли надуманной [2, с. 220]. Учебник общей психологии под редакцией А. В. Петровского также ориентирует лишь на негативное отношение к данной проблеме. Неудивительно, что и некоторые юристы нередко проявляют скептицизм по отношению к вопросу о свободе воли. Характерным примером может служить позиция А. И. Санталова, который полагает, что «если поступки человека с необходимостью вытекают из внешних и внутренних условий, порождены ими, то это не означает фатализма, хотя и исключает «свободу выбора», независимость выбора поведения от внутренних условий» [8, с. 122; 10, с. 18—26]. Подобный взгляд более близок к материализму механистическому, чем к диалектическому. Поступки человека далеко не всегда «вытекают с необходимостью», и конкретным подтверждением являются и *нормальная*, соответствующая объективным законам природы и общества деятельность, и деятельность *противоправная*. Имеются в виду знакомые каждому ситуации (выбор профессии, места работы, спутника жизни и т. п.), когда свободно сделанный выбор не укладывается в рамки рационализированных обоснований и тем не менее оказывается оптимальным, соответствующим и общественной и личной потребности. Тем более явным аргументом в пользу наличия свободной воли является посягательство на общественный порядок и интересы других граждан у лиц с отклоняющимся поведением. Мы полностью солидарны с Р. А. Гальцевой, которая пишет: «Проблема свободы воли выступает прежде всего как практическая проблема — в связи с вопросом об ответственности человека за его действия» [4, с. 546]. И все же ряд юристов, обращаясь к категориям свободы и свободы воли, ставят вопрос: допустимо ли и, если допустимо, то в какой мере можно рассматривать общественно опасные действия как проявление свободной воли?

Д. А. Керимов считает, что субъект отклоняющегося поведения, действующий в противоречии с исторической необходимостью, воплощенной в правовых нормах социалистического общества,

действует несвободно, а поэтому объяснение ответственности как следствия свободы воли неправомерно [5, с. 464]. Другие, И. С. Самошенко и М. Х. Фарукшин, полагают, что противоправное поведение субъекта является свободным, но при этом, по их утверждению, понятие свободы в теории права не тождественно понятию свободы как категории исторического материализма [5, с. 465—468]. Наконец, С. Б. Волковым высказано мнение, что общественно опасное поведение есть особая, специфическая форма реализации свободы, которая вполне входит как частный случай в содержание соответствующей философской категории [3, с. 130]. Как видим, у советских юристов имеется несколько альтернативных обоснований проблемы детерминизма и свободы воли.

Приведенные точки зрения свидетельствуют об особой остроте методологической проблемы преломления философских категорий свободы, свободы воли, свободы выбора в правовой теории. Сложившаяся гносеологическая ситуация есть разновидность типичного отношения, которое возникает между философскими и частнонаучными подходами в решении стыковых вопросов. В рассматриваемом случае проблема относится к области философских вопросов права, которые, не являясь непосредственно ни предметом исследования философии, ни тем, что полностью лежит в границах правоведения, принадлежат одновременно и философии и праву. Поэтому стыковые проблемы философии и права стали источником получения нового знания как философами, так и юристами.

Попытка осмыслить собственную проблематику права с применением категорий материалистической диалектики уже стала нормой и осознанной потребностью. Вместе с тем следует отметить, что далеко не всегда применение философского категориального аппарата к анализу правовых явлений оказывается последовательным и эффективным. Н. Ф. Кузнецова на примере криминологии объясняет это тем, что многие спорные положения либо обусловлены недостаточным усвоением марксистско-ленинской методологии, либо отражают дискуссионность и нерешенность философских вопросов, либо связаны с попытками конструирования «собственно криминологических» закономерностей, которые не согласуются с учением о них в материалистической диалектике [6, с. 7].

Анализируя взгляды советских юристов на исследуемую проблему, Д. А. Керимов приходит к выводу, что ни одна из предложенных теоретических конструкций противоправного поведения субъекта, обладающего правовыми обязанностями, свободой воли и ответственностью, не выдерживает критики. Однако ход рассуждений Д. А. Керимова также не безупречен. «Если предположить, что человек действует во всех случаях свободно, проявляет свою свободную волю, то тогда-то именно и получается парадоксальная картина, исключаяющая его ответственность, ибо за свободу в социалистическом обществе не судят» [5, с. 468]. Думается, что, во-первых, вряд ли кто из современных марксистских фило-

софов и теоретиков права полагает, что «человек действует во всех случаях свободно» (курсив наш.—С. Ц.), и тем самым абсолютизирует свободную волю. Во-вторых, Д. А. Керимов допускает подмену понятия свободного волеизъявления неконкретизированным понятием «свобода» в выражении «за свободу в социалистическом обществе не судят». Уместно спросить, за какую свободу не судят в социалистическом обществе? Если под «свободой» Д. А. Керимов подразумевал свободу воли, то тогда его высказывание имеет значение, прямо противоположное сделанному автором выводу, а именно — как раз *только* за злонамеренную свободу воли судят в социалистическом обществе. Мы присоединяемся к точке зрения А. М. Яковлева, который пишет: «...с позиций уголовного права преступление не просто проявление «свободной» воли, но «*проявление злой воли*». <...> Преступник — это, во-первых, лицо, обладающее свободой выбора линии поведения (свободой воли) и, во-вторых, совершающее выбор из эгоистических интересов, сознательно принимающее отрицательное решение» [11, с. 85]. Очевидно, выделение в свободе воли в качестве ее видов «злой», а значит, и «доброй» воли позволяет не только эксплицировать этическую и правовую сторону ее противоположных форм, но и глубже понять ее содержание как категории философии и права. Поэтому уместно, продолжая заложенную еще Демокритом и возобновленную Марксом материалистическую традицию, ввести в теоретический оборот различие «доброй» и «злой» воли, конкретизирующее родовое понятие «свободы воли». На уровне личности эти противоположные в правовом и шире — в социальном смысле определения свободы воли находятся в диалектическом единстве. Мера сосуществования и конфликта указанных противоположностей определяется в конечном счете степенью сознательного самопреодоления личностью асоциальных ориентаций и способа самореализации в практической деятельности. Самопреодоление «злой воли» связано с формированием личной ответственности, различные социальные формы которой (ответственность перед обществом в целом, трудовым коллективом, семьей, перед самим собой) детерминируют выбор согласованного с правовыми нормами поведения как наиболее адекватного способа разрешения противоречия между личными и общественными интересами и потребностями в условиях социалистического строя.

Представляется, что *свобода воли* есть субъективная способность самодетерминации общества, отдельного класса, социальной группы или индивида в соответствии с их потребностями и интересами. Ее объективными условиями является *поле свободного выбора*, образованного качественно отличной от трехмерной природной, «многомерной пространственной структурой» [7, с. 11], включающее многообразие социальных, деятельностных, практических возможностей.

В нашем понимании свобода воли, проявляемая правонарушителем, есть не просто деформация исторической закономерности, но вместе с тем исторически детерминированное явление, выступаю-

щее в качестве реального негативного двойника позитивного процесса расширения действительной свободы воли человека. Высказанное нами соображение о двойственном характере свободы воли личности на современном этапе развития социалистических общественных отношений существенно дополняет общий ход рассуждений Д. А. Керимова и обеспечивает необходимую для них логическую связь. Ведь нередко человек физически свободен делать (а правонарушитель и делает) именно то, что законами запрещается. Совершая свой выбор между допустимым с точки зрения права и противоправным действием, он имеет перед собой *реальные*, а не идеальные альтернативы, с анализа которых и необходимо начинать исследование отклоняющегося поведения. Одной из существенных причин антиобщественного поведения является, на наш взгляд, *реальное противоречие* между прогрессивной социалистической общественной тенденцией и регрессивной, унаследованной от досоциалистического общества, индивидуалистической направленностью воли отдельных лиц, злоупотребляющих предоставленной обществом возможностью реализовать их свободную волю. Это противоречие в отдельных случаях может доходить и до антагонизма. Вполне справедлива характеристика самосознания лиц с отклоняющимся поведением, данная Л. В. Скворцовым: «Для индивида, представляющего себя в качестве абсолютного центра, по отношению к которому весь окружающий социальный мир «выстраивается» как средство для осуществления его субъективных целей, внутренне оправданно любое действие которое ведет к осуществлению его желаний и целей. Это нравственно-невежественный индивид, субъективно воспринимающий свое невежество как моральную свободу» [10, с. 152]. Уточним: не просто «нравственно-невежественный», но и «социально-невежественный» индивид, не считающийся с тем, что в социалистическом обществе «наше» слагается из каждого отдельного «моего», что «моя свободная воля» является частицей «нашей свободной воли», а не ее абсолютной противоположностью. Преобладание эгоистических интересов в структуре ценностных ориентаций у таких индивидов приводит к воспроизводству форм свободы воли свойственных досоциалистическим общественным отношениям. Речь идет главным образом о буржуазной форме свободы воли, хотя влияние отживших обычаев и религиозных норм на некоторых лиц заставляет вспомнить даже о феодальной ориентированности свободы воли. Появление подобных социально-невежественных индивидов обусловлено не только психологическими пережитками прошлого и влиянием капитализма, но и недостатками в идеологическом воспитании, а также некоторыми негативными тенденциями экономического и социального развития, на которые с принципиальной прямотой указано в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.

Список литературы: 1. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 2. Амосов Н. М. Моделирование мышления и психики. К., 1965. 3. Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. М., 1965. 4. Гальцева Р. А. Свобода

воли. *Философская энциклопедия*. М., 1967. 5. Керимов Д. А. *Философские проблемы права*. М., 1972. 6. Кузнецова Н. Ф. *Проблемы криминологической детерминации*. М., 1984. 7. *Методологический анализ историко-философского знания*. К., 1984. 8. Санталов А. И. *Уголовная ответственность и «свобода воли»* // *Вестн. Ленингр. ун-та*, 1968. № 5. 9. Санталов А. И. *Теоретические вопросы уголовной ответственности*. Л., 1982. 10. Скворцов Л. В. *Субъект истории и социальное самосознание*. М., 1983. 11. Яковлев А. М. *Теория криминологии и социальная практика*. М., 1985.

Поступила в редколлегию 21.07.86

В. С. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИНИЦИАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В последние годы все чаще обсуждается вопрос о «пусковом механизме» различных видов юридического процесса, в том числе и уголовного [1, с. 18—30; 4, с. 110; 5, с. 74; 6, с. 5]. Хотя ни один из авторов не дает определения «пускового механизма» процесса, все же из приводимых ими пояснений понятно, что в данном случае имеется в виду то, что порождает соответствующий процесс, т. е. конкретный фактор, обуславливающий начало процессуальной деятельности, которая и образует содержание исходного момента юридического процесса.

Заметим, что обращение ученых к исследованию механизма возникновения юридического процесса заслуживает одобрения, ибо речь в этом случае идет об изучении одной из закономерностей функционирования советской процессуальной системы. Однако попытка решить данный вопрос на основе технической терминологии обречена на неудачу. Это и понятно, ибо избранный подход к исследованию социальных явлений не оправдан методологически. Социальные явления не только не тождественны механическим, но и мало имеют общего с ними. Им присуще такое многообразие свойств, которое не может быть описано и самой современной технической терминологией. Здесь требуется адекватный, т. е. соответствующий природе изучаемого явления, понятийный аппарат. Таким и является категориальный аппарат марксистской диалектики и современного правоведения.

При этом важно учитывать, что любой юридический процесс начинается по чьей-либо инициативе. Вне или помимо инициативы конкретных лиц, учреждений, предприятий или организаций ни один процесс возникнуть не может. Если отмеченное обстоятельство является закономерностью, то в процессе познания оно не может игнорироваться. Именно с этого обстоятельства и следует начинать анализ изучаемого явления. Так, отражая реально существующий факт, возникает проблема инициации юридического процесса, которая имеет непосредственное практическое значение и поэтому заслуживает самостоятельного теоретического исследования.

В специальной литературе, в частности философской, посвященной проблемам развития, инициация интерпретируется как возбуждение чего-либо. Некоторые авторы полагают, что в структуре процесса развития «следует выделить инициацию (возбуждение), собственно начало процесса, главные фазы или стадии, а также переходы от одной из них к другой, чему соответствуют переходные состояния объекта, специфичные и часто имеющие важное значение» [2, с. 191]. Как видно, в одном из своих значений инициация рассматривается в качестве акта, возбуждающего что-либо в реальной действительности.

Многokrатно, но не всегда в одном и том же значении этот термин употребляют и другие авторы, когда пишут об инициации в среде функционирования органов внутренних дел процессов, способствующих решению соответствующих организационных, правовых, криминологических и других задач в области борьбы с преступностью [8, с. 18—19, 24, 26, 61]. Представляется, что инициация как особый функциональный акт проявляет свое действие значительно шире и как специальное понятие может использоваться не только для обозначения тех или иных процессов в среде функционирования органов, ведущих борьбу с преступностью, но и для характеристики акта побуждения кем-либо, в том числе и субъектами из среды функционирования, соответствующих органов к началу того или иного вида специальной деятельности.

Более того, инициация не только возможна, но и фактически проявляет свое действие во всех ныне известных, т. е. реально существующих и успешно функционирующих, юридических процессах.

Возьмем, к примеру, законотворческий (или правотворческий) процесс. Как и любой другой юридический процесс, он имеет свои исходные и конечные границы. В плане рассматриваемого вопроса особый интерес представляют первые, т. е. исходные границы процесса. Их определение позволяет ответить на вопросы: когда именно начинается данный вид юридического процесса; с чего же начинается правотворческий процесс? Конечно же, с реализации компетентным органом своего права поставить перед законодательным органом вопрос о необходимости издания того или иного нормативного акта. Общеизвестно, что названная компетенция указанного органа именуется в литературе правом законодательной инициативы. Такое право находится в статике до тех пор, пока субъект, им обладающий, не внес проект закона в соответствующий орган власти. Внесение проекта — особый вид деятельности, побуждающей орган власти рассмотреть законопроект и дать на него положительный или отрицательный ответ, т. е. принять данный проект или отклонить его в установленном Конституцией СССР порядке. Механизм, или установленный законом порядок побуждения законодательного органа рассмотреть законопроект и принять в соответствии с Конституцией СССР одно из возможных решений, именуется нами инициацией нормотворческого (или законодательного) процесса.

Представляется, что в уголовном процессе рассматриваемое понятие уместно использовать не в значении возбуждения чего-либо, а в смысле побуждения компетентных органов к началу ими уголовно-процессуальной деятельности. Целесообразность именно такого смыслового использования данного термина становится очевидной, если учесть, что в теории, законодательстве и на практике понятие «возбуждение уголовного дела» имеет свой давно устоявшийся смысл, менять который нет каких-либо достаточных оснований, а употребление однозначного термина для обозначения другого явления в ином смысле приведет лишь к путанице и неоправданной ломке сложившейся системы уголовно-процессуальных понятий.

Каким же образом иницируется уголовный процесс?

Для получения правильного ответа на поставленный вопрос следует исходить из того общеизвестного факта, что любое преступление представляет общественную опасность не только для отдельных граждан, но и для общества в целом. Именно поэтому оно не остается без реагирования со стороны тех, кто его наблюдал, не говоря уже о лицах, чьи права и законные интересы нарушены этим преступлением. Формы указанного реагирования могут быть самыми различными: от пресечения преступной деятельности, ее предупреждения до направления в компетентные органы заявления или сообщения о совершенном или подготавливаемом преступлении.

Информация, содержащаяся в указанных заявлениях или сообщениях, побуждает компетентный орган к началу деятельности, образующей содержание исходного или начального момента советского уголовного процесса. Это обстоятельство верно подчеркнуто А. Р. Михайленко, который писал, что «началу возникновения уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуальных отношений предшествует получение информации об общественно опасном деянии, имеющем признаки преступления» [3, с. 39]. Заметим, что именно такая информация побуждает компетентные органы к началу уголовно-процессуальной деятельности, направленной на установление оснований к возбуждению уголовного дела или об отказе в этом. Именно в таком неременном реагировании названных органов на ставший им известным преступный акт выражается один из аспектов многогранной сущности советского уголовного процесса.

Отражая наиболее характерный признак рассмотренного механизма возникновения уголовного процесса, укажем, что такой динамический порядок, когда уголовный процесс начинается с момента поступления сообщения о совершенном преступлении автоматически, помимо воли компетентного органа, получившего сообщение, представляет собой одну из функциональных гарантий обязательного реагирования данного органа на все заявления и сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях.

Как видно, сущность инициации уголовного процесса состоит в том, что действия, образующие ее содержание, побуждают ком-

петентные органы к совершению системы процессуальных действий, направленных на проверку наличия или отсутствия признаков преступления с целью решения вопроса о возможности или невозможности возбуждения уголовного дела или об отказе в этом. С учетом сказанного побуждение компетентного органа к началу уголовно-процессуальной деятельности для решения в установленном законом порядке вопроса о наличии или отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела или отказе в этом именуется инициацией уголовного процесса. Гражданин или орган, сообщивший информацию о совершенном или подготавливаемом преступлении, является (и потому называется) инициатором уголовного процесса, а информация, побуждающая к началу уголовно-процессуальной деятельности,— информацией, иницирующей процесс.

Таким образом, инициация уголовного (равно, как и любого другого) процесса является исходным динамическим этапом в общей процессуальной системе. Она обладает сложной структурой и включает в себя ряд материальных и идеальных компонентов. Их систематизация позволяет выделить перечень вопросов, самостоятельное рассмотрение которых создает в дальнейшем возможность раскрыть содержание и специфику инициации любого юридического процесса. К ним относятся: понятие, природа, субъекты, объекты, цель, мотивы, основания, виды, способы, структура, время, специфика отношений, функции, требования (или принципы), значение, результат и, наконец, гарантии правомерности и целесообразности инициации в конкретном юридическом процессе.

Представляется, что полная характеристика инициации юридического процесса как общетеоретической концепции может быть дана лишь на основе обобщения результатов исследования этого правового института и особого теоретического феномена в различных отраслях советской процессуальной науки. В данном аспекте изложенный перечень вопросов может, с одной стороны, выполнять функцию предметного ориентира в выборе единых направлений научной разработки предложенной темы, а с другой — служить программой для единообразного обобщения достигнутых научных результатов. Только при таком подходе можно выработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию действующего законодательства, а значит, и соответствующих правовых институтов, а также создать оптимальные основы для внедрения полученных данных в практику борьбы с преступностью.

Список литературы: 1. Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. 2. Казютинский В. В., Кремьянский В. И. Принцип развития в естествознании XIX—XX вв. // Синтез современного научного знания. М., 1973. 3. Михайленко А. Р. О правовой природе начала уголовного процесса // Вопросы уголовного процесса. Саратов, 1979. 4. Полянский Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М., 1972. 5. Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников Л. А. Проблемы судебного права. М., 1983. 6. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1976. 7. Словарь иностран-

Поступила в редколлегию 08.10.86

П. П. ЯШИН

ХАРЬКОВ

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СВОБОДЫ СОВЕСТИ — ОСНОВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СССР

Основой правового регулирования деятельности религиозных организаций в СССР являются теоретические положения марксизма-ленинизма, определяющие понятие подлинной свободы совести, воплощенные в жизнь Советским государством путем законодательного, и прежде всего конституционного, закрепления содержания этой демократической свободы и права граждан реально ею пользоваться.

Свобода совести — понятие многогранное. Оно может рассматриваться в философском, этическом, социологическом, политическом и юридическом плане. Отношение к религии — это лишь один из частных моментов данной проблемы социальных отношений, регулируемых правовыми нормами.

В юридическом аспекте свобода совести рассматривается как правовой институт, регулирующий социальные отношения, которые возникают в процессе осуществления этой свободы или в качестве субъективного права. Сущность и особенности правового регулирования определяются здесь целым рядом факторов: классовой природой социального строя, характером государственной власти, политическим режимом, уровнем развития науки, ролью церкви в политической и духовной жизни общества, историческими традициями.

Свобода совести в буржуазных странах, отмечал В. И. Ленин, заключается в «свободе для капитала покупать и подкупать целые церковные организации для одурманивания масс религиозным опиумом...» [2, т. 40, с. 56].

Наиболее полно марксистско-ленинская концепция свободы совести как одна из важнейших социально-политических и личных свобод граждан, как неотъемлемая черта социалистической демократии находит свое государственно-правовое закрепление в Основном Законе СССР. Гражданам СССР гарантируется свобода совести, т. е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается (ст. 52 Конституции СССР).

Социалистическое общество создает все необходимые условия для реализации трудящимися права на свободу совести — экономические (материальные), политические, правовые и идеологические его гарантии, которые определяются правами, составляющими содержание конституционного положения о свободе совести.

Свободу совести, гарантированную Конституцией СССР, следует рассматривать как норму-принцип, имеющую широкое правовое содержание, не ограничиваемое лишь ст. 52, и определяющую весь юридический институт свободы совести.

Однако в юридической и научно-атеистической литературе еще допускается упрощенный подход к самой дефиниции свободы совести. Так, Ф. М. Рудинский утверждает, что анализ советского конституционного законодательства о свободе совести «позволяет выделить три основных права: 1) исповедовать любую религию или не исповедовать никакой; 2) отправлять религиозные культы; 3) вести атеистическую пропаганду» [8]. В. А. Куроедов отмечает уже шесть элементов марксистско-ленинского понимания свободы совести [7, с. 7].

Советское конституционное законодательство о свободе совести не может быть ограничено только этими правами. Оно значительно шире по своему содержанию, определяется целым рядом статей Конституции (ст. 28, 34, 36, 39, 50, 59, 65), которыми обуславливается как пользование правами и свободами, так и соблюдение гражданских обязанностей. При этом гарантирование прав и свобод обусловлено прежде всего их соответствием целям и задачам коммунистического строительства (ст. 47, 50—51).

Анализ правового регулирования позволяет сделать вывод, что социалистическая свобода совести включает в себя следующие самостоятельные элементы: право граждан исповедовать любую религию; право граждан не исповедовать никакой религии; право граждан проводить атеистическую пропаганду; право граждан отправлять религиозные культы, если они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на личность, честь и достоинство граждан; право граждан на объединение в общественные (религиозные) организации; равноправие граждан независимо от их отношения к религии; недопустимость уклонения от исполнения своих гражданских обязанностей по мотивам религиозных воззрений и убеждений; равенство всех религий перед законом; недопустимость любых форм принуждения в отношении исповедания или неисповедания религии; недопустимость возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями; невмешательство государства во внутрикультовые дела церкви; невмешательство церкви в дела государства; светский характер всей государственной системы народного образования; недопустимость использования религии во вред обществу, государству или отдельным гражданам.

Каждое из приведенных положений фактически имеет самостоятельное значение, фиксирует определенные права и правила поведения, конкретизирует более общую норму, выражает суще-

ственный аспект свободы совести, выступает как средство ее правового обеспечения.

В положениях отражены основополагающие принципы марксистско-ленинского подхода к пониманию проблемы свободы совести, ее неразрывной связи со всеми сторонами социалистической демократии, когда уважение личности, охрана прав и свобод человека, в том числе и свободы совести, как об этом сказано в ст. 57 Конституции, является обязанностью всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц.

Конституционная свобода совести, как и любое субъективное право,— это гарантированная государством мера возможного поведения граждан. Беспредельных, безмерных субъективных прав не существует вообще. Поэтому несостоятельны попытки буржуазных идеологов и религиозных экстремистов представить свободу совести как некое «право» на произвол и своеволие.

«Выступая за неукоснительное соблюдение конституционных гарантий свободы совести,— подчеркивается в Программе КПСС,— партия осуждает попытки использовать религию в ущерб интересам общества и личности» [3, с. 165].

Предоставив гражданам СССР равные права независимо от их отношения к религии, советское законодательство требует и равного отношения к исполнению своих гражданских обязанностей. Неотделимость осуществления прав и свобод от исполнения гражданами своих обязанностей — важнейший конституционный принцип (ст. 34, 39, 59).

Правовой гарантией свободы совести, обеспечивающей реализацию прав граждан и регулирующей возникающие по этому поводу отношения, являются нормы советского законодательства, важнейшая среди которых — положение об отделении церкви от государства и школы от церкви. Однако в юридической и особенно научно-атеистической литературе оно еще не нашло достаточно полного раскрытия. Неверными являются концепции, согласно которым отделение церкви от государства ограничивается взаимным невмешательством — государства во внутренние (канонические) дела религиозных организаций, а религиозных организаций — в дела государства, или рассматривающие государство и церковь в качестве равноправных субъектов правовых отношений. Любые религиозные организации, функционирующие в государстве, обязаны соблюдать его законы, не выходить в своей деятельности за рамки установленного правопорядка. Церковные постановления не имеют никакой силы в отношении государства и не должны противоречить его законам.

Государство, не вмешиваясь во внутреннюю деятельность церкви, устанавливает позвольительные пределы такой деятельности в соответствии с конституционным принципом свободы совести.

«...Суть социализма такова,— подчеркивает М. С. Горбачев,— что права гражданина не существуют и не могут существовать без его обязанностей, равно как нет и обязанностей без прав» [3, с. 61].

Обеспечивая социалистический правопорядок. Советское государство берет на себя обязанность охранять закрепленное Конституцией право на свободу совести верующих и неверующих от каких-либо посягательств.

Следовательно, отделение церкви от государства не означает прекращения всяких отношений между ними. Такие отношения сохраняются, но осуществляются на принципиально новой основе.

Правовой режим отделения церкви от государства в СССР предусматривает следующее: организации любых вероисповеданий имеют своей целью удовлетворение религиозных потребностей граждан и не могут выполнять иных функций, относящихся к компетенции государственных органов или общественных организаций; объем их прав определяется целью, ради которой они создаются; государство не оказывает им материальной или иной поддержки; религиозные центры и объединения содержатся за счет добровольных пожертвований верующих; государство не поручает религиозным организациям выполнение каких-либо государственных функций; государство не предоставляет ни одной из конфессий особых прав или преимуществ; сведения о религиозной принадлежности граждан не предусматриваются никакими официальными документами; деятельность государственных и общественных организаций, предприятий и учреждений не сопровождается никакими религиозными церемониями; преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений во всех государственных и общественных учебных заведениях не допускается; религиозные организации действуют в рамках установленного государством правопорядка и подчиняются его законам.

Гарантируя свободу совести, государство предоставляет гражданам право создавать религиозные организации для совместного удовлетворения религиозных потребностей, а также специальные учреждения для обслуживания нужд церкви.

В настоящее время в СССР действуют около 20 тыс. религиозных общин 49 различных вероисповеданий, многие из которых имеют свои духовные центры и управления; имеется 22 мужских и женских монастыря. Для подготовки кадров священнослужителей и богословов существуют 18 высших и средних духовных учебных заведений. Регулярно издаются религиозные журналы, календари, иная духовная литература. Только в 1987 г. различные религиозные тексты выпущены тиражом в полтора миллиона экземпляров. Функционируют различные специальные учреждения по изготовлению предметов культа, ремонту культовых помещений, изданию необходимой религиозным объединениям литературы и т. д. [7]. Практика взаимоотношений государства с религиозными организациями потребовала детальной правовой регламентации этих отношений, внесения коррективов в законодательство по мере изменения регулируемых им отношений. В то же время все нормативные акты законодательства о религиозных культах основываются на указанных выше принципах свободы совести, от

деления церкви от государства и школы от церкви, непосредственно вытекают из них.

Однако в некоторых нормативных актах, научной и популярной литературе, особенно в правоприменительной практике, зачастую для обозначения религиозных организаций употребляются разнообразные, подчас противоречивые термины, а нередко и церковно-богословские обозначения и понятия, такие, например, как секта, церковь, община, церковный староста и пр. Это нередко приводит к нечеткому, иногда ошибочному толкованию и применению нормативных актов, недопониманию отдельных проблем регулирования деятельности религиозных организаций. Поэтому в практической работе особая роль отводится правильному использованию терминов, имеющих точное значение, которое не допускает их произвольного толкования, предопределяющего однообразное применение закона, исключает возможность его искажения.

В работах В. И. Ленина, касающихся религии и церкви, а также в основных законодательных актах по этим вопросам сложился определенный перечень правовых понятий, обозначающих различные звенья религиозных систем и их органов. Религиозная организация (как правовой термин) — это частное общество, любое организационное образование, связанное с религиозной деятельностью верующих по удовлетворению религиозных потребностей граждан.

Следовательно, юридический термин «религиозные организации» охватывает весь комплекс религиозных образований, все виды и системы религиозного комплекса независимо от способа их возникновения и выполняемых функций. Сюда включаются: религиозные объединения (религиозное общество или группа как низовая организация верующих); религиозные центры — организации, создаваемые по инициативе ряда религиозных объединений как их вышестоящие органы руководства (епархиальные управления, патриаршества, духовные управления, курии, викариаты и др.); монастыри, дацаны, где проживают монашествующие, объединяемые в общины; духовные учебные заведения — академии, семинарии, институты, медресе и др.; исполнительные органы — выборные или назначаемые группы лиц, уполномоченные от имени религиозных объединений осуществлять оперативное руководство и внешнецерковное представительство; специальные учреждения по удовлетворению потребностей верующих в культурных предметах (мастерские по производству церковной утвари, свечей и пр.).

Приведенную классификацию, на наш взгляд, нельзя считать исчерпывающей. Правовой основой образования любой религиозной организации являются объединения верующих с целью совместного удовлетворения религиозных потребностей. Поэтому вполне возможно возникновение и иных религиозных образований и организаций, являющихся субъектами правоотношений и выполняющих специфические внутрицерковные или внешнецерковные функции. Однако в большинстве отраслей советского права религиоз-

ные организации как субъекты права почти не упоминаются. Не нашел своего четкого определения в законодательстве и ряд положений, связанных с изменениями конституционных норм о свободе совести; о запрещении возбуждать вражду и ненависть в связи с религиозными верованиями; об отделении школы от церкви; о пределах свободы отправления религиозных культов; о праве граждан на проведение атеистической пропаганды; о верховенстве закона над церковными установлениями и др.

Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования деятельности религиозных организаций, основой которого является марксистско-ленинское понимание свободы совести, режим отделения церкви от государства и школы от церкви, законодательно закрепленные Конституцией СССР.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. 4. Бражник И. И. Право, религия, атеизм. К., 1983. 5. Кириченко М. М. Свобода совести в СССР. М., 1986. 6. Клочков В. В. Закон и религия. М., 1982. 7. Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. М., 1983; Московск. новости. 1987. № 20. 17 мая. 8. Рудинский Ф. М. Свобода совести в СССР: Конституционно-правовой аспект // Вопр. научного атеизма. М., 1981. Вып. 27.

Поступила в редколлегию 07.06.87

Трибуна молодого ученого

Л. Л. БОГАЧЕВА

ХАРЬКОВ

РАЗНОВИДНОСТИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ ОРГАНОВ ГОСАРБИТРАЖА В СССР

Нормативные акты Госарбитража — это такое звено в системе нормативно-правового регулирования, которое до настоящего времени еще не привлекло внимание советской юридической науки. Все иные разновидности нормативных актов (законы, акты Президиума Верховного Совета, акты правительства) получили достаточное научное обобщение и имеют большую юридическую литературу [4; 7]. В таком состоянии науки трудно объяснить определенное невнимание к разработке юридической природы и разновидностей нормативных актов многих правоохранительных органов. Назрела настоятельная необходимость коснуться нормативных актов Госарбитража в СССР.

Эти нормативные акты, с одной стороны, значительно отличаются от нормативных актов других органов системы госаппарата, с другой — имеют специфику относительно массы правовых актов, используемых в повседневной деятельности госарбитража (решения, определения). Такой подход значительно обогащает

представление о всей системе нормативных актов, а их глубокое постижение, несомненно, будет способствовать поиску оптимальных путей дальнейшего совершенствования правового регулирования хозяйственного механизма.

В основе специфики нормативных актов Госарбитража — его своеобразная двуединая природа как органа государственного управления и как органа специальной (хозяйственной) юрисдикции.

Основное назначение Государственного арбитража — разрешение возникающих в связи с заключением, изменением, расторжением, исполнением хозяйственных договоров и по другим основаниям хозяйственных споров между подчиненными различным министерствам, государственным комитетам и ведомствам предприятиями, организациями и учреждениями. Однако задачи арбитража не сводятся только к правильному и быстрому рассмотрению споров о праве. Закон о Государственном арбитраже в СССР [1, 1979, № 49, ст. 844] и Положение о Государственном арбитраже СССР [2, 1980, № 16, ст. 104] определили ряд правотворческих функций Государственного арбитража СССР. Согласно ст. 2 Закона о Государственном арбитраже и п. 2 указанного Положения, разработка предложений и осуществление мер, направленных на совершенствование правового регулирования хозяйственной деятельности, относятся, наряду с непосредственным осуществлением юрисдикционных полномочий, к главным задачам Госарбитража при Совете Министров СССР.

К основным видам нормативных актов, издаваемых Госарбитражем, относятся прежде всего инструктивные указания. В соответствии с п. 5 Положения Госарбитраж в пределах своей компетенции издает обязательные для органов арбитража, а также для министерств, государственных комитетов, ведомств, предприятий, учреждений и организаций инструктивные указания по вопросам применения законодательства СССР при разрешении хозяйственных споров в их доарбитражном урегулировании. Так, Госарбитраж при Совете Министров СССР в целях обеспечения единообразного и правильного применения некоторых норм Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и Положения о поставках товаров народного потребления при разрешении хозяйственных споров 30 мая 1983 г. издал инструктивные указания «О некоторых вопросах, связанных с применением при разрешении хозяйственных споров Положений о поставках продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления» [5, с. 294—300].

Госарбитраж дает министерствам, государственным комитетам и ведомствам на основании п. 8 Положения разъяснения по применению Правил рассмотрения хозяйственных споров госарбитражами, Положения о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, учреждениями, организациями и урегулирования разногласий по хозяйственным договорам и др. [5, с. 30—34, 42—47].

В соответствии с п. 7 Положения Госарбитраж СССР утверждает: особые условия поставки отдельных видов продукции производственно-технического назначения (совместно с Госснабом); особые условия поставки товаров народного потребления; инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству и качеству [6, с. 644—665]; Положение о третейском суде для разрешения хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями [6, с. 689—693]; типовые договоры и другие регулирующие хозяйственную деятельность нормативные акты по поручению Совета Министров СССР.

Право издавать нормативные акты совместно с государственными органами предусматривает п. 9 Положения, где говорится, что Госарбитраж СССР издает в необходимых случаях совместно с министерствами, государственными комитетами и ведомствами СССР акты в пределах соответствующей компетенции. Примером могут служить «Особые условия поставки судов гражданского назначения», утвержденные постановлением Госснаба СССР и Госарбитража СССР от 10 июля 1972 г. № 37(54) в редакции постановления Госснаба СССР и Госарбитража СССР от 7 июня 1983 г. № 56(14) [8, 1984, № 2, с. 36—41] и предусматривающие особенности поставки всех типов судов гражданского назначения, за исключением шлюпок, катеров, других плавсредств, поставляемых в качестве товаров народного потребления.

Статья 25 Закона о Государственном арбитраже в СССР закрепляет право Госарбитража по поручению Совета Министров СССР утверждать нормативные акты, регулирующие хозяйственную деятельность, а также рассматривать проекты таких актов, представляемых на согласование. Согласно ст. 24 Закона о Госарбитраже, арбитраж изучает и обобщает практику применения законодательства при разрешении хозяйственных споров и на этой основе разрабатывает и в установленном порядке вносит предложения по совершенствованию правового регулирования хозяйственной деятельности, а также деятельности органов Госарбитража и арбитражей министерств, государственных комитетов и ведомств.

Кроме того, Госарбитраж инструктирует арбитражи министерств, государственных комитетов и ведомств, а также другие органы, разрешающие хозяйственные споры, и определяет порядок инструктирования их нижестоящими органами Госарбитража по вопросам организации и практики работы по рассмотрению таких споров.

Подчеркивая специфичность природы нормативных актов госарбитража, можно отметить следующее: во-первых, все эти акты являются подзаконными, т. е. они издаются на основе и во исполнение законов, могут быть отменены вышестоящими органами и подпадают под сферу прокурорского надзора; во-вторых, представляют собой одну из разновидностей делегированного правотворчества [3, с. 79—80]; в-третьих, содержат в себе предписания

как регулятивного, так и охранительного характера; в-четвертых, все они в подавляющей части устанавливают порядок применения действующего законодательства и, следовательно, имеют непосредственно процессуальное назначение.

Список литературы: 1. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 2. *СП СССР*. 3. Горшенев В. М. Делегированное правотворчество в свете новейшего законодательства СССР // Пробл. соц. законности. 1985. Вып. 15. 4. Кузнецов И. Н. Юридическая природа Указа Президиума Верховного Совета СССР: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1958. 5. *Систематизированный* сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР. М., 1983. 6. *Сборник* нормативных актов по хозяйственному законодательству. М., 1979. 7. Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. 8. *Бюллетень* нормативных актов министерств и ведомств СССР.

Поступила в редколлегию 09.06.85

А. В. ГРАБЫЛЬНИКОВ

ДНЕПРОПЕТРОВСК

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФУНКЦИИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОВ, ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, ПРАВ ГРАЖДАН

В системе мероприятий партии и государства по укреплению социалистической законности и правопорядка особая роль отводится местным Советам народных депутатов, которые в современных условиях должны еще полнее осуществлять свои государственно-властные функции по руководству общественной жизнью, усилению правового регулирования, укреплению государственной и трудовой дисциплины, социалистической законности и правопорядка, охраны прав граждан*. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев отметил, что обеспечение законности и правопорядка будет тем полнее, чем активнее будут включены в эту работу партийные и советские органы, профсоюзы и комсомол, трудовые коллективы и народные дружины, все силы нашей общественности [1, с. 78].

В Конституции СССР (ст. 146), конституциях союзных и автономных республик четко зафиксированы основные функции местных Советов, в том числе функция обеспечения соблюдения законов, охраны государственного и общественного порядка, прав граждан. Данная функция охватывает важнейшую область деятельности Советов. Будучи органически связанной с другими функциями, она в то же время выделяется в качестве особой функции советских представительных органов власти [4, с. 261]. По своему

* Под функциями местных Советов, как и любого иного органа государства, понимаются основные направления их деятельности. Такое их понимание прочно утвердилось в юридической литературе [6, с. 94].

содержанию указанная функция является сложной и состоит из двух взаимосвязанных частей. Первая включает в себя обеспечение соблюдения законов, которое осуществляется не только путем исполнения и применения законов самими Советами и их органами, но и организацией исполнения законов и контроля за их точным и неуклонным соблюдением всеми расположенными на территории Советов предприятиями, учреждениями, организациями, а также должностными лицами и гражданами. Вторая часть функции носит правоохранительный характер, поскольку направлена на охрану государственного и общественного порядка, прав граждан. Правоохранительная деятельность местных Советов предполагает защиту прав и законных интересов граждан, предприятий и организаций от различных посягательств, создание им благоприятных условий для фактического пользования предоставленными правами. Местные Советы проводят большую работу по борьбе с правонарушениями, их предупреждению и последовательному искоренению. Для осуществления функции обеспечения социалистической законности, охраны государственного и общественного порядка, прав граждан местные Советы наделены обширными полномочиями, которые закреплены и конкретизированы в законодательстве о местных Советах народных депутатов.

Указанная функция находится в тесной взаимосвязи с другими функциями местных Советов. К таким функциям относится, прежде всего, *учредительная* функция. Под учредительной деятельностью понимается специфическая деятельность уполномоченных на то органов государства, должностных лиц, общественных организаций по реализации норм материального права, устанавливающих их полномочия по формированию, ликвидации или преобразованию органов государства, выражающаяся в совершении действий по подготовке условий организации проведения выборов или назначения и утверждения соответствующих учредительных результатов [3, с. 4].

Реализуя эту функцию, местные Советы, в пределах своих полномочий, в зависимости от звена в системе представительных органов осуществляют учредительные действия, направленные на обеспечение социалистической законности и правопорядка, охраны прав граждан. Например, местные Советы на сессиях образуют постоянные комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка, отделы и управления внутренних дел, создают при исполкомах административные и наблюдательные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних, по борьбе с пьянством и алкоголизмом.

Другой функцией, способствующей нормальному функционированию Советов в области обеспечения социалистической законности и правопорядка, является *правотворческая* функция. Основы правотворчества местных Советов нашли свое закрепление в ст. 148 Конституции, в которой указывается, что местные Советы народных депутатов принимают решения в пределах полномочий, предоставленных им законодательством Союза ССР, союзной и

автономной республики. Правотворческая функция в этой сфере деятельности проявляется в принятии ими и их исполнительными комитетами решений, предусматривающих за их нарушение административную ответственность. Порядок издания таких решений установлен союзным и республиканским законодательством.

В органической связи с правотворческой деятельностью местных Советов находятся осуществляемые ими *правоприменительная* и *организаторская* функции. На такую взаимосвязь указывает Р. С. Павловский: «Местные Советы выступают одновременно правотворческими, правоприменительными и организующими органами» [5, с. 128]. Правоприменительная функция осуществляется местными Советами в процессе реализации норм текущего законодательства и своих собственных решений путем принятия самими Советами и их органами правоприменительных актов в пределах полномочий по вопросам укрепления социалистической законности и правопорядка.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время правоприменительная функция местных Советов пополнилась новым содержанием, которое обусловлено расширением их полномочий в борьбе с административными правонарушениями в связи с принятием общесоюзного и республиканского законодательства об этих правонарушениях, активизацией борьбы с пьянством, алкоголизмом, самоповреждением.

Организаторская функция местных Советов получила свое конституционное закрепление в ст. 103, где содержится норма, определяющая, что депутаты организуют проведение решений Советов в жизнь. Местные Советы в соответствии с действующим законодательством обеспечивают соблюдение законов Союза ССР и союзных республик, других актов вышестоящих органов государственной власти и управления; принимают меры по совершенствованию правовой работы; организуют разъяснение законодательства и оказание юридической помощи населению; осуществляют другие организационные полномочия.

Важное значение для соблюдения социалистической законности и укрепления правопорядка на территории каждого Совета имеет *координационная* функция местных Советов, закрепленная также конституционно. Координация в деятельности местных Советов позволяет учесть особенности и реальные возможности других государственных органов, организаций и учреждений в сфере законности и правопорядка, объединить и направить их на решение задач в этой области. Местные органы государственной власти координируют деятельность правоохранительных органов (суда, прокуратуры, органов внутренних дел) по борьбе с преступностью, укреплению правопорядка, устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и других правонарушений, т. е. осуществляют координацию правоохранительной и профилактической деятельности на своей территории.

В Конституции СССР закреплена еще одна функция, имеющая существенное значение для обеспечения местными Советами со-

циалистической законности, охраны государственного и общественного порядка, получившая в научных работах название *контрольной* [2]. Она заключается в конституционной норме (ст. 103), суть которой выражается в том, что, «участвуя в работе Советов, депутаты осуществляют контроль за работой государственных органов, предприятий, учреждений и организаций». Кроме того, ст. 147 содержит указание на то, что местные Советы народных депутатов осуществляют контроль за соблюдением законодательства расположенными на этой территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения.

И наконец, одна из важнейших функций местных Советов, способствующая укреплению социалистической законности, правопорядка, — *воспитательная* функция. Местные Советы, используя свои полномочия, проводят непосредственно и через создаваемые ими органы политико-воспитательную работу, в том числе и работу по правовому воспитанию трудящихся. В связи с этим в центре внимания Советов, их исполнительных комитетов находятся вопросы, связанные с совершенствованием системы народного образования, трудового обучения, форм и методов правового воспитания граждан, укреплением взаимоотношений семьи и школы, школы и трудовых коллективов.

Таким образом, функция местных Советов народных депутатов по обеспечению социалистической законности, государственного и общественного порядка, прав граждан выступает в качестве интегрирующего звена по отношению к обеспечивающим ее учредительной, правотворческой, организаторской, правоприменительной, координационной, контрольной и воспитательной функциям, без которых невозможно осуществление Советами стоящих перед ними задач в данной сфере их деятельности.

Список литературы: 1. *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. 2. *Клейнер Б. И.* Конституция СССР и дальнейшее развитие функций местных Советов народных депутатов // Конституционная система развитого социализма. М., 1980; *Конституция СССР и укрепление правовой основы государственной и общественной жизни*. К., 1983; *Шахов И. Б.* Контроль как разновидность правовой формы деятельности органов Советского государства: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Х., 1983. 3. *Крупин В. Г.* Общетеоретические проблемы процедуры формирования органов социалистического государства: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Х., 1981. 4. *Лукьянов А. И.* Развитие законодательства о советских представительных органах власти (Некоторые вопросы истории, теории и практики). М., 1978. 5. *Павловский Р. С.* Конституционные основы деятельности местных Советов. Х., 1979. 6. *Юзьков Л., Корниенко М., Погорилко В.* Советы — органы подлинного народовластия. К., 1983.

Поступила в редколлегию 17.07.86

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРАХОВАНИИ**

Важное значение в реализации социальной политики КПСС имеет Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 годы [1, 1985, № 29, ст. 143]. Являясь составной частью Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 г., она предусматривает ускоренное развитие всех звеньев сферы услуг, включая и государственное страхование.

В настоящее время правовой формой, опосредствующей имущественные отношения по страхованию, являются нормы гражданско-правового института государственного страхования. В процессе ускоренного развития этих экономических отношений требуется и совершенствование правовой формы. От того, насколько адекватно отражены в ней требования экономического содержания имущественных отношений по страхованию, зависят качество и полнота удовлетворения интересов страхователей, а значит, и эффективность действующего в данной области законодательства. С учетом этого исследование эффективности страхового законодательства включает два аспекта: социально-экономический и юридический. Следует отметить, что подобное деление уже проводилось в цивилистической литературе. Однако в рамках социально-экономического аспекта рассматривается не экономическое содержание нормы, а результат ее действия.

Социально-экономический аспект предполагает выяснение особенностей и тенденций развития экономического содержания имущественных отношений по страхованию. Следует исходить из того, что государственное страхование — это прежде всего элемент социальной инфраструктуры советской экономики. В данном качестве оно играет важную роль в удовлетворении потребностей граждан по защите их имущественных прав. Защита же имущественных интересов социалистических организаций и, прежде всего сельскохозяйственных, позволяет относить это страхование к производственной инфраструктуре народного хозяйства.

Являясь, таким образом, элементом экономической системы, государственное страхование подчиняется законам экономического развития страны. Отсюда — необходимость учета тенденций развития и особенностей проявления этих законов в данной сфере экономики. Важно отметить, что именно действием экономических законов во многом определяется потребность перестройки хозяйственного механизма с целью большего его соответствия нуждам ускоренного социально-экономического развития страны.

Основным в системе экономических законов социализма является закон, предопределяющий высшую цель общественного производства — наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа (ст. 15 Конституции СССР). Его действие обусловлено основным производственным отношением социализма — отношением социалистической собственности на средства производства как основы экономической системы СССР (ст. 10 Конституции).

Именно роль и значение социалистической собственности в системе воспроизводственных отношений предопределяют центральное место института права собственности в системе гражданского законодательства. Это положение может служить и методологической основой исследования обязательств по государственному страхованию сквозь призму обеспечения развития, находящегося в оперативном управлении Главгосстраха, страхового фонда — части фондов государственной социалистической собственности. Значимость данного фонда в страховании объясняется и тем, что за счет его средств достигаются предопределенные основным экономическим законом цели удовлетворения имущественных потребностей граждан в защите от различного рода негативных воздействий.

Рассматривая с этих позиций гражданско-правовые обязательства по страхованию, отметим, что их социально-экономическая направленность подчинена высшей цели общественного производства. Кроме того, они содействуют упрочению целостности отраслей инфраструктуры как элементов единого народнохозяйственного комплекса. Этому служит закрепление в договорах и актах обязательного страхования тех имущественных связей (отношений), которые складываются между его первичными звеньями по горизонтали.

Основным источником формирования страхового фонда являются предусмотренные страховыми обязательствами страховые взносы страхователей. Значимость их в формировании экономической основы удовлетворения имущественных интересов участников страхового правоотношения и государства предопределяет преимущественное положение страхователя в договоре. Именно у него, а не у страховщика имеется право выбора условий страхования, изменения их в процессе действия договора, досрочного его расторжения и т. д. Такое положение не только не ущемляет прав страховщика, но и способствует надлежащему выполнению им плановых заданий и удовлетворению интересов государства в кредитных ресурсах страхового фонда.

Стабильность страхового фонда требует длительности и устойчивости договорных связей. К сожалению, в рамках имущественного страхования только договоры страхования домашнего имущества заключаются не на 1 год, а на 5 лет, что усиливает значимость возобновления истекающих договоров, а при заключении их на неполный срок, неполную страховую сумму — заключения дополнительных. Ныне это сдерживается и обязательностью про-

хождения всех стадий преддоговорной процедуры. Для ее упрощения необходимо установить правило, согласно которому договоры считались бы действующими на новый срок, если до их истечения внесены дополнительные платежи и отсутствует надобность в переоценке объекта. Целесообразно, чтобы и страховые льготы в порядке, сроке и размерах уплачиваемых страхователем платежей возрастали с каждой последующей пролонгацией договора.

Для повышения эффективности страхового законодательства следует полнее отразить в нем и те требования основного экономического закона, которые обусловлены его взаимодействием с иными экономическими законами и закономерностями в рамках современного этапа развития инфраструктуры народного хозяйства. Так, например, усиление ее социальной ориентации ставит задачу правового обеспечения преимущественной охраны прав потребителей страховых услуг, расширения товарищеского сотрудничества Госстраха с другими организациями службы сервиса. Этому бы содействовало закрепление за органами Госстраха и страхователями права контроля за использованием той части созданного ими страхового фонда, которая идет на финансирование работ по предупреждению вредоносных страховых случаев в сельском хозяйстве (пожаров, засухи, эпизоотий и т. д.). Необходимо установить санкции за нарушение страховщиком сроков рассмотрения заявлений страхователей и выплат по ним страховых возмещений. Пока санкции носят односторонний характер, действуют только в отношении страхователя. Следовало бы обеспечить и участие Госстраха в восстановлении поврежденного от страхового случая имущества страхователей. Для этого он мог бы заключать договоры со станциями техобслуживания, РСУ на льготное восстановление транспорта и строений страхователей преимущественно перед лицами, не участвующими в страховании.

Необходим более полный учет действия и закона планомерного и пропорционального развития народного хозяйства в современных условиях. Это предполагает перестройку структуры страховых фондов с учетом создания Госагропрома СССР. Пока они формируются в рамках единого фонда, но дифференцированно от ведомственной подчиненности сельскохозяйственных предприятий (страхователей). Для усиления ориентации плановых показателей работы Госстраха на конечный результат в актах планирования следует закрепить не только объемы перечислений в страховой фонд (валовый показатель), но и порядок их использования как страхователями, получающими возмещение, так и страховщиком для финансирования предупредительных мероприятий.

Основные проблемы юридического аспекта эффективности страхового законодательства — установление его места в системе гражданско-правовых обязательств и систематизация составляющих его актов.

Принятие Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг свидетельствует о

формировании относительно самостоятельной отрасли экономики, охватывающей те ее звенья, основная деятельность которых связана с оказанием услуг гражданам. В ее состав включается и государственное страхование. Надлежащее функционирование данной отрасли требует определенной специализации и правового регулирования. Это предполагает относительно обособление в рамках гражданского законодательства тех институтов, которые опосредствуют имущественные отношения по оказанию социалистическими организациями услуг гражданам. Несколько по-иному необходимость такого обособления рассматривается в литературе [2]. Разумеется, что это влечет пересмотр и места института государственного страхования в системе Основ гражданского законодательства и гражданских кодексов союзных республик.

Возрастающий объем нормативных актов по страхованию привел к появлению обособленного нормативного массива. Процесс его дальнейшего развития характеризуется тенденциями к целостности и самостоятельности. Это требует определенного упорядочения указанных актов в единой системе страхового законодательства. Необходимо провести официальную инкорпорацию действующего законодательства по страхованию. При ее проведении следует исходить из того, что основным его элементом являются нормы гражданско-правового института государственного страхования, которые именно опосредствуют основную деятельность Госстраха по оказанию страховых услуг гражданам и социалистическим организациям. Все иные элементы его структуры (акты административного законодательства по планированию работы Госстраха, регулированию его отношений с госбюджетом и Госбанком) носят по отношению к нормам данного института обеспечительный характер.

Главенствующая роль гражданско-правового регулирования проявляется и в том, что на его основе осуществляется формирование страхового фонда и обеспечивается его надлежащий правовой режим. Это может служить доводом и для рассмотрения страхового законодательства в качестве подотрасли гражданского. Думается, что данное положение необходимо учитывать как при систематизации страхового законодательства, так и в процессе его дальнейшего развития. Кроме того, оно позволяет рассматривать эффективность страхового законодательства сквозь призму эффективности гражданско-правовых обязательств по государственному обязательному и добровольному страхованию. Критериями могут служить количество заключаемых и продлеваемых договоров страхования, их сумма, степень охвата страхового поля, полнота и эффективность использования средств страхового фонда.

Список литературы: 1. *СП СССР*. 2. *Алексеев С. С., Яковлев В. Ф.* Гражданское право и современность // Сов. гос-во и право. 1984. № 3.2. *Эффективность гражданского законодательства* / Под ред. В. П. Грибанова. М., 1984. 3. *Савичев Г. П.* Теоретические вопросы эффективности хозяйственного законодательства // Вопр. гос-ва и права. М., 1985; *Толстой В. С.* Правоотношения в народном хозяйстве и эффективность общественного производства // Сов. гос-во и право. 1979, № 6.

Поступила в редколлегию 07.06.87

**СУБЪЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА
ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ**

В соответствии со ст. 450 Гражданского кодекса УССР и соответствующими статьями ГК других союзных республик организации и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (транспортные организации, промышленные предприятия, стройки, владельцы автомобилей и т. п.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Наиболее общим делением состава лиц, ответственных за причинение вреда источником повышенной опасности, является различие организаций и граждан. Квалифицирующим условием, определяющим этих лиц как обязанных возместить причиненный вред, является деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих. В данном случае речь идет о тех организациях или отдельных гражданах, которые в производственной деятельности или деятельности, направленной на удовлетворение индивидуальных имущественных или иных потребностей, осуществляют эксплуатацию источника повышенной опасности, принадлежащего указанным лицам на том или ином правовом основании. В связи с принадлежностью организации или гражданину эксплуатируемого источника повышенной опасности лица, ответственные за причинение этим источником вреда, в литературе и практике получили наименование владельца источника повышенной опасности.

В соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. № 13 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» под владельцем источника повышенной опасности следует понимать организацию или гражданина, осуществляющих эксплуатацию источника повышенной опасности как в силу принадлежащего им права собственности или права оперативного управления, так и по другим основаниям (например, по договору аренды, проката или по доверенности), а также в силу распоряжения компетентных органов о передаче организации во временное пользование источника повышенной опасности*.

Из приведенного разъяснения можно сделать вывод о том, что для признания организации или гражданина владельцем источника повышенной опасности необходимо наличие двух условий. Во-первых, к числу указанных владельцев могут быть отнесены только те организации и только те граждане, которые владеют

* Бюл. Верховного Суда СССР. 1986. № 6. С. 5.

источником повышенной опасности на том или ином правовом основании. Во-вторых, необходимо также, чтобы лицо, имеющее соответствующий правовой титул владения источником повышенной опасности, осуществляло эксплуатацию этого источника. Имеются в виду организации или граждане, являющиеся субъектами гражданского права, обладающие право- и дееспособностью. Поэтому в постановлении особо подчеркивается, что не является владельцем источника повышенной опасности и не несет ответственности за вред перед потерпевшим лицо, управляющее источником повышенной опасности в силу трудовых отношений с владельцем этого источника (шофер, машинист, рабочий на станке и т. п.).

Между тем в судебной практике имеют место случаи, когда обязанность по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности, возлагается судом не на соответствующие организации, которым принадлежат управляемые их работниками источники, а, например, на водителей или других лиц, выполняющих функции в силу трудовых соглашений с указанными организациями, что не является правильным.

Справедливо, на наш взгляд, мнение о том, что водители транспортных средств, работники, выполняющие свои производственные функции, связанные с использованием источника повышенной опасности, состоят с ответственным причинителем вреда в *трудовых* правоотношениях. Они получают в свое техническое управление (надзор и т. д.) определенные орудия и средства производства для выполнения обязанностей, налагаемых трудовым договором *. Конечно, ответственность указанных лиц за причинение вреда источником повышенной опасности возможна, но не перед потерпевшим, а перед соответствующей организацией, владеющей указанным источником на праве оперативного управления. Эта ответственность регулируется нормами не гражданского, а трудового права и устанавливается только по принципу вины. По такому же принципу устанавливается и ответственность организации—владельца источника повышенной опасности перед своим работником, непосредственно осуществлявшим техническое управление указанным источником и потерпевшим при этом вред. В данном случае организация — одновременно и страхователь работника, управляющего принадлежащим ей источником повышенной опасности, ответственность перед которым регулируется не ст. 450 ГК, а иными нормами гражданского законодательства.

В литературе остается дискуссионным вопрос о субъекте ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности, переданным одной организацией другой, но управляемым работником организации, передавшей в пользование этот источник. Авторами в большинстве случаев поддерживается мнение, что при предоставлении источника повышенной опасности одной организацией другой, но при осуществлении технического управления

* Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, М., 1966, С. 71.

таким источником работником передавшей его организации, последняя не перестает быть владельцем данного источника, а следовательно, и ответственной перед потерпевшим за причинение вреда.

Представляется, однако, что признание соответствующей организации владельцем источника повышенной опасности не должно ставиться в зависимость от того, состоит ли она в трудовом правоотношении с лицом, непосредственно осуществлявшим техническое управление данным источником. Как уже отмечалось, эксплуатация источника повышенной опасности как условие, наличие которого требуется для признания организации его владельцем, должна быть следствием обладания организацией этим источником, а не пребывания ее в трудовых правоотношениях с работником (шофером, машинистом и т. д.). Право же владения источником повышенной опасности у организации может быть обосновано наличием у нее права собственности или права оперативного управления или в силу распоряжения компетентных органов о передаче организации во временное пользование указанного источника, а также договором имущественного найма. Организация, которая обладает источником повышенной опасности в силу гражданско-правовых оснований и использующая его в своей хозяйственной (производственной) деятельности, должна быть признана владельцем данного источника независимо от того, состоит ли она в трудовых правоотношениях с лицом, осуществляющим его техническое управление, или нет.

В ряде случаев передача источника повышенной опасности от одной организации другой осуществляется по распоряжению вышестоящей организации (например, о перераспределении технических средств между подчиненными предприятиями). В этих случаях решение вопроса о субъекте, обязанном возместить вред, причиненный передаваемым источником повышенной опасности, усложняется, как правило, установлением факта самой передачи данного источника от одной организации—другой. Дело в том, что распоряжение вышестоящей организации о передаче источника повышенной опасности подчиненной организации в управление (пользование) другой и сама передача источника во времени практически никогда не совпадают. Поэтому возникает вопрос, с какого момента следует считать владельцем источника повышенной опасности организацию, которой этот источник передается?

В решении данного вопроса правоприменительная практика последовательно проводит линию, согласно которой лицо, передающее источник повышенной опасности, и лицо, принимающее его, меняются ролями владельцев источника не с момента, когда было издано соответствующее распоряжение о передаче, а с момента самой передачи. Такая позиция, думается, правомерна. Для ее правового обоснования представляется возможной ссылка на ст. 30 Основ, ст. 128 ГК УССР и соответствующие статьи республиканских Гражданских кодексов, в соответствии с которыми право собственности или оперативного управления у приобретателя иму-

щества по договору возникает с момента передачи вещи, если иное не предусмотрено законом или договором. При этом передачей признается вручение вещей приобретателю.

Однако практика свидетельствует, что источник повышенной опасности может выбыть из обладания конкретного владельца не только правомерным путем, но и в результате противоправных действий третьих лиц.

Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный действием источника, если докажет, что последний вышел из обладания владельца не по его вине, а в результате противоправных действий третьих лиц.

Однако, если при причинении вреда источником повышенной опасности, выбывшим из обладания его владельца в результате противоправных действий третьих лиц, будет установлена вина также и в поведении владельца, ответственность за причиненный вред может быть возложена как на лицо, использовавшее источник повышенной опасности, так и на его владельца. В частности, ответственность владельца источника повышенной опасности может наступить, если по вине владельца не была обеспечена его надлежащая охрана. Вместе с тем на практике имеют место случаи, когда установление третьих лиц, противоправно завладевших источником повышенной опасности, не представляется возможным. Думается, что при таких обстоятельствах, когда вред причинен источником повышенной опасности, выбывшим из владения его владельца в результате противоправных действий третьих лиц, установить которые не представляется возможным, ответственность перед потерпевшим должен нести законный владелец. При таком подходе обеспечивалась бы максимальная возможность своевременного обеспечения защиты нарушенного права потерпевшего вред лица.

Поступила в редколлегию 07.07.86

М. В. ШУЛЬГА, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ УССР

Важную роль в решении поставленных XXVII съездом КПСС задач по ускорению социально-экономического развития страны играет надлежащая правовая регламентация земельных отношений в населенных пунктах (городах, поселках городского типа и сельских населенных пунктах).

Земли населенных пунктов являются территориальной операционной базой для застройки жилыми, коммунально-бытовыми,

промышленными, транспортными и иными строениями в целях удовлетворения различных потребностей проживающего на их территории населения.

Нормы права, регулирующие земельные отношения в указанной области, должны составлять единую целостную систему. Эффективность правовой регламентации этих отношений во многом зависит от того, насколько она будет развернутой и полной.

Совершенствование действующего земельного законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, происходит по двум направлениям: путем дополнения, уточнения и изменения содержания соответствующих правовых предписаний и по линии совершенствования самой его формы.

В настоящее время земельные отношения в населенных пунктах УССР регулируются прежде всего Основами земельного законодательства и республиканским земельным кодексом, содержащим разделы, которые включают совокупность определенных норм. Кроме того, их правовой регламентации посвящены специальные подзаконные нормативные акты, наиболее важными из которых являются Положение о землях городов и поселков городского типа Украинской ССР и Правила застройки сельских населенных пунктов Украинской ССР*. Указанные Положение и Правила обладают юридической силой, поскольку утверждены постановлениями Совета Министров УССР. Но с точки зрения полноты регулируемых отношений (соответственно в городах, поселках городского типа и сельских населенных пунктах) они существенно отличаются. В отличие от Положения Правила застройки сельских населенных пунктов не определяют правовой режим земель данных пунктов. Определяется он главным образом законодательством об использовании земель сельскохозяйственного назначения, в состав которых ранее входили земли сельских населенных пунктов.

Рассматривая вопрос о землях сельских населенных пунктов, важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Основы земельного законодательства (ст. 36) подразделяют сельские населенные пункты на два вида: перспективные и неперспективные. Такое деление — важная предпосылка рационального использования земель и специфическая норма управления развитием данных населенных пунктов. Однако при определении понятия рассматриваемых земель и земель сельскохозяйственного назначения закон (ст. 4, 21, 36 Основ) создает положение, при котором одна и та же земельная площадь считается одновременно землей и сельскохозяйственного назначения, и сельского населенного пункта, относится к различным категориям единого государственного земельного фонда. Такую ситуацию некоторые авторы иногда называют двойственным смешанным правовым режимом земель и считают вполне приемлемой**. Однако с подобным утверждением, на наш взгляд, трудно согласиться. Указанного правового режи-

* СП УССР. 1984, № 3, ст. 21; 1970, № 4, ст. 47; 1979, № 1, ст. 8.

** Балежин В. П. Правовой режим земель сельских населенных пунктов, М., 1972. С. 31.

на земель применительно к делению сельских населенных пунктов на перспективные и неперспективные быть не должно.

Данный вывод подтверждается тем, что правовой режим земель зависит от удельного веса юридически значимых элементов, составляющих его основу. При этом определяющее значение для правового режима имеет основное целевое назначение земли. Поэтому не может существовать одновременно, в равной мере, и тот, и другой правовой режим в отношении одного и того же земельного участка. На земельный участок должен распространяться полностью или преимущественно какой-либо один правовой режим, хотя и не исключено, конечно, распространение на данный участок отдельных элементов иного правового режима. Доминирующим же должен выступать именно тот режим, в основе которого — главное целевое назначение участка.

По смыслу ст. 36 Основ формирование земель сельских населенных пунктов как видового понятия наряду с землями городов и поселков городского типа должно происходить на основе только перспективных сельских населенных пунктов. Закон предусматривает, что отграничение земель перспективных сел от других земель осуществляется путем установления черты, т. е. аналогично отграничению земель городов и поселков городского типа. Тем самым земли этих сел определенным образом выделяются юридически из состава земель сельскохозяйственного назначения: во-первых, установление их черты осуществляется в порядке межхозяйственного землеустройства (это следует из ст. 36 и 47 Основ); во-вторых, включение данных земель в общую категорию земель населенных пунктов означает выведение из их состава земель сельскохозяйственного назначения, юридическое изменение основного целевого назначения этих земель в соответствии с их фактическим использованием.

Земли перспективных сел должны считаться собственно категорией земель населенных пунктов, ибо по уровню благоустройства и организации территории они приближаются к поселкам городского типа. Кроме того, основное целевое назначение земель перспективных населенных пунктов — обслуживание нужд жителей данных сел. Положение о том, что землями перспективных сел должен распоряжаться правовой режим земель населенных пунктов, может быть подтверждено еще и тем, что планировка и застройка перспективных сел осуществляются по тем же принципам, что и городов и поселков городского типа.

Конечно, и правовому режиму земель перспективных сел будет свойственна некоторая специфика по сравнению с правовым режимом земель поселков городского типа. Она обусловлена особенностями правового регулирования земельных отношений, вытекающими из необходимости ведения личного подсобного хозяйства подавляющим большинством сельских жителей.

Земли же неперспективных сел нецелесообразно исключать из состава земель сельскохозяйственного назначения. По характеру использования они фактически не являются разновидностью зе-

мель сельских населенных пунктов. Порядок их эксплуатации следует оставить прежним с оговоркой, что в известной мере здесь должна усиливаться контрольная функция исполкомов сельских Советов народных депутатов. Поскольку земли неперспективных сел представляют собой по существу земли сельскохозяйственного назначения, на них не распространяется понятие земель сельских населенных пунктов, введенное Основами земельного законодательства и Земельным кодексом УССР.

Объединение законодательством земель населенных пунктов в единую категорию дает основание для постановки вопроса о наиболее удобной форме правового регулирования земельных отношений в этих пунктах. Нахождение указанных земель в составе единой категории свидетельствует, во-первых, о тенденции законодательства на сближение правового режима земель всех населенных пунктов; во-вторых, о наличии в их правовом регулировании общих принципиальных положений. Эти положения и должны быть зафиксированы в едином специальном нормативном акте, определяющем правовой режим земель населенных пунктов. Таким актом может быть Положение о землях населенных пунктов (городов, поселков городского типа и перспективных сельских населенных пунктов).

Предлагаемое Положение, представляется, должно состоять из трех разделов. В первом необходимо поместить все общее, что в целом относится к землям населенных пунктов как отдельной категории земель единого государственного земельного фонда. Здесь должны быть сосредоточены нормы, посвященные, в частности, понятию земель населенных пунктов, их составу, определению черты данных пунктов, порядку ее установления и изменения, управлению землями, предоставлению и изъятию земельных участков, правам и обязанностям землепользователей в населенных пунктах, разрешению земельных споров и т. п. Во втором разделе следовало бы с исчерпывающей полнотой и максимально развернуто урегулировать правовой режим земель городов и поселков городского типа. Третий раздел было бы целесообразно посвятить особенностям правового регулирования земельных отношений в сельских населенных пунктах по сравнению с правовым регулированием земельных отношений в городах и поселках городского типа.

Поступила в редколлегию 12.02.87

ИСПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Процессуальный порядок отказа в возбуждении уголовного дела включает, с одной стороны, действия, предшествующие принятию решения об отказе, и действия, вытекающие из основания к отказу, с другой — оформление этих действий и решения об отказе соответствующими процессуальными документами [3, с. 46—47]. Процесс принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела состоит из двух этапов.

На первом производится собрание, проверка и оценка доказательной информации, приводящей к установлению определенных фактических обстоятельств. Второй этап заключается в принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела на основе оценки установленных обстоятельств с точки зрения наличия или отсутствия признаков, указанных в законе [5, с. 78—83].

Решение об отказе в возбуждении уголовного дела может быть принято лишь тогда, когда имеется такая совокупность доказательств, которая позволяет сделать достоверный вывод об отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела или о наличии других обстоятельств, препятствующих производству по делу [4, с. 98].

В постановлении следователя (органа дознания) констатируется, что расследования по поводу конкретного заявления (сообщения) о преступлении не будет. Следовательно, судопроизводство завершено, так как не было преступления или, хотя и было, но дальнейшее производство невозможно либо нецелесообразно по установленным в законе причинам.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно отвечать общим требованиям, которые предъявляются к постановлению следователя и прокурора (ст. 130 УПК УССР, ст. 107 КазССР) *.

Специальные же требования к данному акту в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрены. Представляется, что это является определенным пробелом, поскольку такой процессуальный акт имеет конкретное содержание, которое должно облекаться в соответствующую процессуальную форму.

Необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел — грубейшее нарушение социалистической законности. При отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 1—2,5 ст. 6 УПК УССР в постановлении целесообразно указать обстоятельства дея-

* УПК РСФСР и УПК МССР аналогичных норм не содержат.

ния, о котором указывалось в поступившем заявлении (сообщении), а также обстоятельства, установленные лицом, принявшим такое решение. В каждом случае из постановления с очевидностью должно вытекать отсутствие самого события деяния либо состава преступления.

Отказывая в возбуждении уголовного дела в силу наличия обстоятельств, обуславливающих освобождение лица от уголовной ответственности и наказания (п. 3—4, 8 ст. 6 и ст. 13¹ УПК УССР), во всех случаях необходимо описать совершенное деяние таким образом, чтобы было ясно, когда, кем и какое преступление совершено. Указание на конкретное лицо в каждом подобном случае обязательно, ибо основания этой группы связаны с определенной личностью.

Если принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела вызывается отсутствием волеизъявления потерпевшего о привлечении к уголовной ответственности по определенной категории дел (п. 6—7 ст. 6 УПК УССР), в описательной части постановления обстоятельства совершения преступления необходимо излагать таким образом, чтобы было очевидно, что данное преступление относится к категории дел частного или частно-публичного обвинения, а также отразить, что дальнейшее производство невозможно в силу отсутствия волеизъявления потерпевшего о привлечении виновного к уголовной ответственности.

Что касается отказа в возбуждении уголовного дела по основаниям, констатирующим невозможность повторного расследования фактов, касающихся деяний лиц, о которых имеется неотмененное в установленном порядке решение компетентных органов (п. 9—11 ст. 6 УПК УССР), то в этих случаях совершенное деяние описывается полностью. Здесь лицо, совершившее преступление, не называется. Далее указывается на невозможность совершения деяния данным лицом, поскольку ранее в отношении его компетентные органы приняли решение, не отмененное в установленном законом порядке.

В отдельных случаях (когда это необходимо) следует ссылаться и на соответствующие нормы УК УССР (ст. 7, 15—16, 18 УК УССР).

Заключительная часть постановления, в которой лицо, производящее дознание, следователь или прокурор формирует свое решение об отказе в возбуждении уголовного дела, называется резолютивной. Она должна быть логическим следствием описательной части постановления, закономерно вытекать из него. Вывод об отсутствии признаков преступления и о наличии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, должен основываться на доказательствах [2, с. 111].

Убедительность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела достигается за счет его мотивированности. Мотивированность — объективное выражение внутреннего убеждения лица, производящего дознание, следователя, прокурора и судьи в правильности вывода, к которому они пришли и который, по их

убеждению, является единственно возможным, исходя из фактических данных, установленных в ходе предварительной проверки. Мотивировка постановления дает возможность судить о законности и обоснованности решения об отказе в возбуждении уголовного дела. В УПК РСФСР (ст. 113), АрмССР (ст. 104), БССР (ст. 111), ЛитССР (ст. 131), МССР (ст. 97), ТаджССР (ст. 109) применительно к постановлению об отказе в возбуждении уголовного дела указывается на необходимость вынесения *мотивировочного* постановления. Полагаем, что такое указание должно быть закреплено и в ст. 99 УПК УССР.

Представляется целесообразным дополнить действующее законодательство (ст. 99 УПК УССР) указанием на то, что следователь (орган дознания), принявший решение об отказе в возбуждении уголовного дела, направляет письменное уведомление заинтересованным лицам. В уведомлении следует указать основания принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, порядок и срок обжалования в случае несогласия с ним. При поступлении ходатайств от заинтересованных лиц им должна выдаваться копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Такое требование закона — одно из условий своевременной реализации заинтересованными лицами своего права на обжалование принятого решения об отказе в возбуждении уголовного дела, реальная гарантия права граждан СССР на обжалование действий должностных лиц, права, предоставленного Конституцией СССР (ст. 58).

В 1921 г. В. И. Ленин говорил о задаче *научить* людей (и помочь им) *воевать за свое право* по всем правилам законной в РСФСР войны за права [1, т. 53, с. 149].

Одной из гарантий осуществления права на обжалование уголовного дела является разъяснение заинтересованным лицам и учреждениям права на обжалование.

УПК УССР, как и большинство УПК союзных республик, не устанавливает сроки для обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела *. Несмотря на расхождения во мнениях по поводу определения сроков для обжалования, все процессуалисты считают необходимым установить в законе срок обжалования постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел. Одни предлагают установить срок обжалования в течение пяти суток, другие увеличивают его до одного месяца [6, с. 127].

Анализ материалов практики показывает, что в настоящее время следователи, используя аналогию, применяющуюся в уголовном процессе, руководствуются положениями, содержащимися в ст. 215, 252, 350 УПК УССР, в которых установлен срок для обжалования постановления о прекращении уголовного дела, определения распорядительного заседания о прекращении уголовного дела и приговора суда первой инстанции. Поскольку поста-

* УПК АзССР (ст. 110), АрмССР (ст. 104), КиргССР (ст. 100) устанавливают семидневный срок для обжалования со дня получения извещения об отказе в возбуждении уголовного дела.

новление об отказе в возбуждении уголовного дела по своему характеру и правовым последствиям приближается к названным документам, было бы целесообразно, на наш взгляд, установить аналогичный срок для его обжалования в законодательном порядке. С этой целью ст. 99 УПК УССР следует дополнить положением о том, что постановление о возбуждении уголовного дела может быть обжаловано в течение семи суток с момента уведомления о принятии такого решения.

Обеспечению реальной возможности обращения с жалобой на принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела способствовало бы также закрепление в законодательном порядке заинтересованным лицам права на ознакомление со всеми материалами, на основании которых принято решение, делать из них выписки, необходимые для составления жалобы.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. 3. Гапонович Н. Н. Отказ в возбуждении уголовного дела. Минск, 1967. 4. Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. 5. Стрёмовский В. А. Актуальные проблемы организации и производства предварительного следствия в СССР. Краснодар, 1978. 6. Смирнов П. В. Вопросы совершенствования правовых регламентаций отказа в возбуждении уголовных дел // Пробл. созаконности. 1983. Вып. 11.

Поступила в редколлегию 17.12.85

К. К. ГУЛЫЙ

ХАРЬКОВ

ЛИЧНЫЕ ПРАВА АВТОРА ПРОИЗВЕДЕНИЯ И РЕДАКТУРА

Среди личных неимущественных прав автора особое место занимает право на неприкосновенность произведения, закрепленное в ст. 98 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 475, 476 ГК УССР). Это означает, что издательству запрещено по своему усмотрению вносить в произведение при жизни автора без его согласия какие-либо дополнения, сокращения и иные изменения. Данное правило преследует цель максимальной охраны творческой индивидуальности автора.

Между тем практика свидетельствует о том, что право автора на неприкосновенность произведения нередко нарушается. Так, на VIII съезде Союза писателей СССР (июль 1986 г.) говорилось о редакторском, редакционном, издательском произволе. И речь шла не о необходимом редактировании рукописей, а о том, что некие редактор и издатель присваивают себе права цензора. И получается: во-первых, рецензент, а иногда и несколько; во-вторых, редактор, за ним зав. редакцией, главный редактор или его зам... И что же остается от рукописи, к которой эти лица в меру своей перестраховочности и даже простой неадекватности к способно-

стям автора приложили руку? Ведь иному редактору, а тем более рецензенту кажется, что он неизмеримо способнее автора [2, с. 5]. Факты самовольного вмешательства редактора в авторскую рукопись во многом были причиной образования так называемого «исполнительного комитета по борьбе с издательским произволом» [4, с. 75].

На первый взгляд может показаться, что право автора на неприкосновенность произведения коллизирует с правом редактора вносить различного рода изменения в рукопись с целью ее улучшения, т. е. с правом на редактирование, предусмотренным в соответствующих нормативных актах.

Согласно п. 5.4 Типового положения о подготовке текстовых оригиналов непериодических изданий к выпуску, утвержденного приказом Госкомиздата СССР от 9 ноября 1982 г. № 479, редактирование — многоаспектный процесс совместной творческой работы ведущего редактора с автором над оригиналом с целью повышения идейных, научных и литературных достоинств произведения, исключения непроверенных фактов и бездоказательных выводов, достижения логической стройности за счет совершенствования словарного фонда книги и стиля изложения. В процессе редактирования ведущий редактор обязан внимательно относиться к творческой индивидуальности автора [1, с. 213].

Редактор — это творческий работник, разделяющий вместе с автором ответственность за выпущенное в свет произведение. Лишать редактора права научно обоснованными средствами исправлять недостатки произведения значило бы поставить под сомнение необходимость существования института редактуры, не исключало бы возможность распространения идейно, научно и художественно неполноценных книг. Несомненно, что не все авторы хорошо пишут и последовательно излагают свои мысли. Многие из них отрицательно относятся к саморедактированию собственных работ.

Конфликт между автором и редактором — во многом результат неправильного представления о методах работы последнего, забвения того, что без ведома автора недопустимо вносить какие бы то ни было изменения в произведение, затрагивающие его существо или искажающие мысль автора. Подобные действия отдельных редакторов приводят иногда к столкновениям между издательством и автором, вынуждают последнего обращаться в суд с иском о восстановлении нарушенного права.

Так, Свердловский районный суд г. Москвы рассмотрел дело по иску А. к одному столичному издательству. Было установлено, что стороны заключили договор на издание перевода поэмы. Однако без согласия переводчика поэма была сокращена, что повлекло нарушение его права не только на неприкосновенность произведения, но и на вознаграждение. Суд признал действия издательства неправомерными и восстановил нарушенные права переводчика [5, с. 40].

Закон не запрещает вносить в авторскую рукопись исправления и изменения. Редактор только обязан согласовывать их с автором. Самовольные же редакторские изменения в рукописи незаконны.

Авторское право в полной мере охраняет все то, что входит в понятие произведения как его неотъемлемые части: идею, архитектуру, сюжет, стиль и т. п. Поэтому любые самовольные редакторские действия, которые даже незначительно меняют составные части произведения или противоречат убеждениям автора, являются нарушением прав создателя произведения и, естественно, не должны допускаться без прямо выраженного согласия автора. Наиболее существенные изменения редактор должен предложить автору внести самому, оказывая ему при этом необходимую помощь. Внося же изменения, которые, по его мнению, улучшают произведение, квалифицированный редактор аргументирует их в беседе с автором, стремится убедить последнего в их необходимости и добиться его согласия на внесение этих изменений.

В связи с изложенным возникает закономерный вопрос: как быть, если автор не соглашается с редактором, а последний настаивает на своей правоте? Редактор должен постараться убедить автора в необходимости правки и выяснить, что заставляет его противиться изменениям, найти с автором компромиссный вариант. Иначе возможны такие случаи, когда автор под нажимом редактора сам уродует свое произведение [3, с. 31—36].

Типовое положение о подготовке текстовых оригиналов непериодических изданий к выпуску (п. 5.5) обязывает ведущего редактора одновременно критически проанализировать авторский оригинал, а также проверить, не содержит ли он сведений, не подлежащих открытой публикации, повтора ранее публиковавшихся материалов, отредактировать авторский иллюстративный материал [1, с. 213—214].

Как правило, редактор, работая над рукописью, стремится сократить излишний, второстепенный материал, поскольку это повышает качество издания, снижает его себестоимость, позволяет экономить бумагу и т. п. Однако получение согласия автора необходимо при всех условиях, кроме случаев, когда сокращение объема рукописи не сопровождается выброской текста. Что касается редактирования иллюстраций, то сокращение занимаемой ими площади путем уменьшения ее в эскизе, давая существенный экономический эффект, не затрагивает основные элементы произведения и не нарушает права его создателя.

Свидетельством того, что автор согласился с внесенными редактором, а также лицами, осуществляющими контроль за деятельностью последнего, изменениями, служит подпись автора на исправленном экземпляре до сдачи его в производственный отдел (п. 5.9 Типового положения о подготовке текстовых оригиналов непериодических изданий к выпуску) [1, с. 214].

Автор вправе в том же порядке, в каком назначается исполнитель завещания, указать лицо, на которое он возлагает охра-

ну неприкосновенности своих произведений после своей смерти. Это лицо осуществляет свои полномочия пожизненно. При отсутствии таких указаний охрана неприкосновенности произведений после смерти автора осуществляется его наследниками, а также организациями, на которые возложена охрана авторских прав. Эти организации осуществляют охрану неприкосновенности произведений также, если наследников нет или их авторское право прекратилось (ст. 478 ГК УССР). Все изменения, вносимые в рукопись после смерти автора, должны в течение срока действия авторского права согласовываться с наследниками. В случае недостижения соглашения издательство может обратиться за разъяснениями к компетентным лицам или в соответствующие организации. Однако в любом случае издательство не вправе вносить изменения без согласия наследников автора или игнорировать их запрет.

В ч. 2 ст. 476 ГК УССР установлено: воспрещается также без согласия автора сопровождать произведение при его издании иллюстрациями, предисловиями, послесловиями, комментариями и какими бы то ни было пояснениями. Аналогичное правило закреплено в п. 9 Типового издательского договора на литературные произведения, утвержденного приказом Госкомиздата СССР от 24 февраля 1975 г. № 88 (с изменениями и дополнениями, внесенными приказом Госкомиздата СССР от 1 октября 1980 г. № 499) [1, с. 187].

Недопустимость сопровождения произведения при его издании иллюстрациями без согласия автора обусловлена их большим значением для правильного понимания авторского замысла. Рисунки, схемы, фотографии в учебной, научно-технической литературе способствуют лучшему восприятию и усвоению текста и, естественно, только автор вправе судить об их целесообразности, тем более, что графический материал ведет к увеличению объема книги и оплачивается в меньшем размере, чем обычный текст.

Согласно п. 9 Типового издательского договора на литературные произведения издательство обязуется не вносить без согласия автора какие бы то ни было изменения в название произведения. Роль заглавия велика: оно в сжатой форме раскрывает идею произведения, авторское отношение к теме, а иногда и содержание книги, поэтому никакие изменения в заглавии недопустимы без прямо выраженного согласия автора. Вместе с тем издательство должно следить, чтобы автор не злоупотреблял этим исключительным правом. Встречались случаи, когда произведения переиздавались их авторами под измененными названиями. Это может дезориентировать читателя и привести к нарушениям порядка оплаты авторского гонорара при подсчете общего числа изданий конкретного произведения.

Предисловие призвано сообщить читателю, на что ему нужно обратить внимание, читая книгу, работая с ней. Предисловие может принадлежать автору произведения, титульному или ведущему редактору, авторитетному специалисту, приглашенному для

того, чтобы охарактеризовать достоинства и другие особенности произведения, оговорить, какие задачи и почему не удалось решить. В силу многих причин авторы поэтому нередко возражают против помещения предисловия, и с их возражениями редактору необходимо считаться. Аналогичное правило действует и в отношении таких элементов аппарата книги, как вступительная статья и послесловие.

Автор может отнестись отрицательно также к комментированию или пояснению издательством его произведения. Если комментарии или пояснения так или иначе разъясняют текст или авторский замысел, то их помещение в аппарат книги представляется излишним, поскольку автор все необходимые комментарии или пояснения должен был внести по предложению редактора еще в процессе работы над рукописью. Если же в комментариях или пояснениях издательство оценивает положения автора, критикует их, то возражения автора могут быть вызваны тем, что, по его мнению, подобные действия издательства скажутся на цельности восприятия читателя и самостоятельности его суждения о прочитанном. В таком случае издательство может ограничиться указанием, что произведение печатается в порядке постановки вопроса или обсуждения (такая форма публикации нередко применяется в научных сборниках и вестниках) или что с такой-то позицией автора издательство не согласно.

Решением коллегии Госкомиздата СССР «О дальнейшей демократизации организационно-творческой деятельности издательств» (декабрь 1987 г.) в целях демократизации взаимоотношений издательства с авторами рекомендовано издательствам в случаях издания отдельных работ, содержащих дискуссионные положения, выпускать рукописи в авторской редакции. В этих случаях издательство в специальном обращении к читателям может информировать их о своем отношении к отдельным положениям книги [6, с. 2].

Право на имя означает право определять имя, обозначаемое на произведении при его публикации. Автор вправе публиковать произведение под своим именем, под условным (но не чужим) именем (псевдонимом) или без обозначения имени (анонимно). Для издательств порядок обозначения имени автора определяется системой стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу, в частности ГОСТ 7.4—86 «Издание. Выходные сведения». Право на имя непередаваемо.

Право автора на неприкосновенность его имени означает, что без согласия автора издательство не вправе вносить изменения не только в обозначение действительного имени автора, но и в псевдоним, в частности не может вместо псевдонима указываться действительное имя автора. Точно так же, если автор пожелал опубликовать свое произведение анонимно, издательство без согласия автора не может раскрыть его подлинное имя или какой-либо псевдоним.

В основе права на опубликование произведения лежит значе-

ние, придаваемое мнению автора о готовности произведения к опубликованию. Это право закреплено за ним во всех случаях, даже тогда, когда произведение создано в порядке выполнения служебного задания. Из толкования данной нормы закона следует, что автор может отказаться от опубликования своего произведения в любой момент, а значит и тогда, когда он уже заключил с издательством соответствующий договор, его рукопись отредактирована и заверстана. Такие случаи в издательской практике вполне возможны, например, в силу того, что произошли важные исторические события, получены новые научные результаты, изменились воззрения автора, что влечет за собой если не переработку произведения, то отказ от его опубликования, или же автор усмотрел в действиях издательства ущемление своих прав и т. п.

Однако последствия отказа автора от опубликования произведения в нормативных актах не предусмотрены. Полагаем, что если отказ автора вызван объективными причинами, издательство должно с пониманием отнестись к этому и предоставить автору определенный срок для доработки рукописи. Не станет же издательство вредить собственной репутации, выпуская в свет заведомо непригодное для опубликования произведение. При невозможности такой доработки стороны расторгают договор, и автор возвращает издательству полученные от него суммы гонорара. Если же автор отказывается от опубликования по личным мотивам в момент, когда издательство уже проделало определенную работу над его рукописью и понесло соответствующие затраты, он, кроме возврата издательству полученных от него сумм гонорара, должен возместить убытки по правилам неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. Издательство не должно терпеть убытки по вине автора, тем более, что оно работает в условиях полного хозрасчета и самоокупаемости. В случае спора стороны могли бы обратиться за его разрешением к компетентным лицам или в соответствующие организации, а при недостижении согласия — в суд. По нашему мнению, данное правило должно быть закреплено в Типовом издательском договоре и иных нормативных актах, регулирующих издательскую деятельность.

Нарушения личных неимущественных прав автора в определенной мере могут быть вызваны несовершенством внутрииздательской системы рассмотрения и оценки рукописей, которая не ориентирована на ускоренный выпуск книжной продукции. Как же упростить процедуру апробации? Прежде всего за счет повышения доверия к ведущему редактору. Именно он должен стать главным звеном в издательском процессе. Ему судить, соответствует ли рукопись требованиям издательства или нет, и решать все принципиальные вопросы с автором произведения. Именно в демократизации редакционно-издательского процесса наряду с модернизацией полиграфической базы — одна из особенностей перестройки издательского дела.

Список литературы: 1. Авторское право: Сб. нормат. актов. М., 1985. 2. Никонов Н. Литавры подождут... // Лит. газ. 1987. 22 июля, 3. Сарнов Б. Разбойник

В. В. СУНЦОВ, канд. юрид. наук, О. А. СУРЖЕНКО

ХАРЬКОВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАН УТРАТИВШИМИ ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛЫМИ ПОМЕЩЕНИЯМИ В ДОМАХ ЖСК

В соответствии с действующим жилищным законодательством признание граждан утратившими право на жилую площадь производится, по общему правилу, в двух случаях: если наниматель или члены его семьи отсутствовали на жилой площади свыше шести месяцев без уважительной причины (ст. 71 Жилищного кодекса УССР); если наниматель и члены его семьи выехали на постоянное жительство в другой населенный пункт или в другое жилое помещение в том же населенном пункте (ст. 107 ЖК УССР).

Согласно ст. 72 ЖК УССР признание лица утратившим право пользования жилым помещением производится только в судебном порядке. Суд может признать лицо утратившим право пользования жилым помещением лишь по одному, указанному истцом основанию, предусмотренному ст. 71 или ст. 107 ЖК УССР. Изменить основание иска суд вправе только с согласия истца [4, п. 11].

Что касается жилой площади в домах жилищно-строительного кооператива, то признание члена кооператива и членов его семьи утратившими право пользования ею в случае их временного отсутствия имеет некоторые особенности.

Решение данного вопроса зависит прежде всего от правового положения лица, проживающего в доме ЖСК.

Членство в ЖСК представляет собой основополагающий юридический факт-правоотношение, который в совокупности с другими необходимыми фактическими обстоятельствами, имеющими юридическое значение, порождает у членов ЖСК имущественные и личные неимущественные права.

В числе имущественных — право члена кооператива на пользование выделенным ему жилым помещением является наиболее важным. Субъективное право на конкретное жилое помещение в доме кооператива вытекает из факта принятия гражданина в члены ЖСК и вынесения общим собранием решения о закреплении за ним определенного помещения [5, с. 70—71]. Порядок возникновения такого права требует адекватной процедуры его прекращения. Поэтому к членам ЖСК неприменимо общее правило о сроках сохранения жилой площади, установленное для

анимателей в домах государственного и общественного жилищного фонда на случай их временного отсутствия [2, п. 12].

Утрата пайщиком права пользования кооперативным жилым помещением возможна лишь при условии исключения его из состава членов кооператива по основаниям, предусмотренным ст. 147 ЖК УССР, п. 50 Примерного устава ЖСК [1, 1985, № 5, ст. 41; 1986, № 9, ст. 49], перечень которых является исчерпывающим. Пока же гражданин состоит в членах ЖСК, он не может быть лишен в принудительном порядке принадлежащего ему права пользования квартирой, равно как и других прав, вытекающих из членства в кооперативе [6, с. 236—237]. Следовательно, временное непроживание члена кооператива, сколько бы оно ни продолжалось, не может служить основанием для лишения права дальнейшего пользования жилым помещением. Действующее жилищное законодательство не содержит по этому поводу прямого указания, что зачастую приводит на практике к судебным ошибкам.

Так, член ЖСК Б. предъявил к своей бывшей супруге Ц. иск о разделе пая и кооперативной квартиры. Ц. предъявила встречный иск о признании Б. утратившим право на жилую площадь, ссылаясь на то, что он образовал новую семью и фактически проживает в квартире супруги. Решением Ленинградского районного народного суда г. Киева, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Киевского городского суда, встречный иск был удовлетворен полностью, основной — частично: за Б. признано право на часть пая, а в иске о разделе квартиры было отказано.

Президиум Киевского городского суда, удовлетворяя протест заместителя Председателя Верховного Суда УССР, в своем постановлении не согласился с изложенными выводами, отметив, что согласно п. 5 ст. 147 ЖК УССР и п. 5, 50 Примерного устава ЖСК, выезд члена кооператива на другое постоянное место жительства может быть только основанием для исключения его из кооператива. Однако суд не проверил, рассматривался ли в установленном порядке вопрос об исключении Б. из членов кооператива и были ли основания для признания его утратившим право пользования жилым помещением. В связи с этим судебные решения подлежат отмене, а дело — направлению на новое рассмотрение [7, 1986, № 9, с. 80—81].

Такая же ошибка была допущена и Киевским районным народным судом г. Харькова по аналогичному делу.

Таким образом, можно сделать вывод о типичности данной ошибки. Назрела необходимость устранения подобного пробела. Согласно ч. 1 ст. 148 ЖК УССР член ЖСК, исключенный из кооператива утрачивает право пользования квартирой в доме кооператива и при отказе освободить ее подлежит выселению в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения. Поэтому гражданин, исключенный из членов ЖСК, утрачивает право пользования квартирой не с момента выбытия на другое постоянное место жительства, а со дня исключения из кооператива.

После такого исключения гражданин, в случае отказа освободить занимаемое жилое помещение, может быть признан судом по иску кооператива или прокурора утратившим право пользования данной квартирой и выселен из нее. Возможность предъявления такого иска исполкомом местного Совета народных депутатов законодательством не предусмотрена [3, п. 12«б»]. Соответствующая информация может быть представлена исполкомом прокурору для реагирования.

На основании п. 51 Примерного устава, в случае исключения члена ЖСК из кооператива в связи с выездом на другое постоянное место жительства, член его семьи имеет преимущественное право перед другими лицами на вступление в кооператив. В свою очередь, супругу члена кооператива, которому принадлежит право на часть паенакопления, предоставляется преимущество перед другими членами семьи. При отказе в приеме в кооператив указанных лиц спор может быть разрешен в судебном порядке [3, п. 2«в»].

Статья 71 ЖК УССР не распространяется на лиц, проживающих в кооперативных квартирах и имеющих право на соответствующую часть (долю) паенакопления (например, супруг члена ЖСК). Только в случае выбытия на другое постоянное место жительства такое лицо может быть признано утратившим право пользования жилой площадью в кооперативном доме [2, п. 12] по иску члена кооператива, самого кооператива и прокурора со дня выезда.

Если при разделе пая тот из супругов, который не является членом ЖСК, и просит суд взыскать денежную компенсацию с другого супруга (члена кооператива) и вместе с тем отказывается от дальнейшего пользования жилой площадью, суду следует одновременно со взысканием в его пользу соответствующей денежной суммы вынести решение и об утрате им права пользования квартирой [3, п. 8].

Что касается членов семьи пайщика, которым не принадлежит доля пая, то к ним могут применяться сроки, указанные в ст. 71 ЖК УССР. По иску пайщика ЖСК член его семьи может быть признан судом утратившим право пользования жилым помещением в доме кооператива в связи с длительным непроживанием применительно к ст. 71 ЖК УССР [3, п. 14]. В случае выезда на постоянное проживание на другое место он в соответствии со ст. 107 ЖК УССР может быть признан утратившим право пользования жилым помещением со дня выезда.

Список литературы: 1. *СП УССР*. 2. *Постановление* Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел по спорам между гражданами и жилищно-строительными кооперативами» // Бюл. Верховн. Суда СССР. 1978. № 4; 1984. № 4. 3. *Постановление* Пленума Верховного Суда Украинской ССР от 8 июля 1977 г. № 4 (с изм. от 30.03.84 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в практике судов по применению законодательства о жилищно-строительных кооперативах» // 36. постанов Пленуму Верхов. Суду Української РСР (1962—1984). Из змінами і доповненнями за станом на 31 грудня 1984 р. К., 1985. 4. *Постановление* Пленума Верховного Суда УССР от 12 апреля 1985 г. № 2 «О некоторых вопросах,

возникших в практике применения судами Жилищного Кодекса Украинской ССР» // Рад. право. 1985. № 7. 5. Басин Ю. Г. Вопросы советского жилищного права. Алма-Ата, 1963. 6. Прокопченко И. П. Жилищное и жилищно-строительное законодательство. М., 1986. 7. Радянське право.

Поступила в редколлегию 20.06.86

Н. М. ТИЩЕНКО

ХАРЬКОВ

ЭКСПЕРТ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В условиях ускорения социально-экономического развития страны важное значение приобретают вопросы укрепления социалистической законности и правопорядка, усиления охраны прав и законных интересов граждан. Это необходимо и в сфере борьбы с административными правонарушениями, которая является важным фактором охраны общественного строя СССР, социалистической собственности, социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, а также прав и законных интересов предприятий, учреждений и организаций.

Результативная борьба с административными правонарушениями невозможна без неукоснительного соблюдения установленного порядка производства по указанной категории дел. Этот порядок обеспечивает своевременное, всестороннее, полное и объективное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в точном соответствии с законодательством. Между тем правила наложения административных взысканий зачастую нарушаются [1].

В производстве принимает участие ряд лиц, правовой статус которых урегулирован республиканскими кодексами об административных правонарушениях. В литературе обязанности и права участников производства, их реализация освещены еще недостаточно, что не способствует совершенствованию практики борьбы с административными правонарушениями. Поскольку участники производства выполняют различные процессуальные функции, целесообразно их распределить на три группы. К первой следует отнести лица, составляющие протоколы об административных правонарушениях, и органы управления (должностные лица), уполномоченные рассматривать дела об этих правонарушениях. Вторую группу составляют лица, имеющие личный интерес в конкретном деле: лицо, привлекаемое к административной ответственности, потерпевший и их законные представители. В третью входят лица, содействующие осуществлению производства — адвокат, свидетель, эксперт, переводчик.

Определенный теоретический и практический интерес представляет выяснение правового статуса эксперта. Практика показывает, что при разрешении дел об административных правонарушениях орган (должностное лицо), рассматривающий дело, не все-

гда использует возможности экспертизы в случаях, когда это объективно необходимо для всестороннего, полного и объективного решения вопроса об ответственности.

По общепринятому определению, экспертом признается лицо, обладающее специальными познаниями в определенной области и привлекаемое к исследованию тех или иных обстоятельств дела [2, с. 157]. При рассмотрении многих категорий дел об административных правонарушениях в области охраны труда, общественного порядка, окружающей природной среды, на транспорте и др. возникает потребность в установлении обстоятельств, относящихся к той или иной отрасли научных или практических знаний. В таких случаях важно выслушать мнение компетентного лица — эксперта, заключение которого может стать одним из доказательств по делу. Данное лицо обладает специальными, не общедоступными, не имеющими массового распространения, знаниями [3, с. 91]. Объем специальных знаний весьма широк, согласуется с различными отраслями науки и практическими профессиями. Следовательно, участие эксперта в рассмотрении конкретного дела обусловлено объективными предпосылками и основывается на строгом соблюдении принципов производства по делам об административных правонарушениях. Неслучайно кодексы союзных республик установили, что в случае, когда возникает необходимость в специальных познаниях, орган (должностное лицо), в производстве которого находится дело об административном правонарушении, назначает эксперта (ст. 251 Кодекса УССР, ст. 252 Кодекса РСФСР, ст. 266 Кодекса КазССР и т. д.).

В процессе возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях необходимость в специальных знаниях может возникнуть по целому ряду обстоятельств. Так, при решении вопроса об административной ответственности за мелкое хулиганство возможно привлечение эксперта для решения вопроса о вменяемости лица, его совершившего. В практике такие случаи встречались, и отсутствие эксперта приводило к необоснованному наложению административного взыскания на лицо, признанное впоследствии невменяемым. Привлечение в качестве экспертов специалистов-зоологов или орнитологов целесообразно при рассмотрении дел об умышленном уничтожении животных, занесенных в Красную книгу. Весьма важным представляется участие в качестве экспертов специалистов в области метрологии, товароведения и технологии производства по делам об административных правонарушениях, связанных с обеспечением качества продукции, стандартизации и метрологии.

В практике сложилось положение, когда в качестве экспертов те или иные органы (ГАИ, государственного пожарного надзора и др.) привлекают специалистов своей отрасли, которые обладают необходимыми познаниями, позволяющими правильно разрешать дела об административных правонарушениях. Думается, что такая практика не противоречит достижению объективной истины в производстве. Привлечение эксперта со стороны прямо не закреп-

лено в Кодексе, и поэтому каждый орган (должностное лицо) вправе разрешить вопрос о назначении экспертизы по своему усмотрению, руководствуясь интересами своевременного, всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств.

Участвующих в производстве по административным правонарушениям экспертов законодатель наделил определенными полномочиями. Так, в соответствии со ст. 273 Кодекса УССР эксперт обязан явиться по вызову органа (должностного лица) и дать объективное заключение по поставленным перед ним вопросам. Для этого он наделен конкретными правами: может ознакомиться с материалами дела, относящимися к предмету экспертизы, заявлять ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, с разрешения органа (должностного лица), в производстве которого находится дело об административном правонарушении, задавать вопросы лицу, привлекаемому к ответственности, потерпевшему, свидетелям, если эти вопросы относятся к предмету экспертизы, а также присутствовать при рассмотрении дела. Аналогичные обязанности и права эксперта закреплены в кодексах других союзных республик (ст. 252 Кодекса РСФСР, ст. 266 Кодекса КазССР, ст. 252 Кодекса БССР и т. д.). Исключение составляет ст. 277 Кодекса ЛитССР, ч. 2 которой устанавливает, что решение органа (должностного лица) о вызове эксперта обязательно для руководителя предприятия, учреждения или организации, где работает лицо, привлекаемое к участию в деле в этом качестве. Представляется, что данная норма удачна, ибо гарантирует привлечение эксперта для участия в производстве, помогает осуществлению в нем принципа быстроты и экономичности.

Разумеется, что правовой статус эксперта в производстве по делам об административных правонарушениях существенно отличается от его положения в уголовном или гражданском процессах. Так, при наличии ряда обстоятельств (они четко сформулированы в ст. 54, 62, ч. 7 ст. 75 УПК УССР, п. 2—5 ст. 18 и 19 ГПК УССР) эксперт не может участвовать в уголовном или гражданском деле и подлежит отводу. В Кодексе УССР прямых указаний на обстоятельства, при которых эксперт подлежит отводу, не содержится. Кроме того, УПК УССР и ГПК УССР предусмотрена уголовная ответственность эксперта за уклонение от дачи заключения или дачу заведомо ложного заключения (ст. 196 УПК УССР, ст. 58 ГПК УССР). В случае, если экспертиза проводится в экспертном учреждении, эксперт не предупреждается об уголовной ответственности за уклонение от дачи заключения, поскольку выполнение экспертизы входит в круг его служебных обязанностей, за невыполнение которых он несет дисциплинарную ответственность. Согласно ст. 196 УПК УССР, для назначения экспертизы по уголовному делу выносится мотивированное постановление. В гражданском процессе экспертиза назначается мотивированным определением суда. В производстве по делам об административных правонарушениях порядок проведения экспер-

тизы, ответственность экспертов законом не регулируются. Думается, что эксперты могут нести ответственность в дисциплинарном порядке.

На практике решение о производстве экспертизы оформляется в виде письменных или устных ходатайств органа или должностного лица, в производстве которого находится дело. По-видимому, следует более обстоятельно урегулировать круг вопросов, связанных с назначением и проведением экспертизы в производстве и ответственностью эксперта. На наш взгляд, возможны два пути. По мере накопления практического материала по проведению экспертизы в производстве по делам об административных правонарушениях целесообразно расширить содержание ст. 251 Кодекса УССР (соответствующих статей кодексов других союзных республик), закрепив подробно порядок проведения экспертизы, ее юридические последствия. Вторым путем состоит в том, что центральные органы соответствующих отраслевых систем, наделенных административно-юрисдикционными полномочиями, разработают и утвердят методические инструкции по вопросам назначения экспертизы, оценки и применения ее данных.

Вопрос о привлечении эксперта к производству по делам об административных правонарушениях неразрывно связан с тем, на какой из стадий возможно его участие. Представляется, что привлечение эксперта целесообразно на стадии рассмотрения дела. В некоторых же случаях, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, возможно участие эксперта и на стадии возбуждения дела, при проверке содержания протокола вышестоящим должностным лицом. Не исключается участие эксперта и в ходе рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении.

Список литературы: 1. О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан // Правда. 1986. 30 нояб. 2. Советский уголовный процесс / Под ред. М. И. Бажанова, Ю. М. Грошевого. К., 1983. 3. Эйсман А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967.

Поступила в редколлегию 17.07.86

В. В. УСТИМЕНКО, канд. юрид. наук

ХАРЬКОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ИДЕАЛЬНОЙ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ

Прежде всего следует указать на два вида идеальной совокупности преступлений со специальным субъектом: а) два и более преступлений, образующих совокупность, могут быть совершены лишь специальным субъектом, но их признаки применительно к каждому из этих преступлений имеют свои особенности; б) одно

“(несколько) преступление, входящее в совокупность, характеризуется специальным субъектом, а другое (другие) — может быть совершено любым лицом (общеуголовное преступление).

Первый вид такой совокупности имеет место практически в случаях, когда должностное лицо предприятия торговли, общественного питания или бытового обслуживания, используя свое служебное положение, совершает обман покупателей или заказчиков либо нарушает правила торговли. В квалификации этих действий единство мнений отсутствует. Б. М. Леонтьев и Г. И. Вольфман, исключая в данном случае совокупность вообще, считают достаточным применение лишь ст. 156 УК РСФСР [1, с. 19; 6, с. 132]. В. В. Сташис и Н. А. Беляев, напротив, говорят о совокупности преступлений, указанных в ст. 170 и 156 УК РСФСР [5, с. 124—125; 8, с. 441]. По мнению Б. В. Здравомыслова и А. Я. Светлова, совершенное охватывается признаками обмана покупателей, когда должностное лицо, например, непосредственно отпускает и продает товары или рассчитывается с покупателем. Если же обман осуществляется не им лично, а через подчиненных ему лиц, имеет место совокупность преступлений, и применению подлежат ст. 165, 17 и 155 УК УССР (ст. 170, 17, 156 УК РСФСР) [2, с. 96; 7, с. 167—169].

Нет единообразия и в судебной практике. Так, из 297 изученных уголовных дел этой категории, рассмотренных народными судами ряда областей Украинской ССР за период с 1976 по 1984 г., в 165 — субъектами выступали должностные лица (директор, зав. магазином, базой, отделом и пр.). В 23% случаев действия были квалифицированы по совокупности как злоупотребление служебным положением и обман покупателей (хотя в 13% обман покупателей совершался лично должностным лицом, а в 10% — через подчиненных ему лиц); в 77% — лишь как обман покупателей.

Рассматривая квалификацию указанных преступлений, следует отметить, что здесь субъект не только является должностным лицом, отвечающим за нормальную деятельность вверенного ему предприятия или его участка, но и выступает как работник предприятия торговли или общественного питания. Таким образом, субъект характеризуется сочетанием двух признаков, и поэтому необходимо дать правовую оценку его действий и как должностного лица, и как работника указанных предприятий.

Обманывая покупателей лично или через подчиненных, должностное лицо, безусловно, совершает преступление, предусмотренное ст. 155 УК УССР. В его действиях имеются признаки этого состава, в том числе и признаки специального субъекта, так как должностное лицо, как уже отмечалось, одновременно является и работником этих предприятий. Такая квалификация обоснована и не оспаривается ни в литературе, ни на практике. Дискуссионным остается лишь вопрос, содержится ли в его действиях и состав злоупотребления служебным положением (ст. 165 УК УССР), когда он лично обманывает покупателей.

Представляется, что для ответа на данный вопрос необходимо выяснить характер полномочий, возложенных на должностных лиц предприятий торговли и общественного питания. Так, заведующие (директора) магазинов, отделов, секций и их заместители несут персональную ответственность за правильную хозяйственную деятельность вверенного им предприятия или его участка, осуществляют контроль за надлежащим обслуживанием покупателей, правильным отпуском товаров и соблюдением установленных цен [3, с. 130—156; 4, с. 7—16]. Выполнение всех этих действий со стороны должностного лица призвано обеспечить нормальную деятельность предприятия торговли или общественного питания или отдельного его участка. Поэтому, если должностное лицо совершает обман покупателей, независимо от того, лично или через подчиненных ему лиц, оно тем самым нарушает должностные полномочия, возложенные на него, т. е. злоупотребляет своим служебным положением.

В итоге совершенное деяние причиняет ущерб двум группам общественных отношений: отношениям, в соответствии с которыми товары в предприятиях торговли или общественного питания должны поступать покупателю полным весом и полной мерой по установленным розничным ценам и с соблюдением правильности расчетов (именно эти отношения поставлены под уголовно-правовую охрану в ст. 155 УК УССР); отношениям, составляющим нормальную деятельность государственного аппарата в сфере предприятий торговли или общественного питания и находящимся под защитой уголовного закона (в данном случае — ст. 165 УК УССР). Поэтому каждому из совершенных общественно опасных деяний необходимо дать самостоятельную юридическую оценку, которую можно осуществить лишь в рамках идеальной совокупности преступлений, т. е. по ст. 155 и 165 УК УССР.

Остановимся на характеристике действий должностного лица предприятия торговли или общественного питания, совершившего нарушение правил торговли.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17 марта 1983 г. «О практике применения судами законодательства об уголовной ответственности за нарушения правил торговли» отмечается, что действия должностных лиц предприятий торговли или общественного питания, связанные с незаконной торговлей товарами со складов, баз, из подсобных помещений или сокрытием их от покупателей, могут быть квалифицированы по ст. 156³ УК РСФСР (ст. 155³ УК УССР) в случаях, когда вред, причиненный преступлением государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан, не является существенным. Нарушение должностным лицом правил торговли, повлекшее причинение существенного вреда, надлежит рассматривать как злоупотребление служебным положением и квалифицировать по ст. 170 УК РСФСР и соответствующим статьям других союзных республик [9, 1983, № 2, с. 16].

С подобной рекомендацией вряд ли можно согласиться. В ней